

БЧР7 (2Р-4Кем)

ISSN 0235-7976

Л64

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КУЗБАСС

4 • 1990

Г. Писаревская, «Телеутка в костюме невесты», б., п., 1986 г.

✓
№

е

Р

Генна

Б

Але

Ва

Лк

Копир
на у
О
№

84p7(2p-4ксм)
164

ЛИТЕРАТУРНЫЙ № 4 (110) КУЗБАСС

Год изданий 42-й

Выходит
ежеквартально

ОРГАН КЕМЕРОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Редактор:
Владимир **МАЗАЕВ**

Редакционная
коллегия:

Виктор БАЯНОВ

Сергей ДОНБАЙ

Геннадий ЕМЕЛЬЯНОВ

Валерий ЗУБАРЕВ

Александр КАЗАРКИН

Валентин МАХАЛОВ
(отв. секретарь)

Любовь НИКОНОВА

390876

В НОМЕРЕ

собраны материалы о культуре, истории,
современных проблемах шорского,
немецкого и телеутского народов,
живущих на Кузнецкой земле.

Александр Казаркин — Геннадий Косточаков. Блудные
сыновья? Потерянные дети? (Диалог о национальной
памяти) 3

«Как нитку, душу твою оборвали мы!..» Рассказы и ле-
генды Горной Шории (Собрала Н. П. Дыренкова) 9

Софрон Тотыш. Шорские легенды. Юрий Тотыш. Возрож-
денный народ?.. Н. Курпешко. Шорские имена 24

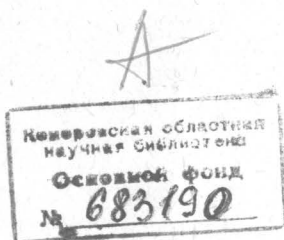
ПОЭЗИЯ

Александр Цыганков. Второе небо, или Синий пояс осен-
ней радуги. (Отрывок) 35

Леонид Гержидович. Андрюха Шишконоков 36

Евгений Тельгереков. «Пройдут одних печалей времена...» 36

А. Сыркашева. Прости, мой мальчик, что подарила тебе
такую короткую жизнь 37

Кемеровское
книжное
издательство
1990

Адрес редакции:
650099, Кемерово, 99
проспект Советский, 40
тел. 26-85-14

Редакция рукописи
не рецензирует, а только
сообщает о своем решении.

Рукописи объемом
менее двух печатных листов
не возвращаются.

Ведущий редактор
В. Б. Соколов
Художник
Г. Н. Писаревская
Художественный редактор
В. П. Кравчук
Технический редактор
Г. Н. Манохина
Корректор
Е. А. Царева

На первой стр. об-
ложки: Г. Писаревская
«Вид на пос. Каз»,
1979 г.

На четвертой стр.
ложки: Г. Писаревская
«Портрет телеута» (в
позиции о рудознате-
ле), б., п., 1986 г.

Л. В. Малиновский. Мать-и-мачеха. История и судьба немцев в Сибири	71
Д. И. Сегодня на дворе другая погода (Перспективы автономии для советских немцев)	82
Николай Калишев. «Всегда спешу...» «Листья с деревьев ветер срывает...» Перевел с телеутского автор	86
Телеутские сказки. Со слов телеуток П. И. Тыдыковой и А. А. Сыркашевой. Запись и перевод Н. В. Калишева	87
Владимир Шабалин. Дворянская дочь	89
Домашняя утварь и пища шорцев	93

ПЕРВЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Л 4702010200—27
М 145(03)—90

1.90. Формат 70X90/16.
л. 7,02. Усл. кр.-отт.
3419. Цена 40 к. Ке-
мерово, ул. Ноград-

ий РСФСР, 1990

А. К.
бирале.
фологи
но так
жизнь
Пришл
Тут же
глуби
хотя я
СССР»,
кой за
Сибири
програ
же дис
бенност
Самое
гатство
кровиш
бирь Н
Боюсь,
ница с
цу... А
Г. К.
родины
от про
коснуло
рода эт
родины
передат
мое, сво
А. К.

Александр Казаркин — Геннадий Косточаков

БЛУДНЫЕ СЫНОВЬЯ? ПОТЕРЯННЫЕ ДЕТИ?

(Диалог о национальной памяти)

А. К. — Начну с покаяния. Не раз собирался читать лекционный курс «Мифология и фольклор аборигенов Сибири», но так и не собрался. Почему? А вся жизнь на это уйдет, и даже не хватит ее. Пришлось бы переквалифицироваться. Тут же бездна сведений, захватывающая глубина истории. Призвание тут нужно. И, хотя я читал курс «Литература народов СССР», я бы, наверно, не справился с такой задачей. Насколько знаю, нигде в Сибири такой курс не читается, хотя программа, в общем-то, обязывает: есть же дисциплины, вводимые в связи с особенностями региона. Так вот и живем. Самое неизученное в нашей науке — богатство наших культур. «Невскрытой сокровищницей культур» назвал ведь Сибирь Николай Рерих еще в 20-е годы. Боюсь, что за шестьдесят лет сокровищница стала сильно походить на гробницу... А как на ваш взгляд?

Г. К. — Для меня это тема отчуждения родины. Отчуждение всеобщее: человека от прошлого, от рода, от истории. Это коснулось всех, но для исчезающего народа это особо болезненная тема. Чувство родины у меня, конечно, есть, но как его передать?.. Оно же, наверно, непередаваемое, свое у каждого народа.

А. К. — Конечно, так. Есть носители на-

ционального самосознания и есть аналитики, изучающие его со стороны. И тот, и другой подходы нужны, но беда народу, если сторонний наблюдатель не только небрежен, но начинает оттеснять прямого наследника, подменять его собою. Вот что было у нас, притом десятки лет. Прибавьте нашу неслыханную бесхозяйственность: мы ведь даже не знаем, сколько в нашей сокровищнице языков. Смотрите, как колебались данные статистики. Перепись двадцать шестого года насчитала 194 нации и народности в Советском Союзе, а перепись тридцать девятого года — лишь 63. Это что — убыль в три с лишним раза за каких-то тринадцать лет? Да нет, конечно. Даже при том геноциде, который шел всю в те годы, эта цифра характеризует официальную, сталинскую, установку и только. В семидесятые годы утвердилась доктрина «более ста народов», и вот перепись семьдесят девятого года преподносит — 101 народность. А институт этнографии числит 128 народностей в нашей стране, хотя некоторые его же сотрудники полагают, что их, народностей, у нас, по крайней мере, вдвое больше... Миклуха-Маклай ездил за океан открывать народы, а мы узнаем об открытии прямо посреди России: вепсы заявили о своих правах. Как можно всерьез говорить о

возрождения «бесхозных» народностей?.. Немудрено, что некоторые из них махнули на себя рукой. Бездна надеждность эта лишь укрепляет бедность. Ну а Вы верите в возрождение шорцев, родной вам культуры?

Г. К.— Верю. Но сильно смущает диктат большинства, то есть диктат русского языка и русской культуры. Диктат невольный, просто диктат количества. Ассимиляция малых народов идет колоссальная, это ощущают народы числом миллионным, а что говорить о крохотных. Везде, за редчайшим исключением, одолевает русская культура и русский язык. Это объективный процесс, я понимаю, но меньшинство не может не противиться этому процессу. Никто же не согласится с медленным смертным приговором, несмотря на то, что он произнесен добрым человеком, обладающим очаровательной улыбкой. Забвение языка и культуры для народа — это смерть народа. Страдает и отдельный человек, ибо он поневоле становится Блудным Сыном.

А. К.— Но важнее же ощутить себя этим Блудным Сыном, то есть — раскаяться, припасть к родительским стопам! То есть — от заносчивости освободиться, от юношеского нигилизма, от наплевательского отношения к роду, к предкам. Меня всегда поражала легкость, с какой некоторые меняют фамилию. Раз ты живешь, значит, есть предки, есть долг перед ними. А Вы точно чувствуете себя Блудным Сыном?

Г. К.— Да, хотя и не совсем. У Блудного Сына из Библии была возможность выбора, я же этого был лишен. Я, в точном смысле, не могу назвать себя ни шорцем, ни русским. Для шорца — я слишком плохо знаю язык и обычаи, поскольку вырос в городе, для русского — мешает самоощущение себя как шорца. Для меня русская культура является не продолжением меня, как для вас, наверное, а чем-то другим... А у Вас как с комплексом Блудного Сына? Есть он?

А. К.— Есть. И с годами сказывается все сильнее. Наверно, Вы правы: этот

комплекс присущ нам, русским: у нас была гордыня, была трагическая ошибка, была нищета и падение. Теперь, кажется, начинается, прозрение и раскаяние? В юности человек рвется прочь от родного очага, а в зрелости начинает грустить о нем, и постепенно эта грусть превращается в непереносимую ностальгию. Даже если на родной земле живешь, вот как у меня. Я в школе и вузе скрывал, не заикался, что я вот кержак, да последний в роду отца и матери крещеный старообрядец. А прадед мой был последним уставщиком в деревне. Ее, займки, уже тридцать пять лет нет. Дом родной давно продан, братья разъехались, мать уехала с младшим братом в Забайкалье. Куда идти Блудному Сыну? Пришел я наконец-то в церковь, в Томске она у нас, маленькая, деревянная. Там на меня старухи косятся, шипят: я же ничего не умею, все забыл. После смерти бабушки никогда уже не стоял перед иконой. И выгнали меня вон — у них недавно иконы выкрали, бояться сторонних, до сих пор бояться. Да и как это мне, с ученой-то степенью, стать на сугубую алилуию? Двенадцать земных поклонов! Примерился я: нет, на колени стать посреди храма не смогу. Гордыня выше всего прочего, покаяния настоящего нет. Нет, значит, и веры? Старушка одна там сказала мне: «Ты, если не веришь, так сиди лучше на печи, не смущай народ и себя не вводи в лишний грех». А где она у меня, печь-то?.. Вот поди и вернись к роду отцов своих! А там, в старообрядческой церкви, я заметил, нет людей моложе шестидесяти. Тоже на грани исчезновения. А ведь эта традиция напрямую от Византии, когда-то вся Русь так молилась. Детей я не приобщил к обычаю: некрещенные они у меня. А самого теперь, под пятьдесят, замучили воспоминания детства. Как я пел со старухами, как стоял с лестовкой. Вот, оказывается, что тянет в церковь. Память детства и память рода — отсюда, наверно, и растет национальное чувство?..

Г. К. — А у меня воспоминание детства: похороны одной из бабушек. Всю ночь поет кайчи свои героические сказания. Я не знаю, с чем связан этот обычай, но слушать было интересно, уже тогда кайчи, сказания, захватывали. Но, помнится, дослушать до конца не удалось: меня кто-то отвлек и увел. Сейчас я уже ничего не помню, но впечатление от пения осталось. Это было путешествие по всей истории шорского народа, где было все: и горе, и любовь, и вековая борьба с джунгарами. Может быть, это пение было случайным, совпало с похоронами? Нет, я так не думаю. Культ предков у шорцев был весьма велик, но культ не подробный, через знание о предках, а обобщенный. Один из главных богов шорского пантеона — Ульген, что переводится как умерший. Смерть и есть возвращение к предкам, а следовательно, героические сказания о жизни предков в ночь похорон приобщают и живых к истории народа, подчеркивают неслучайность твоего существования. Принадлежность к роду есть долженствование, источник долга для отдельного человека.

А. К. — Тут и суть вопроса. Мы переживаем сейчас кризис идеи. Кроме как на авторитет предков, нам не на что опереться. А опыт наш — это же опыт тотального отчуждения, тут Вы верно заметили. Мы постепенно осознаем, что принесли химерам величайшую жертву — реальную культуру народа. Разрушили саму почву, а теперь удивляемся всяким призракам развала. Идея великого скачка воплощалась с уничтожения почвенного слоя хоть в религии, хоть в хозяйствовании. Не только сословие хозяев извели и вот пожинаем плоды бесхозяйственности — мы сживали со света человека национального! Ведь 20 миллионов русских живут вне Родины! Нам-то, русским, кто поможет? Придет новый Иван Калита? Не только малые народы растворяются, и сам главный народ глубоко болен. Я так думаю: если не будет восстановлена прежняя доминанта — живая

русская культура, — этот мешок культур сам себя погасит, истолчет. Культура — это же цельность национального мира, это естественная, за тысячи лет сложившаяся преемственность, а не механическое склеивание. Мне как-то открылась мудрость древней истины: без веры нет знания. Да, без убеждения есть лишь куча сведений, нет университетского образования. Так или нет?

Г. К. — Университетское образование здесь может только помочь. Оно дает возможность видеть действительность (то есть и себя) более точно, истинно, чем если бы образования у меня не было. Университет дает относительное освобождение, как всякое высшее образование. Внутреннее, конечно. И свой народ я уже вижу иначе — точнее, без иллюзий, реалистичнее.

Может быть, в нынешней практической жизни язык не так уж и нужен, но ведь этнос и не ограничивается языком. Он — в стереотипе поведения. Это мировосприятие, ценностное понимание мира, а язык — относительный адекват этому мировосприятию. Оно приходит, наверно, с поведением матери, в первые годы жизни ребенка.

А. К. — Ну с чем тут спорить? Национальный образ мира — разве думали мы об этом? Придавали должное значение? А чем же занималась пропаганда, когда боролась «против есенинщины», «против булгаковщины»? Истребляла национальный образ мира, то есть подлинно самобытное. Ничего нет ценнее неповторимой нации. А что если экологический кризис возник как результат отмены национальных традиций обращения с землей? Грехи тоталитарной идеологии обернулись для всех народов жестоким маразмом, вырождением.

Г. К. — Да, в марксизме нет человека национального, а только социальный. А мне вот кажется: негативный опыт русских — это опыт безмерного расширения в пространстве. Расширяясь, русские стали постепенно другими, растеряли ядро

этноса, как говорит нам Лев Гумилев. А малые народы сжались, чтят это самое ядро. Многие русские не отделяют себя от татар, от мордвы, чувашей.

А. К.— Это хорошо или плохо? Или Вы имеете в виду забвение своего, кровного, национальных святынь?

Г. К.— Для меня последнее откровение в литературе и науке — Лев Гумилев. Поразительна у него, русского, любовь к тюркам. Вот он знает, что такое нация: часть природы.

А. К.— Но ведь это мы знали сто лет назад! Я имею в виду «Власть земли» Глеба Успенского. Как только разрушится связь народа с родной землей — и нет этого народа. Так что не блудные сыновья мы, а потерянные дети. Здесь понял суть дела Распутин: «Потерянные дети, из которых вырастают дурные люди, привыкшие к разорению как норме жизни, это еще и результат дурного хозяйствования, когда прошлое и будущее не имеют значения...» Так что выходит, мы не можем восстановить землю, не восстановив самих себя. Так или нет?

Г. К.— Конечно, стереотип поведения народа касается в первую очередь земли. Ну как шорцы могут сохраниться, если нигде охотиться?.. Биомасса народа-этноса, она то увеличивается, то уменьшается, если народ живет тысячи лет. То вбирает в себя другие этносы, то растворяется.

А. К.— А как, почему Вы занялись изучением Николая Рубцова?

Г. К.— У Рубцова очень современное чувство родины. Конечно, это глубоко национально-русский образ мира, но он выражает не только чувства русского человека. Но и мои чувства, причем удивительно близко. Есенин, мне кажется, лишь предчувствовал утрату, видел процесс и не мог поверить. И у Есенина больше литературной условности, Рубцову уже не до нее. У Рубцова коренное чувство, с самого детства: все утрачено. Храм превратился в холм, родина — сплошное кладбище, и где могила матери, герой не знает. На него сельчане смотрят как на

опасного бродягу, он всегда одинок, нет ни друзей настоящих, ни близких родственников. Тоска. Состояние души: живу в утраченном мире. Иду чужаком посреди родины. Воля, простор, отчизна, мгла — одно. Встречает он лишь несколько носителей национальной памяти — все почти всё забыли. Вопросы эти уже никого не трогают. Беседовать герой Рубцова может только с природой, его как бы никто не понимает, когда он заговаривает о русском. Это так понятно мне. Это очень современно и знакомо человеку любой нации. Брошенный с детства сын вдруг задумался о наследстве, о роде, племени. Но они, род и этнос, стали сказкой.

А. К.— То есть, сама родовая память только ранит душу, и потому кажется: легче не знать, не начинать ворошить?.. Ну, а что Вы знаете о дальней памяти шорцев? Вот, например, культ медведя у тюркского по языку народа, откуда он? Ведь тюрки — народ степной.

Г. К.— Наверно, от народа ди, кетов. От них унаследовали и культуруковки железа. В тайге этому кеты научили. Видно, они пришли сюда целыми родами под чьим-то давлением. Чтобы жить в тайге, степной народ должен коренным образом измениться, смешаться с другим народом, более приспособленным к местности. Ди — народ развитый. По-видимому, лишь часть занималась ковкой, большая часть — охотой. И самоеды повлияли. Вот один штрих: сауна — мыло, мыльня, то есть место, где моются, по-фински. В шорском языке «сав(У)н» — тоже мыло. Это я увидел финское мыло и ахнул. Может быть, раньше всех в наших горах жили самодийские племена, которых кеты же и отеснили далеко на север? А сами кеты здесь, скорее всего, скрывались от более сильных кочевников. Как позднее один тюркский народ от другого. Часть шорцев ушла в Хакасию в голодные годы, и там есть шорский диалект хакасского языка. Была, говорят, тайная тропа через верховья Томи от устья Мрассу, там сейчас туннель, железная дорога. А стро-

или ее немцы. Причем не столько пленные, сколько сосланные, свои. Кетских названий в наших местах много. Радлов в 60-е годы прошлого века отметил, что многие аборигены относят себя к шоркижи, и назвал весь народ шорцами. А шор — это один из родов, правда, самый крупный. Я вот знаю, что сами себя называют тройко. По месту, где живут: Тоом-кижи, Прас-кижи (Прас-су) и Тадаркижи, это самое общее самоназвание.

А. К. — То есть татарин?! Все-таки родовая отнесенность — тюркская.

Г. К. — Письменность была сделана на основе мрасского диалекта, или верхнетомского, букварь, например.

А. К. — А теперь в семьях еще учат читать по-шорски? Я вот в школу пошел в восемь лет, и бабушка уже обучила читать по псалтырю.

Г. К. — В очень редких семьях, разве что в пяти-шести учат. Перевели письменность на латиницу зачем-то. Видимо, опасаясь засилья русского языка. Надо сказать, что никакое образование не заменит чувства родной тайги. В ней люблю бывать подолгу, один, хоть я и родился в пригороде Междуреченска. Вот когда возвращаешься домой, то есть на землю предков, это чувство невыразимо... В Усе и сейчас еще можно воду пить, а на Бельсу любой пришлый человек не может не удивиться красоте и чистоте. Долго просили заповедник, и вот решение есть. Вопрос — когда это решение будет выполняться... Удастся ли спасти, скажем, Липовый остров, воспетый в наших легендах? Ведь он, наверно, дал пристанище гонимому племени.

А. К. — А считаете Вы себя потомком динлинов и хунну?

Г. К. — Нет, это слишком романтично. Тут надо понять: здешние турки были гонимыми, а не завоевателями. По доброй воле кочевники так глубоко в тайгу не залезут. Хунны, видимо, прошли по верховьям Енисея и по Алтаю. Шорцы, наверное, — из смешения тюрков и кетов. Большая часть топонимов — кетские;

Майзас, Берензас, Подобас, Ольжерас, Кильчезас. А названия рек и гор остаются в памяти, если народы долго живут по соседству, общаются. Стереотип поведения-то остался не тюркский, не степной, боги, скорее, кетского пантеона. Но есть и типично тюркские героические сказания.

А. К. — И вот теперь этот стереотип поведения, связанный с охотой, разрушен? А как сохранились телеуты, кочевники-скотоводы, в местах, занятых промышленными гигантами, это прямо-таки чудо. Ведь Радлов указывает на них как на народ, примерно такой же по численности, как и шорцы. А теперь их две деревни, кажется, и те неполные. И ни в одном словаре сведений о телеутах я не нашел. Даже в специальных энциклопедических справочниках. Нет такого народа, значит, и проблемы нет! Но кто же от этого выиграет? Это лишь убогим умам будущее представляется так: все города на одно лицо, везде одни и те же шлягеры, нравы, одежда. Это и есть признаки прогресса? А если учесть кризис цивилизации? Ведь у каждого народа есть традиция, то есть образ приспособления к природе — вот же на что надо надеяться. А что мы получили в результате так называемой культурной революции? Утрачена адаптация народа к природе, распатаны стереотипы поведения. Потерявшийся в истории и в пространстве народ бросается в алкогольное самоистребление. Ну и в слепой уголовный террор, как видим, тоже. Мы истощили почву — и реальную, и духовно-культурную, наследие предков.

Г. К. — А что вообще такое, этот советский сверхэтнос? Это распатанные стереотипы поведения, то есть разрушенные привычки и нравственные ценности, самоупоение, беспамятство. Это всего виднее на чиновниках. Беспрекословное подчинение; они отдают право распоряжаться своей судьбой иерархии и не желают знать никакого родства. Жизнь готовы посвятить уже принятым целям, мертвым формам, новому ритуалу. Собрания, ито-

ги голосования, парады, громкое самовосхваление — и все это мертвая форма, потому что в этом нет опыта нации. Опыт народа оказался лишним! Опыт, история многих народов — ни к чему! Примечательно же: новый класс принципиально вненационален.

А. К.— Согласен, эта сила мертвит всякую нацию, добывает остатки живой жизни. Вот, скажем, наши советские немцы. Их предки в прошлом — очень дельные ремесленники, а как жить потомкам, если ремесла в нашей державе были запрещены? Кто выиграл от того, что двухмиллионный народ рассеян, потерял культурную цельность? Бюрократам это выгодно? Ну разве что упрощает счет? Бюрократии вообще нужно однообразие, а ко-

гда сотня народностей — ей, наверно, это ни к чему. Вот в годы своего всевластия, в конце тридцатых, она и поубавила их число. Но возможен ли обратный процесс? Будут ли возрождаться языки и культуры? Блудный Сын мог возвратиться, у него отец еще был жив. А куда вернутся потерянные дети?.. Что им можно пожелать? Только словами Библии: «Господи! Для чего Ты подвергнул такому бедствию народ сей?» — «Не бойся, малое стадо, ибо я победил мир».

Возрождение начинается с веры, с чувства личной ответственности за нацию. Вряд ли я тут скажу что-то оригинальное. Лучше закончу словами Солженицына: «Дело человека заложено и ждет его именно там, где он родился».

«КАК НИТКУ, ДУШУ ТВОЮ ОБОРВАЛИ МЫ!..»

РАССКАЗЫ И ЛЕГЕНДЫ ГОРНОЙ ШОРИИ*

20

Охотясь, я увидел: среди густого хвойного леса россыпи камня упали. Между тех россыпей снег растаял, (и получилось) будто дымовое отверстие. Из того углубления дым выходит. Туда дойдя, кайком снег черпнув, туда насыпал.

Насыпав, ушел. Когда шел, сзади за мной человек кричит: «Если шапку твою не дашь, то хоть рукавицы дай!» — говорит. Я ничего не дал, ушел. Идя, я оглянулся — из давешнего углубления человек руку высунул. Он трижды просил: «Если шапку твою не дашь, рукавицы дай!» — говоря. Я ни шапки, ни рукавицы не дал, — ушел.

После, когда с промысла пришел, заболел. Шамана заставил камлать. Тот шаман мою душу из далекой тайги принес. Оказывается, этой горы хозяин мою душу унес. Если бы я в то время шапку или рукавицы отдал, я бы там же умер. Шаман сказал: «В то время из Абаканской тайги один хозяин горы пришел (с другим) рассчитаться. Когда они вдвоем, рассчитываясь, сидели, я снегу туда сбросил. Тот (ком) снега хозяину горы Аба-

* Шорский фольклор. Записи, подстрочный перевод и примечания Н. П. Дыренковой. Изд-во АН СССР. — М.-Л., 1940. — 800 экз.

Рассказ о Надежде Петровне Дыренковой «Дворянская дочь» читайте в этом номере.

кана в глаз попал. После этого он стал просить у меня вещи».

(См. ниже примечания).

22

В тайге по имени Казыр много зверей было. (Там) соболя, белку, выдру, лисицу, колонка, различных зверей убивали. В россыпях много соболей в сеть попадало.

Когда осень пришла, снег выпал, (люди) лыжи починили, запас взяли, волокушу за собой волоча, в ту тайгу пошли. В ту тайгу придя и балаган поставя, моление совершили. После того стали промыслять.

Охотясь, зверей убить не могут. Один охотник целый день ходил — ему ни один зверь не попался. (Он) ничего не убил. Когда темнота наступила, (он) к балагану направился. Направляясь к балагану, к отвесной горе подошел. Дверь этой скалы открытой была. Тот охотник туда вошел.

(Той) скалы внутреннее устройство на юрту было похоже. Много людей сидело и играло в карты. Двое ссорились. Друг друга бранили. Первый из них сказал: «В моей тайге прежде много зверя было. Люди моего зверя много убивали, тем сыты были. Ты меня обыграл, скот мой в твою собственную тайгу перегнал; теперь же мои люди на промысел ходят, ничего

убить не могут — (они) голодать будут!» Слышно было, как много людей закричало: «Снова играть надо!» (Так крикнув) карты швырнули. Второй (из споривших) человек захохотал и сказал: «Что ставить он будет? Зверя-птицы нет у него!» Первый из них (из спорящих), хозяин тайги Казыра, сказал: «Дочерей моих поставлю, себя самого с женой (моей) вместе поставлю!» Потом опять стали играть.

Хозяин тайги Казыра выиграл, засмеялся, бросил карты и сказал: «Теперь из твоей тайги птицу-зверя обратно гони-ка!» От его смеха в тайге ветер подул — молодые деревья пригнулись, толстые деревья затрепали. Этого смеха охотник сильно испугался. Из глубины чащи тайги вышел, к охотничьему стану пришел, об этом рассказать боялся. Утром, когда охотники отправились промыслить, им разные звери попадались. Много зверей убили.

Когда с промысла вернулись (и стали рассказывать), один старик сказал: «Это хозяева гор в карты играли. В карты играя, охотнику зверя-птиц посылают».

35

Одна артель в тайге Падын охотилась. Вечером охотники к балагану спустились; старика сказку рассказывать заставили. Потом уснули. Ночью к балагану женщина пришла. Старика звать стала. Старик не откликнулся. В огонь дров положил, всю ночь напролет просидел.

Утром из балагана вышел. Выйдя с ружьем, отправился охотиться на зверей и птиц. К россыпям пришел. В россыпях подобное тюндюку отверстие — пустота была. По краям снег оттаял. Из тюндюка два соболя вышли. В камни войдя, спрятались. Охотник, подойдя ближе, через тюндюк поглядел — внутри горы женщина сидела. Около нее соболей много было. Увидя это, старик от той горы к балагану своему направился.

Хозяйка горы, соболей выращивая, охотникам посылает. Охотникам, которые ей понравятся, много дает. Через тюндюк

соболей выпускает. Если перед тем как на промысел отправиться, с женщиной спят, хозяйка горы соболей не дает.

41

Хозяйка воды человеку показывается голой женщиной с длинными золотыми волосами, с золотым гребнем.

Когда осенью, прежде чем замерзнет, встанет река, хозяйка воды человеку показывается, (ее видят) или на льду плывущей, или же видят, как она, усевшись на подмытом берегу, чешет свои красивые золотые длинные волосы. Гребень хозяйки воды, хотя для глаз и видим бывает, лучше не брать в руки. Если взять его руками, тот гребень и в руке человека исчезнет. Вместе с собой душу того человека, который (его) держал, к своему хозяину уносит. Когда, тихонько придя, ее (хозяйку воды) вдруг испугать, (она), золотой гребень через плечо швырнув, в воду бросается.

Прежде, в старину, один юноша гребень хозяйки увидел. Тот юноша того не знал и в руки гребень взял. Гребень в руке его исчез. Потом тот юноша сильно испугался. Испугавшись хозяйки воды, близко к воде не стал подходить.

Прошло (некоторое) время, тот юноша ехал верхом, лошадь его в лужу ступила. Сразу же тот юноша вместе с лошадью стал все глубже и глубже погружаться (в нее). Когда хотел кричать, голоса у него не стало. Так он хозяйкой воды был утянут.

42

Когда охотник берлогу зверя найдет, (он) ее кругом обходит. Домой вернувшись, народу говорит: «Я медведя-дяди берлогу обогнул!» (Тогда уже) никто на этого медведя не охотится.

Когда осенью на промысел отправятся, по месяцу, по полтора месяца промысляют. Когда большой снег выпадет (и) когда окружают «великую землю» — (то)

в течение нескольких дней (вход) ищут. Иногда не находят.

Когда найдут берлогу медведя, (они) ее окружают, чтобы (медведь) не вышел и не ушел. После того как обойдут берлогу, — а медведь из нее не ушел, — они рубят деревья и заваливают отверстие берлоги. Когда найдут зверя, (то), чтобы заделать вход в берлогу, они срубают сухие деревья (и) отверстие берлоги запирают. Один человек, засунув в берлогу длинную жердь, медведя-дядю приводит в ярость. Другие люди, встав с ружьями с трех сторон берлоги, сторожат. Берлогу закрыв, проход сделав, стреляют. Когда медведь умрет, один человек, в берлогу его войдя, веревкой привязав, (медведя) оттуда вытаскивает.

Когда дымят, в берлогу дым пустив, вход начинают запирать. Задыхаясь в дыму, он (медведь) по направлению к отверстию — входу берлоги — приходит. Потом охотники из ружей стреляют. Дым рассеяв, один человек входит, веревкой привязывает и (убитого медведя) выволакивает. Когда вытащат, зубы зверя обламывают, после шкуру его сдирают.

Когда шкуру зверя сдирают, один человек по мясу его прутьями ударяет. Ударяя, тот человек говорит: «Зимою — передо мной проходи; если летом — позади меня проходи, ходи!» (Так) говоря, стегают.

В то время, когда сдирают шкуру, убившие товарищи-охотники все плачут. «Наш великий дядя умер!» — говорят. После, находящееся внутри зверя сало взяв, (на огне) поджаривают; один из товарищей, рыча, как медведь, поедая, говорит: «По горам, на которых растут пучки, утаптывая, производя треск, я сам ходил; через гору, на которой растет таволжник, с шумом ходил я сам. Начальника подать я плачу!»

После этого, голову его (медведя) отрезав, мясо его срезав, рот оторвав, на огне опалив, один человек говорит: «По земле, покрытой борщевником, ходил, икры ног моих пробила. По земле, покрытой

таволгой, я ходил, пулю получил. По земле, покрытой пучками, я ходил, в беду попал. По земле, покрытой дягилем, я ходил, глаза мои ослепли, споткнувшись, упал — умер я!.. Упав с высокого берега, я умер. Малину поедая, с каменистой скалы упал, я умер! Черную смородину поедая, из болота в болото (ходя), увязнув, умер я! Орех поедая, с кедра упав, умер я! Скажи!»

После, голову его (медведя) правильно не приставляя, тот человек у товарищей своих спрашивает: «Так ли?» Те люди отвечают: «Нет, не так!» После, снова, вторично, голову его (медведя) правильно не приложив, товарищей спрашивает: «Так ли?» Те охотники отвечают: «Нет, не так!» После снова, в третий раз, голову как следует приложив, у товарищей спрашивает: «Так ли?» Те товарищи его: «Э, э, э, так будет!» — отвечают. Кости головы вместе сложив, говорят: «Великий человек с дерева упал, голова его разломалась. Великий дядя, на молодой кедр влезая, чтобы шишки есть, с дерева упал — голова его разломалась!»

Так голову его как следует сложив, отнеся, в раздвоенный сук черемухи всунув, кладут. Некоторые охотники голову зверя (медведя) под колодину засовывают. Голову его положив, говорят: «В весенний день на месте твоего лежания лежи, в осенний день — у входа берлоги лежи! В зимний день да буду я ходить по твоему предберложью! Более великий, чем гора, мой дядя, ты на нас не сердись! Здесь оставайся!» Потом охотники из ружья стреляют.

Когда вечером охотники к балагану придут, (они) на следы от их лыж дерево поперек бросают — «Медведь пусть не придет!» говоря. Кругом балагана обходят, чтобы не пришел медведь. В направлении, откуда пришли, из ружья стреляют. В это время говорят: «По нашему пути не приходи, как нитку душу твою оборвали мы! В полдень в мой ум не приходи! В полночь в сон мой не входи!» Так говорят.

В пору, когда поспевают ягоды, женщина, ягоды собирая, ходила, — медведь к ней пришел. Ее в охашку схватив, унес. Унеся, положил. Когда другие звери приходили, ту женщину съесть не давал. Когда звери приходили, он зверей разгонял; жену с собой взяв, ходил.

Осенью ходили-ходили, — до поры, когда должен выпасть снег, дожили. Медведь, берлогу роя, выходил (и) смотрел, чтобы та женщина не ушла. Берлогу вырвав, старой травы нарвав, притаскивал; ту женщину в передний угол положил. Сам до снега у входа берлоги лежал. После того как выпал снег, сбоку около той женщины лег. Чтобы не голодала, женщину кормил.

Та женщина, лежа, один раз зверя за шерсть потянув, посмотрела — зверь шевелится. Вторично попробовала потянуть — также шевелился. Когда в третий раз потянула, (он) совсем не шевелился. Медведь в спячке был. В третий раз, когда попробовала потянуть и он не шевелился, потихоньку вышла и (домой) возвратилась. В улус еле живая дошла. Одежда женщины совершенно о деревья разорвалась. Когда живущим в улусе людям рассказала, ее братья, отправясь (на медведя), охотились. У той женщины ребенок родился: половина — человек, половина — зверь.

50

Звери-птицы своим собственным хозяевам выкуп дают. Птицы перья дают; звери шерсть дают. Весною все звери-птицы меняют покров. Весною звери линяют — хозяевам горы и воды албан платят. Находящиеся на земле звери-птицы хозяину горы платят, живущие в воде звери-птицы хозяину воды платят.

Выдра очень плохой зверь: она ни водяному хозяину, ни горному хозяину албан не платит. Выдра не меняет шерсть: горному и водяному хозяевам албан не

кладет. Когда хозяин горы спрашивает: «Где ты живешь?» — выдра отвечает: «В воде живу!» Хозяин воды когда спрашивает: «Где ты, зверь, живешь?» — выдра отвечает: «На горе живу!» Когда хозяин горы спрашивает: «Кому албан платишь?» — выдра говорит: «Хозяину воды». Когда хозяин воды спрашивает, выдра: «Хозяину горы плачу!» — отвечает. — Поэтому албан не платит, весною шерсть не меняет.

59

Давным-давно (это) было. По шорской тайге два быка шли. Они возвращались из Абаканской степи на Алтай. Кости тех быков очень большими были, рога огромными были. По непроходимой тайге им идти тяжело было. Рога за деревья зацеплялись, идти не давали. Копытами за корни деревьев задевали. Упавшие колодины дорогу (им) преграждали. Когда по болоту шли, ноги их в болоте увязали.

Дальше (они) по хребтам шли. Когда они на хребет поднялись и когда по хребту шли, хозяева гор пути им не давали. Хозяева гор хотели их в свои горы утащить. Когда они к плесам спускались (и) шли по берегу реки, хозяева рек хотели их втащить в воду.

Те быки по непроходимой тайге все вперед шли. Когда (они) по земле шли, путь, по которому шли, утаптывали, рогами деревья ломали. Молодые деревья с корнями выдергивались, большие деревья обламывались. Те быки, (так) идя, вспоминая свою землю, скучали. О своей земле думая-тоскуя, мыча, шли. «Любимый наш Алтай, золотые наши горы, на которых мы родились и выросли, когда же мы увидим вновь наши золотые горы, наши белые степи!» — говорили. «Если послушать — шум тайги слышится. Если кругом поглядеть — деревья, имеющие листья, до неба достают. Ветви деревьев синеву неба заслоняют. Днем лучи солнца до нас не доходят, ночью лучи месяца не доходят. В землю айды, что ли, мы

пришли?» — говорили. «Э, э, хозяин наш, зачем нас из золотых гор отправил? Вверху находящийся великий кудай забыл, что ли, нас?» — говорили. «У подножья тайги быстрые реки текут. Хоть какая быстрая река, нам чужая река! Высокие синие горы с синим небом соединяются. Хоть какие высокие горы, для нас чужие горы! Вот мы плача, плача идем! Э, э, э, хозяин наш из земли, где мы родились и выросли, зачем нас (ты) отправил? Зачем мы ушли из земли, где мы родились и выросли? Вверху стоящий кудай, почему нас бросил (ты)?» — Так говоря, плакали оба. Плача-плача, в великое рыдание вступили.

В то время один охотник в тайге промышлял. Диких коз подстерегал. В то время, как он диких коз подстерегал, из далекой тайги сильный треск раздался: трещали деревья (и) камни. То услышав, охотник, не боявшийся до сего времени, испугался. Сам про себя подумал: «Уж не хозяева ли гор, водки напившись, камнями, деревьями швыряются!» Потом, когда взглянул, (увидел): с огромными рогами быки идут. Рогами деревья ломают, копытами землю разрывая, приближаются. Видя то, охотник еще пуще прежнего испугался. Тот охотник, с тех пор, как родился, таких громадных быков не видел, таких больших рогов во всю жизнь не видел. Глядя, охотник очень удивлялся: «Абу! С какими огромными рогами звери в нашу землю вошли! Рога их огромные, глаза их кровавые, подобно огню сверкают! Из какой же земли пришли такие звери? Как бы не из земли айна они пришли!».

Те быки по горам шли, вспоминая о своей земле, скучали, песню мыча, пели. Охотнику та песня в сердце крепко запала. Тот охотник эту песню долго слушал. Потом сделал из кедра комыс, вырвал из хвоста коня волос (и) натянул на комыс. Потом, на комысе играя, ту песню стал петь. (Он) песню тех двух быков запомнил; придя (с промысла) домой, (он) на том комысе играл (и) пел.

Говорят, что потом тот охотник стал великим сказочником. Когда он ночью играл на комысе и сказку рассказывал, стоящие на небе звезды к земле приближались, стоящий на небе месяц к земле приникал. Бушующий в тайге ветер стихал. Звери (и) птицы, бросив детенышей, из тайги выходили. Старики плакали.

70

Охотники в тайге Бельсу охотились. Промысел был удачен. Они много пушнины добыли. Один из тех охотников, в россыпях камней черного соболя поймал, к охотничьему стану принес (его). Принес к стану, (он его), утаив от товарищей, спрятал, ничего не сказал.

Мало ли охотился, много ли охотился, — тот охотник заболел. Чтобы его лечить, шамана не было. Никого не было, чтобы его лечить. Умирать совсем время пришло. Когда охотники с промысла (к охотничьему стану) вернулись, тот охотник им сказал: «Я черного соболя поймал и спрятал, вам (ничего) не сказал!»

Оказывается, хозяин той тайги, придя ночью, того больного охотника ругал. «Моего жеребца от охотников зачем спрятал? Моего черного жеребца отдай! Зверем-птицей, мною данными, если с товарищами не поделишься, я душу твою возьму (и) в горе запру! Тогда умрешь!» — рассердясь, так говорил, оказывается.

Охотники запрятанную шкуру черного соболя нашли. Найдя, ничего не говорили, молчали. Потом, когда с промысла домой пришли, старики, о том услышав, того охотника стыдили.

У нас такой обычай есть: человек, который от товарищей хоть один хвост белки утаит, — нехороший человек! Это большой стыд. Такого человека другая артель не возьмет. Охотники с собой на промысел не возьмут. «Нам такого человека не надо!» — (они) скажут.

Когда богач к живущему в тайге бедному человеку входил и изображение царя на картинке видел, он потихоньку от хозяина изображение царя на той картинке шилом прокалывал. Потом тому человеку говорил: «Ты этого (царя) лицо, глаза шилом насквозь, оказывается, проткнул! Я царю донесу!» Тот бедный человек умоляет: «Ты не говори, я тебе, что ты ни запросишь, все дам!» Бедный человек потом, если (у него) нет денег, ему (богачу) отработывает или дает пушнину.

Прежде, когда эта земля впервые со-творилась, без деревьев чистая степь была. На реке Аскысе, у устья реки Тоо, киргизы жили. Одна девица-царь тех киргизов обманула, говоря: «Из земли рога растут, вы в другую землю перекочуйте, иначе, если здесь будете жить, из земли выросшие рога вас всех с вашим скотом вместе уничтожат!» Приняв те слова за истину, посмотрели: из земли рога выходят. Киргизы, то увидев, подумали, что это, пожалуй, правда. Некоторые в другую землю перекочевали, некоторые, дома свои пилюю подпилив, дали себя придавить. «Куда бы мы ни отправились,— все равно умрем»,— (так) подумав, своим собственным домам дали себя задавить.

К тем киргизам вначале мужчина-царь пришел и сказал: «В другую землю отправляйтесь, здесь другой народ жить станет!» Те киргизы не согласились. «Где бы мы ни жили, тебе не все ли равно!»— говорили. После того девица-царь, придя, киргизов обманула. Та девица знала, что здесь другой народ жить будет, так как киргизы — сильные люди, они тот народ притеснять станут.

Говорили, что из земли вырастают рога,— оказывается, то вырастали деревья.

Народ Шот воевать в тайгу приходил. С людьми рода Кый воевали, с людьми рода Кызай воевали и с другими родами — с людьми других родов — воевали. В той войне много людей убивали. Народ, убежав в тайгу, в каменных россыпях прятался. Долго воевали, наступил день, когда все стрелы, луки поломались. Народ Шот снова и снова приходил, народ убивал и дань собирал. Пушнину (и) железо брал. Когда народ Шот приходил, женщины и дети слезы из глаз проливали. Мужчины, сделав новые луки, тетиву натягивали из сухожилий.

Осень пришла, снег выпал, стало холодно. Охотники стали готовиться, отправляться на промысел. Женщины запас приготавливали. Прежде чем отправиться в дорогу, водку пили; тайге кропление совершали. В то время опять народ Шот пришел. Их увидев, женщины детей забрали и среди камней прятались. Их увидев, птицы, гнезда бросив, (улетели), звери, берлоги побросав, убежали.

Таежный народ к подножью горы Пустат собрался. Разделившись по родам, с двух сторон встали и стреляли в народ Шот. В каждом роду свои богатыри, вперед выйдя, стреляли. Стрелы, которыми стреляли эти богатыри, выше облаков летали, через горные хребты перелетали, вершины деревьев отсекали. Народ Шот окружили. У этого народа Шот не осталось места, куда бы они могли уйти; туда если пойдут, народ Таяш стреляет, сюда если придут, народ Кобый стреляет. Если вперед пойти, то люди Кобый стоят, если назад идти, то люди Кызай стоят. В продолжение девяти дней воевали. Через девять дней перестали. Близ текущие реки кровью потекли. Люди Шот, испугавшись, из тайги побежали; мирясь, (они) сказали: «В тайге хорошо живите. Мы больше не будем воевать, больше народ убивать не будем; больше дань собирать не станем!» Так говоря, из тайги (они) ушли.

Когда умрет взрослый человек, то через сорок дней заставляют шамана камлать. Тот шаман, показывая душе дорогу, (душу) провожает. Перед тем как провожать душу, он ее ближе к дому призывает. Прежде чем отправиться, душа прощается с родственниками. Родственники умершего идут вместе с шаманом за улус к западу, чтобы (там) заставить шамана камлать и провожать душу. Каждый человек несет только по одной чашке. Две чашки нести не годится. Выйдя за улус, пищу кладут на землю.

Прежде чем камлать, шаман кладет принесенную пищу в большую чашку. Край той чашки отламывают. Потом, разведя около той чашки огонь, бросают левой рукой (в огонь) пищу. Бросая, говорят: «Рано ушедшая душа, отсюда ешь, отсюда пей! Последний раз поешь у нас и уходи, больше придти к нам и соединиться с нами тебе не придется, ты уйдешь отсюда навсегда!»

Шаман камлает с озулом, когда умерла женщина, и с топором, когда умер мужчина. Та душа рукопожатием обменивается — прощается. Шаман ей вместо руки дает озул (или) топор. Шаман той душе говорит: «Отсюда в землю юзютов отправляйся!» Перед тем как отправиться, душа говорит: «Непрожитый день я прошел! Мой ребенок у людей солнечного света остался. К полумесячному дню я пошел, против воли умер. Я ушел от непрошедшего дня!». Шаман душе говорит: «Как же быть! Вихрем став, беги!».

На пути, ведущем в землю юзютов, две реки есть: Канчул и Чашчул — реки юзютов. Через те реки шаман душу перевозит. Если нет моста, он связывает змей (и их) через те реки кладет: красную змею — через реку Чашчул, черную змею — через реку Канчул кладет. Когда (он), достигнув тех рек, собирается перевести душу, душа переходить боится. Боясь, она хочет возвратиться назад. Она шамана умоляет: «Меня назад уведи!».

После говорит: «Преждевременно я ушел!». Кам в ответ говорит: «Раз так случилось, ничего не поделаешь! Эти реки перейти надо. Наступило время через них переправиться!». Душа снова говорит: «Я боюсь, что, переходя, упаду!».

Потом шаман не переводит юзюта по мосту, а перевозит на лодке. Через реку Канчул на половинчатой лодке, спитой из бересты, а через реку Чашчул на односторонней, кривой лодке, спитой из бересты, перевозит. Когда шаман перевозит, он гребет озулом (или) топором. Когда шаман, проводив душу, вернется, он озул, топор по направлению к западу бросает. Еще сапоги умершего человека туда же бросает. Когда огонь гаснет, (все) по домам расходятся. Перед тем как разойтись, огонь гасят, затоптав его ногами. Гася, говорят: «Я разрушу твой каменный треножник, талкан — золу твою — разбросаю!». Такое камлание шамана называется: «хоронить юзюта», или «кочевание души».

103

С белой тайгой разговаривая,
С текущей водой за руки берясь, —
Если в белую тайгу охотиться поднимусь,
Со зверем-птицей встретиться дай!
Если в белую тайгу, охотясь, отправлюсь,
Счастливым путь дай!
Удачное ружье дай!
В сеть, ловушку, зверь-птица твоя
пускай приходит!

На быстро текущей воде переправу дай!
В белой тайге перевал дай!
Славную скалу твою открой,
Зверя-птицу твоих выпусти!
Охотясь — ищущего человека твоего
Добычей надели!

107

Алым-мыла, Алым-мыла! Кровавый ли
ты юзют, злой ли ты дух? В каждом углу,
что ли, ты кривлялся? Каждую тайгу,
что ли, ты обходил? Будучи вихрем,

бешено крутился ли, будучи ветром, бушевал-метался ли ты? Ухватившись за полы, покрутился ли ты? Ногами, что ли, возвратился ты? Набрасываясь жадно, пищу ты ешь! По пище солнечного сира соскучившись, пришел, что ли? В обитаемую тобой землю, в жирную глину возвратись! Фу фыйт! Впереди коня, что ли, разузнал, впереди мужчины, что ли, разведывал? Ваши полы встрепались; ваши губы растрескались. В каждом углу спасаетесь, шушукаясь, шплетесь! Хорошее, сделанное тобой, оказалось негодным! Принесенное тобою — вместо пользы оказалось злом! Перевалив великую гору, пришел ли ты? Быстро текущую воду перейдя, пришел ли ты? Назови имя и путь твой! Зубами не скрежещи! Язык твой свободнее держи! К огню с искрами придавлю! Штыком поражу, мечом разрежу, стрелой застрелю! К красному железу прижму! Торопясь, отправляйся! Назови имя твое и поколение! К срубленному гробу-дереву твоему иди! С взявшим тебя нечистым духом прочь уходи! К взявшему, тебя берущему, иди! К съевшему тебя пожирателю иди! Уходи прочь от широкой двери! Через узкие двери наружу выходи! Имя и путь твой называй! Торопись, уходи! По добру сказанное мною превратно не понял ли ты? Фу фыйт!

109

Великий и малый крохаль!
Великий и малый уж!
Великая и малая медянка!
С шестью ногами богатая лягушка!
Большой и малый великий хан,
ясного хана сын,
Железного хана племянник,
На свирепой тайге имеющий стойбище!
Великий Кирби хан мой,
На кровавой горе имеющий место
своего обитания!
Заика, которому языка не хватает,
Левша, которому руки не хватает,
На хребте Ленх-сын имеющий стоянку!

Посланец отца моего Пустага!
Великий хан,
Имеющий стоянку на горе Пустак!
На молочном озере имеющий стоянку,
Вершина Мрассы с тремя дверьми
гора ызык!
Великий и малый кедей хан!
В вершине реки Мрассу, в тайге Пыра,
имеющий стоянку.
Великий-малый голый волк!
Великий-малый дятел!
В золотой тайге имеющий стоянку!
Великий и малый черный медведь!
Шамана Семена сильное знамя!
Хана звезд сын!
Хозяин колотушки рыжий хан.
Все знающий заика, которому языка
не хватает,
Левша, которому руки не хватает!
Мать моя Кенетки, великая моя гора!
С тридцатью жилами мать-огонь моя!
С сорока зубами девица-мать моя!
Белого Ульгена младшая девица,
младшая рыжая!
Сын хана, которому на шубу
Девять медвежьих шкур не хватает,
Сын хана, которому на рукава
Семи медвежьих шкур не хватает,
Сын хана, которому на ворот
Шести медвежьих шкур не хватает!
Имеющий грудь, что не умещается
на земле,
Имеющий круп, раскинувшийся, как степь,
Имеющий рот больше казана (котла)!
Имеющий ресницы в девять четвертей,
Великий-малый хан дверей,
У двери горы устроивший стоянку!
Шамана Семена могучее знамя!
Великая и малая чудовище-щука!
Великий и малый Мунчук-хан,
У белого отца моего, имеющий стоянку!
Великий и малый хан, железная тетива,
У горы Тайчына имеющий стоянку!
Заика, не могущий говорить,
Левша, не могущий натягивать повод!
Великий и малый чудовище-хан Омазы!
Имеющий крылья в шестьдесят сажень,
Бело-сивый конь, душа-конь!

Чь
Ск
бедн
Сп
спори
вы.
Од
кий ч
В
сна в

На
в вод

Сав
слыш
дня.

На
Бь

В т

Ту,
танна
зо, гл

С
шак

Вн

ПОГОВОРКИ

110

Чье ружье, того и пушнина.

Скот богатого человека траву ест, скот бедного человека землю лижет.

Спорить с холодом — не будет ушей, спорить с начальником — не будет головы.

Одинокое дерево ветра боится, одинокий человек людей страшится.

В ветреный день росы нет, в раздумье — сна нет.

На светлое сколько ни намажешь сала, также свет будет, дурному сколько добра ни сделаешь, такой же дурной будет.

Если вырвется конь — ты его поймашь, если с уст слово сорвется — ты его не поймашь.

Знающему достаточно одного слова, не знающему тысячу слов надо.

Если будешь двигаться, через хребет (горы) перевалишь, если будешь сидеть, в рытвину (яму) скатись.

Если будет ездить — дорога будет, если вырастет трудяся — мужчиной будет.

ЗАГАДКИ

111

На гору если поднимется — не устанет, в воду если войдет, не захочет пить.

(Лыжи)

Сам с горсть (маленький), голос его слышен на расстоянии ходьбы одного дня.

(Соловей)

На кривом дереве вода не держится.

(Рога коровы)

Бьется, бьется — взлететь не может.

(Мельница)

В тайге медведь задавился.

(Плоская пуговица)

Туда истоптанное место, сюда — истоптанное место, посредине — словно железное, гладкое место.

(Порог)

С каменными ногами, с деревянными папками.

(Сеть)

Внутри раскрашенного сундучка хлеб.

(Кедровый орех)

На вершине золотого дерева золотая кукушка, распустив крылья, сидит.

(Кедровая шишка)

Если в воду войдет — тысяча; если на сушу выйдет — один.

(Хвост коня)

На болоте выросшая, в девятислойный шелк одетая девица.

(Сарана)

Два брата к реке купаться пошли.

(Ведро)

Девочка внутри дома бегала-бегала, беременной стала.

(Веретено)

Два ворона клювами друг друга хватают.

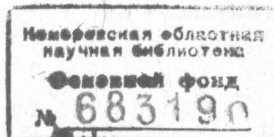
(Ножницы)

Один (сказал): «Пойдем!», один (сказал): «Давай встанем!», один же сказал: «Будем лежать!».

(Вода сказала: «Пойдем!»,

пена сказала: «Давай встанем!»,

камень сказал: «Будем лежать!»)

ПРИМЕЧАНИЯ*

Текст 20

(Род Карга, улус Карчит, р. Анзас)

Охота была основным видом хозяйственной деятельности шорцев. Об этом говорят как казачьи отписки, грамоты воевод и т. д., так и все путешественники. Так, Георги в 1799 г. писал о верхнетомских татарах (родах шорцев, живущих в верховьях р. Томи): «Питаются они по большей части от звериного промысла и дикими растениями. Подушной оклад платят в Кузнецке мягкой рухлядью». То же подтверждал В. Вербицкий в 1859 г.: «Главное их занятие зверопромышленность, рыболовство». В Записках за 1861 г. он же писал: «В инородцах в высшей степени развит инстинкт звероловства; при покупках и продажах они просто-душно поддаются всякому обману и не в состоянии различить лжи от истины, а в лесной их сфере проявляется в них необыкновенная сметливость: на быстром беге, при множестве следов зверя, охотник читает по ним, как по грамоте».

Среди камней соболя устраивают свои норы. Придя в тайгу, артель располагалась станом во вновь сооруженном или в старом, оставшемся от прежних лет, шалаше. Охотники обычно брали с собой собак. Выследив, куда прячется соболь, охотники растягивали на этом месте на палках особую сеть (до 120 м длины), прятались где-нибудь поблизости и ждали, когда соболь выйдет и запутается в сеть. Иногда приходилось ждать всю ночь напролет. Чтобы в темноте узнать, когда выйдет соболь, и чтобы не упустить ценную добычу, к сети привязывали колокольчики. Соболю, выйдя из россypi, начинал бегать вдоль сети и, ища выхода, запутывался в сеть. По звону колокольчика охотники узнавали о добыче. Обычно соболя выкуривали из камней дымом.

* Некоторые примечания даны в сокращении (Ред.).

Попавшего в сеть соболя убивали кайком от лыж или же душили, положив его на лыжу и придавив ногой. Этот осенний промысел на соболя, продолжавшийся до декабря, имел коллективный характер («соболя ловят обыкновенно сетями, которые расставляют на вершинах гор, в камнях, где зверь особенно любит рыскать; чем больше сеть, тем больше шансов на успех добычи, поэтому сеть ставится артелью человек в шесть, подобно тому, как это делается на артельных рыбалках неводами». Во время зимнего промысла (в январе) в период гонки соболя охотник уходил от стана обычно один. Выследив соболя, он с большой осторожностью, предварительно прорыв проход под снегом, ставил под следами соболя капканы. Добытый индивидуально соболь шел также в распоряжение артели. В том случае, когда собака загоняла соболя на дерево, охотник сбивал его из ружья. Соболя прячутся также под корнями деревьев и в дуплах, где их и выслеживают с собакой. Шкурки соболя шли в уплату дани и были предметом обмена, позднее — торговли. Охота на соболя — одного из самых ценных зверей — была связана с особенно многочисленными запретами и сложным ритуалом.

По широко распространенным прежде представлениям, вместе с вещами, принадлежащими человеку, можно завладеть его душой. Вот почему в этой легенде хозяин горы, рассердясь на охотника, просит его шапку или рукавицы.

Текст 22

Охотники считали, что как хозяин горы, так и сами звери слышат все то, что говорят о них, и, чтобы звери не успели скрыться, а хозяин горы — запрятать свой «скот», они избегали называть зверей их обычными именами и называли их индифференциально. Запрещалось во время про-

мысли
ми до
варь
ли
ла
водку
Об
Палла
ют та
колен
взрос
бского
зе, кл
ных с
пошер
дачах
чтобы
ту сто
по не
ста с
ют, а
снасти
Ухо
50—20
охотн
ром
ленно
пихт,
ветви
или
Плахи
ствол
пихто
чем с
гребал
тайге,
9 арш
разгре
почвы
дят, к
ничего
1881 г
пихто
дывал
живат
тором
больш
где-ни
можн

мысли также называть обычными именами домашних животных, людей, дом, утварь и т. д. Так, например, лошадь называли — шерстистый лоб, дом — четыре угла (четырёхугольный), изгородь — брод, водку — ключевая вода и т. д.

Об охоте шорцев сетями сообщает еще Паллас в 1770 г.: «Около Таштыша кочуют татары Каинского и Кобынского поколения, первых насчитывается 25 чел. взрослых, (т. е. платящих ясак), а Шарбского поколения, которое живет по Мразе, кладут 50 чел. Они живут в неприступных своих укромах еще до сих пор в не пошевеленном язычестве. Понеже в их дачах соболий промысел не корыстен, то чтобы заплатить ясак, ходят в леса по ту сторону Енисея. Однако койбалы, кои по некакому праву присваивают сии места себе, им ловить тут мешками не дают, а коли поймают, то отняв добычу или снасть и поколотив, домой отпускают».

Уходя на звероловный промысел на 50—200 км и более от улуса, артель охотников останавливалась станом в старом шалаше, предварительно восстановленном, или делала новый из молодых пихт, поставленных в круг наклонно к ветвистому дереву и заваленных ветвями, или из колотых сухостойных деревьев. Плахи ставили наклонно, упирая их в ствол развесистого дерева, и заваливали пихтовыми ветвями и снегом. Прежде чем сооружать шалаш, разрывали и разгребали снег. «Зимою снег в окрестной тайге, на горах, выпадает на глубину до 9 арш., так что, когда промышленники разгребут его (а разгрести необходимо до почвы) и поставят свой балаган, то сидят, как на дне глубокой ямы, из которой ничего не видать» (Адрианов. Путеш. 1881 г.). Просушив землю, устилали «пол» пихтовыми ветвями. Посредине раскладывали огонь, который старались поддерживать в течение всего промысла и к которому относились особо осторожно и с большим уважением. Шалаш ставился где-нибудь у развесистого дерева, по возможности поблизости от воды. Иногда

для покрышки шалаша служила береста (каждый охотник привозил на нартах кусок сухой бересты). В сооружении шалаша участвовал весь коллектив охотников. В шалаше все охотники жили вместе в течение промысла. Промышлял обычно каждый охотник отдельно. Утром охотники уходили от шалаша поодиночке или вдвоем и к вечеру приносили свою добычу к охотничьему стану. Иногда шли сообща (напр., при охоте на соболя сетью). Порядок размещения членов артели внутри шалаша был строго регламентирован, также были строго распределены обязанности каждого члена артели. Питался каждый отдельно или вместе с ближайшим родственником. Иногда вся артель питалась сообща («в старину так всегда бывало»). «Скоро проходит день, скоро начинает темнеть в лесу. Мало-помалу вся артель собирается к месту стоянки с добычей и весело располагается на отдых. Среди темно-зеленых кедров и пихт, опустивших свои ветви под тяжестью снега, копошится эта таежная семья; один разгребает глубокий снег до земли кривой лопаткой, которая в то же время служит тормозом при скатывании с гор на лыжах; другой принес сучьев и валежника и разложил между старым колодником жаркий костер, третий устанавливает к огню котел со снегом, чтоб варить чай. Яркое пламя костра освещает соседние деревья, увешанные винтовками, мешочками и разным лохмотьем, скользит между стволами деревьев, колеблясь и исчезая в непроглядной тьме, в глубине немого леса; оно заливает своим светом группу людей, расположившихся перед костром, в разнообразных позах. Немой и угрюмый лес оживился; одни из таежников распивают горячий чай с талканом, другие закусывают мясом зажаренной белки или тетери, ведут веселую беседу каждый о своих странствованиях по тайге, живописуя ее рассказом о похождениях какого-нибудь зверька, сложившего свою голову под пулей, о его проделках и изворотливости, о стремле-

нии обмануть охотника и скрыться от преследования. Долго, долго тянется эта беседа, длинная, как зимний вечер. Не один котелок чаю опорожнится, много трубок выкурится, прежде чем каждый успеет рассказать о проведенном дне и подвести итоги своей охоты. Кончились рассказы; таежники покуривают трубки, впившись глазами в огонь и поминутно сплевывая; вечеру не видится конца, надо его коротать. Услада жизни инородца, неразлучный гомз,— с ним, в тайге; сняв инструмент с сучка, он строит его и заводит сказку про богатыря, и вечер летит незаметно. Товарищи тихо и молча сидят, поправляя костер, и с жадностью слушают, одни обдирая убитую белку, другие — нанизывая тушки на длинные прутья и поджаривая на огне. Льются глухие, протяжные звуки голоса сказочника под тихое гуденье гомза, льются далеко за полночь и наконец смолкают. Утомление и сон смыкают очи лесных детей, и скоро кругом замирают малейшие звуки, скоро воцаряется немая тишина. Костер уже тихо потрескивает, слабо вспыхивает, разбивая тусклый свет, и, постепенно прогорая, потухает совсем» (Адрианов, Кузнецкий край).

Текст 35

(Род Калар, низовье р. Мрассу)

По существовавшим представлениям, хозяева гор держат «свой скот» — зверей около себя в своей юрте, т. е. в горе. Они выпускают его через дверь или через тундук юрты-горы.

Среди многочисленных охотничьих запретов существовал запрет иметь половое общение с женщиною перед отправлением на промысел.

Текст 42

(Род Четибер,
низовье р. Мрассу, улус Томазак)

В медвежьей охоте с особенной яркостью отражены старые религиозно-маги-

ческие охотничьи представления. Начиная от сборов на охоту и кончая поеданием мяса, все действия охотников сопровождались определенными обрядами, которые должны были, по существовавшему воззрению, обеспечить удачный исход охоты — с одной стороны и способствовать умножению зверя в будущем — с другой.

Ритуал, связанный с медвежьей охотой, очень глубокой древности и восходит, вероятно, ко временам материнского рода. В этой связи интересно отметить, что медведь очень часто называется *taj*, т. е. дядя со стороны матери. Медведь считается, таким образом, не просто сородичем, а именно членом рода матери.

Я берлогу обошел. — Найдя берлогу, шорец обходил ее кругом и делал на ближайших деревьях зарубки топором, закрепляя таким образом свое право на находящегося в ней зверя. Придя в улус, он оповещал своих соседей, говоря: «Жилище великого зверя я окружил». Это означало, что он объявил свои права на найденного им зверя и что соседи не должны слишком близко от берлоги стрелять, чтобы медведь ее не покинул. Когда выпадал снег, охотник звал несколько человек родственников (своего рода), а если таковых не находилось, то соседей, и шел убивать медведя.

Обычай обламывать зубы убитому медведю объясняется, вероятно, боязнью его мести.

Текст 50

(Род Челей, низовье р. Мрассу,
улус Томазак)

Выдра очень осторожный, «хитрый» зверь, охота на нее требовала от охотников большой ловкости.

Текст 59

(Род Карга, низовье р. Мрассу,
улус Акколь)

Удивление охотника при виде быков подтверждает рассказы стариков об отсутствии в старину скота у шорцев и о

начина
еданием
овожд
которые
им воз
од охо
ствовать
другой.
охотой,
дит, ве
го рода
ть, что
ај, т. е.
счита
сороди
ри.

огу, по
на бли
ром, за
о на на
в улус,
я: «Жи
Это оз
ава на
еди не
ти стре
нул. Ко
несколь
рода), а
соседей,
ому мед
нью его

ссу,

хитрый»
охотни

ссу,

быков
об от
цев и о

появлении сначала лошадей, позднее ро
гатого скота, прежде всего в северной
части района, а затем и в тайге.

Лошадь использовалась богатыми шор
цами северной части района для завоза
товаров в тайгу, а также для обработки
своих земель. Условия южной части рай
она (тайга, зимой глубокие снега) затруд
няли передвижение на лошади. Лошади
на убой (обычно старые) были предме
том обмена с соседними племенами, а
позднее завозились русскими торговцами.

Текст 70

(Род Карга, низовье р. Мрассу,
улус Акколь)

Бельсу — приток р. Томи в ее верховье;
pel sug — таймень-вода, таймень-река,
т. е. река, в которой водятся таймени.

Человек, который хоть один хвост бел
ки от товарищей утаит, нехороший чело
век. Утаить пушнину, добытую при ар
тельной охоте, считалось позорным по
ступком для шорца. Этот рассказ отража
ет обычай шорцев, связанный с первобыт
нообщинными отношениями в охотнич
их артелях, а именно равный дележ до
бычи, независимо от выполняемой рабо
ты.

Текст 74

(Род Челей, верховье р. Томи,
улус Сыркаш)

Задолжавшие охотники, будучи не в
силах расплатиться с богачом, должны
были отрабатывать долги. Они работали
в хозяйстве богача наряду с его батра
ками.

Текст 80

(Род Кобый, улус Анжуль,
Хакасск. авт. обл.)

Легенды об уходе киргизов в связи с
появлением деревьев существуют в боль
шом количестве и у абаканских тюрков.

Текст 85

(Низовье р. Мрассу, улус Акколь)

О случаях бегства данников от сборщи
ков ясака и албана имеется ряд истори
ческих известий. Так, в историческом ак
те от 1675 г. говорится, что «из Кондом
ских и из Мрасских волостей, не хотя ве
ликому государю ясаку платить, от ясаш
ного сбору бегали» (Дополнение к актам
историческим, т. VII). В донесении от
1752 г. указывается, что «Мрасской воло
сти башлык (паштык) Ебога со своей во
лости алману за 7 лет не отдавал и бе
гает от них (калмыков) со своей воло
стью».

Исторические известия и остатки руд
ных разработок говорят о добыче и обра
ботке руды, широко практиковавшихся
в прошлом в кузнецкой тайге. Так, в си
бирских летописях, в актах и донесениях
XVII и XVIII вв. указывается: «Вверх
Томи же реки острог Кузнецкий, тамо
варят железо, железо же земли тоя доб
ро». «Пленный поляк, возвращенный из
Кузнецов, поведаши ми чудеса об обилии
железа доброго у оных людей, кои постоян
но и искони недаром добыли себе это имя и
зовутся Кузнецы. Он рассказывал, яко
тамо живут некие пугливые и странные
люди народа татарского, Кондобская и
иные некие орды. Копают железо и куют
железные горны, котлы, меденники, малые
и великие. Како коли кто запросит, хотя
бы по величине самую большую кадъ, а
куют за малу цену: дай ему ячменя, мех и
он тебе даст железен горн или меденник.
А железо оно есть предне добро».

Железо с Кузнецкого Алатау шло в уп
лату дани киргизам и калмыкам: «а теми
кузнецкими людьми всеми, говорится в
донесении, владеют колмацкие люди,
ясак с них емлют соболями и железом
всяким деланным».

Посланцы русского царя также забира
ли в ясак железные изделия. В донесе
ниях сообщается: «На 148 год кузнецкого
уезду с ясачных людей взято за двадцать
за девять соболей лук телеской, шапка

да двадцать один таган железный и оставлены в кузнечном остроге».

Способ выплавки руды был и оставался до конца XVII и половины XVIII вв., времени полного прекращения добычи железа, крайне примитивным: «кузнецы же словут, потому что ясачные люди государственные тамо живут по берегу Томи реки и иных тамошних рек, трех Терсий каменных берут и жгут, плавят железо и коуют вместо наковальни на камени ж, а железо то кузнечное и уклад велми добр и мягко железо аки свинец».

Кузнечество существовало у шорцев наряду с охотой и мотыжным земледелием. См. Георги: «Промыслы их состоят в скотоводстве, звериной ловле, плавлении железа и землепашестве».

Текст 103

Обращения к духам или моления духам составляли в старину неотъемлемую часть того или другого промысла. Эти обращения к различного рода духам-хозяевам были крайне несложны. Они состояли из непосредственной просьбы о ниспослании удачи на промыслах, здоровья и т. д. и представляли обычно импровизацию. Словесная формула была тесно связана с ритуальным действием, была неотделима от обряда. Каждый из участников промысла мог обращаться с молитвой к хозяину воды или горы (почитаемые горы были обычно родовыми промысловыми территориями. Но были и такие, которые считались более искусными в этом деле. Сюда относятся прежде всего те, которые способны были впадать в экстаз: их молитве придавалось особое значение, а жертва, приносимая ими, считалась удобной духу. На родовых молениях хозяевам гор и рек выполнял обряд и совершал моление кто-либо из старших членов рода, старик, хорошо знающий ритуал; только позднее, и то не обязательно, обряд совершал шаман. При лечении болезней кто-либо из знающих стариков или старух совершал обряд изгнания юзюта, про-

износя заклинания. Но обращение к высшим духам, к духам небесного и подземного мира, являлось функцией уже специалистов—шаманов. Только они, с помощью своих духов, могли совершать далекие и трудные путешествия в невидимые миры, и только они знали сложный ритуал обращения с высшими духами. Они обращались с молитвами также к своим духам, своим покровителям и помощникам. Каждый шаман имел свои молитвы и свои напевы. Шаманские молитвы обычно никто не знал и мало кто понимал. Эти молитвы — основу их — шаман получал от своих предков-шаманов, обычно от того шамана, от которого nasledственно к нему перешел шаманский дар, а вместе с ним родовые шаманские духи. Но шаман усложнял эти моления, главным образом, обращениями к своим личным духам. Эти шаманские заклинания произносились во время камлания в экстазе. Отсюда их отрывистость, запутанность и сложность.

Текст 107

(Род Калар, низовье р. Мрассу, улус Томазак)

Юзют — душа умершего человека, название злого духа вообще. Юзют, по существовавшему некогда представлению, приходит к жилищам своих сородичей, стучит и пугает их; он может даже войти в человека. Обычно он входит в какого-либо родственника, который после этого сразу же заболевает. Для излечения больного совершался обряд изгнания юзюта. Знающий обряд человек, обычно старик или старуха, окуривал больного и произносил обращение к юзюту, стараясь его запутать. Особенно важно было при этом узнать имя юзюта. Считалось, что знание имени юзюта дает заклинателю силу над духом; вот почему совершавший обряд перечислял по очереди всех недавно умерших родственников больного, стараясь открыть виновника болезни.

(Род Тарткын, низовье р. Мрассу,
улус Усть-Мрассу)

Призывание шаманом своих духов во время камлания.

Отрывистость, запутанность, желание запугать характерны для большинства шаманских заклинаний. Удары в бубен, хриплые гортанные завывающие звуки шаманского пения, чередующиеся с подражаниями голосам духов, с которыми ведет «переговоры» шаман, — все это имело целью воздействовать на воображение слушателей.

Некоторые переставшие камлать шаманы рассказывают сказки. Такие сказители-шаманы представляют себе это рас-

сказывание на манер шаманского камлания. Особенно любопытно отношение такого сказочника к своему комысу, тождественное отношению шамана к своему бубну. Бывший шаман Ачибаев рода Тарткын в улусе Сыркаш говорил: «Когда я сказку рассказываю, то я рассказываю ее и день и ночь. Когда я сижу и рассказываю сказку, я ничего не ем, табак курю. (Рассказывая), я не устаю. Когда я говорю (сказку), я не здесь нахожусь, я со своей сказкой вместе в разные-разные земли отправляюсь. Когда нет комыса, я скучаю. Всегда комыс наготове у меня лежит. Когда я умру, мой комыс вместе со мной пойдет (в другой мир). Когда я умру, мой комыс со мной в гроб положат».

ШОРСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Софрон Тотыш

МРАССУ И КАРА-ТОМ

Было это очень давно, когда, нагромождаясь, вырастали горы и между ними, разливаясь, потекли большие и малые реки.

Там, где с утренней стороны к закату солнца стояли плечом к плечу Абаканские горы, выросла и похорошела скала Кабусь. Днем она белела, как кандык, а ночью сверкала ярче серебра.

Однажды красавица Кабусь, изумив родных и знакомых, от жарких лучей солнца родила дочь. За синие глазки и спокойный нрав ей дали имя Мара-зас, что значит кроткая. А люди стали называть ее ласково Мрассу.

Новая речка росла смирной, ее плача никто не слышал, ее капризов не видел. Она текла без волнения, тихо напевая:

У меня бессмертный дед — Пустаг.

У меня славная бабушка — гора Огудун.

Шли годы, Мрассу стала взрослой. Третью весну она слышала в стороне, где восходит солнце, сильный и могучий голос Кара-Тома.

Любимая страна моя!
Вы, голубые горы!
Дайте дорогу к реке Мрассу.
Я хочу слышать и видеть ее.

— Рада бы к тебе, Кара-Том, но послушай, о чем шумят и гудят мои братья Абаканские горы, — воскликнула Мрассу.

— Куда ты рвешься, сестрица? — гудели братья. — Теки на восток по степи Оленгазы, где живет племя Аба. От столицы Аба-хана уйдешь прямо в объятия к седому старику Хему. Он, увидев тебя, молодую и красивую, запляшет от радости на одной ноге. Хем труженик, у него будет жить в достатке и губы не дуть.

— Не ходи к Хему! — грозно молвил Пустаг. — Что может быть общего у молодой девушки со старым? Теки лучше к стройному Бию на запад. У него спокойная натура. Ты, внучка, тоже спокойная. У вас жизнь будет течь ладно.

— О, не ходи к дряхлому Бию! — зашумела бабушка Огудун. — Он такой медлительный, на ходу спит. Век с ним длинным покажется. Лучше ступай к Кара-Тому. Где любовь, там и свет.

— Я знаю, куда мне подаваться, — сказала Мрассу и весело погнала свои волны.

И вот однажды ясным днем вдова Манак-гора разлеглась перед ней, чтобы пошептаться с Шаман-утесом.

Воды Мрассу разлились, затопили узкие ущелья и широкие долины, согнали со своих мест тысячи зверей и птиц.

Мрассу заволновалась.

— Дай мне дорогу! — потребовала она от Манак-горы.

— Куда ты, девушка, рвешься? — спросила вдова. — Я не позволю тебе ласкать

Шаман-утес. Ты еще молодая и не знаешь, что любовью никто не делится.

— Не нужен мне твой старый Шаман! — рассердилась Мрассу. — Дай путь к сильному и молодому Тому.

— Фу! — махнула рукой Манак. — Что хорошего ты нашла в этом Кара-Томе. Он ничего не понимает в прелестях женщин. Катись лучше к старому Хему. Он обласкает тебя в тридцать раз крепче, чем молодой Кара-Том.

— Нет! — сердито повторяла Мрассу. — Не нужна мне любовь дряхлого старика.

Еще долго бы длился спор между девушкой и вдовой, если бы не человек. Он разобрал камни Манак-горы и, обращаясь

к томившейся в неволе красавице, сказал:

— Иди к своему любимому.

Мрассу встрепенулась, заходила, забушевала, сильней налетела на Манак-гору. Покатились огромные камни, обрушились утесы. В этом месте появился большой порог. Люди называли его Убу, что значит бурный.

А Мрассу быстрее бегуна помчалась к милому Кара-Тому. Они встретились ниже Альчуковского мыса. Дальше текут воды Мрассу и Кара-Тома, прижавшись друг к другу, неразлучные навеки, весело поблескивая в лучах яркого солнца.

ПЕСНЬ МЕДВЕДИЦЫ

На склоне горы, где растет мягкий азат, дремлют двое медвежат. Все утро они бегали, играли. А когда солнце стало греть сильней, им захотелось спать.

Мать, большая сильная медведица, лежит рядом.

Она тихонько гладит задние лапы сыновей и нежно напевает:

Спите, спите, лапки мои,
Растите большими, детки мои.
Под нами ложатся травы,
Ломаются сучья и ветки.
Спите, спите, лапки мои.
По воде мы умеем плавать.
По деревьям мы можем лазать.

Спите, спите, лапки мои.
Пни мы легко сталкиваем,
Камни большие ворочаем.
Спите, спите, лапки мои.
От нас убегают все звери,
От нас улетают все птицы.
Спите, спите, лапки мои.
Нам равного нет никого!
Мы, медведи, — хозяева тайги.

Вдруг невдалеке раздался выстрел. Песня медведицы оборвалась.

Медведица вскочила, разбудила медвежат.

— Убегать, детки, убегать! — сказала она. — Человек идет!

МЫШКА

Летнее жаркое солнце стояло над тайгой. Тяжело было дышать не только на поляне, но и в тени деревьев.

В этот знойный день Бурундучок с полосатой спинкой выскочил из своей норы и побежал в сторону кедровой горы. Ему захотелось попробовать сочных кедровых орехов.

Пробежал он полверсты и увидел на пенечке бурошерстную Мышку.

— Чего ты здесь расселась? — спросил любопытный Бурундучок.

— Греюсь на солнышке.

— Не боишься на открытом месте? Вдруг кто-нибудь тебя схватит и съест.

— Нет, нет! — покачала головой Мыш-

ка.— Я не из трусливого десятка. Заячьим сердцем не питаюсь.

— Да, слышал, что ты смелая,— сказал Бурундучок.— Пойдем к кедровой горе за орехами. Теперь они вкусные-вкусные.

— Не пойду,— ответила Мышка.— На днях со мной такое приключилось, такое приключилось, я чуть не околела. Пошла лакомиться ягодами к малиновой горе. Только я одну ягоду на язык положила, как вижу: в стороне мелькнуло что-то темное. Я замерла. Подумала, не кот ли это? Одним глазом смотрю.— темное тоже остановилось и не двигается. Сердце у меня покатилося, что если зверь этот прыгнет, от меня только мокрое место

останется. Затряслись ножки мои, задрожал хвостик мой. Думаю: чем умирать на месте, лучше погибнуть, как боец, на ходу. Что есть силы пустилась бежать, а сама краешком глаза смотрю вбок. Хищник тоже за мной. Я перепрыгнула через палку, он — тоже. Перепрыгнула через колодину, кубарем покатилося. Чуть рас-судок от страха не потеряла, глаза зажмурила. Но ни когти, ни зубы не схватили меня. Вокруг всё было тихо. Открыла я глаза, осмотрелась. И поняла, что это была моя тень!

— Если ты боишься своей тени, то сиди и не шевелись,— сказал Бурундучок и побежал дальше.

ЧЕРНЫЙ ВОЛК

Много-много лет назад Черный Волк за долги своих родителей стал кул-рабом таяжного Медведя. С утра до вечера заставлял Тупохвостый работать на себя Волка.

Трудился Черный без отдыха, до изнеможения.

Огрызнется Черный или оскалит зубы, хозяин его плеткой по спине. Так в тяжелой неволе тянулись годы.

Волк часто вспоминал, как в молодости весело и свободно бегал по степи, по лесам Тувы, Алтая. Горела кровь в его жилах, когда он подкрадывался к стаду жирных овец. Удачная охота для него всегда была праздником.

Никогда в жизни не думал Волк, что когда-нибудь будет терпеть кару от Тупохвостого.

Со временем Черный научился держать язык за зубами, молча переносить побои, а когда мучения перехлестывали через край, выходил на вершину скалы и с жалобой выл богу Кудай:

— У-у! Кудай! Почему глупому Медведю суждено только властвовать, а мне влачить жизнь в тяжком труде? Всевышний, где же твоя справедливость?..

Небо молчало. Далекие звезды тускло мигали, луна холодно светила.

Однако не прошло и года, как Медведь неожиданно умер.

Возликовал Волк. Наконец к нему пришла свобода. Недолго думая, он взял аркан и побежал по тайге, по степи искать себе кул-раба.

ОХОТНИК И ЛИСИЦА

Строил Охотник ловушку на зайцев. Один конец тяжелого бревна поднял на подставку, с обоих боков загородил его густым частоколом,

Тут к Охотнику подошла Лисица. Оглядела ловушку со всех сторон, сказала: — О, шор-кижи, здравствуй! Что это ты мастерил?

— Ловушку для зайцев,— ответил Охотник.

— Молодец, шор-кижи!— похвалила Лисица.— Знать, скоро зайчатину будем есть.

— Да,— кивнул шор-кижи.— Только надо сперва хорошо сделать, чтобы было кого вытаскивать из ловушки. Вот бы испытать ее: вдруг недоделка найдется.

Лисица посмотрела, посмотрела на ло-

вушку и подумала: «Что здесь мудреного? Зайти и выскочить».

Она сказала:

— Я испытаю.

— Валяй!— согласился Охотник.

Полезла Лисица под бревно. Думала она в это время о том, как будет есть попавших в ловушку жирных зайцев.

А тут бревно хлоп — и Лисицы не стало.

КОВАРНЫЕ БАРСУКИ

Как-то Лисичка удачно на охоте поймала двух рябчиков. Положила их на плечо и зашагала к себе домой.

Тут пошел дождь. Стало лить, как из туча.

Лисичка сразу вымокла. Проходя мимо скал, увидела чернеющую дыру. Это было жилище барсуков, нечистых на руку.

Остановилась Лисичка возле норы, задумалась: «А вдруг отберут мою добычу и прогонят домой со смешком, с пустыми руками». Но она так продрогла, так нуждалась в тепле, что решила все-таки постучаться.

— Эй, соседи, откройте. Погибаю от дождя.

Барсуки пустили гостью.

Лисичка рассказала о непогоде, о трудностях охоты. Хозяева не особенно внимательно слушали. Их волновал запах рябчиков. Пошептавшись, они сказали:

— Ложись, Лисичка, спать. Мы тоже сегодня из-за непогоды не пойдем на охоту.

Лисичка положила под голову рябчиков вместо подушки, растянулась на лавке и уснула мертвым сном.

Утром, когда солнце вышло из-за гор, проснулась она. Видит — рябчиков под головой нету. Барсук и барсучиха ходят вокруг, хитро посмеиваются.

Лисичка сделала вид, что не заметила пропажу. Поднялась с лавки, стала расхваливать детишек барсуков. Такие уж они умненькие, такие добрые, потому что родились от правдивых родителей. И спросила:

— Дети, скажите, где я вчера положила своих рябчиков?

Барсучиха не стала дожидаться, что ответят барсучата, принесла и подала рябчиков хитрой Лисичке. Та поблагодарила барсуков за ночлег и пошла домой.

ОБИДЧИВЫЙ СОЛОВЕЙ

Была весна. Тайга зеленела. Дни стояли ясные-ясные. Соловья захотелось петь. Он сел на душистую ветку черемухи и залился звонкой трелью.

— Как хорошо поет Соловей,— заметил Скворец.

— Да, он лучший певец тайги,— сказал Человек.

Услышав это, Соловей замолчал и улетел. А Скворцу хотелось слушать еще и еще. Но у кого бы он ни спросил, никто не знал, куда исчез Соловей.

Однажды Скворец летел над Мрассу и на одинокой пихте, растущей на крутом берегу, увидел маленькую худую птичку. Он с трудом узнал в ней певца. Скрывая радость, спросил:

— Видать, ты болел, Соловушка? Давненько не слышно твоих песен.

— Я не пою теперь, — ответил Соловей.

— Почему? — удивился Скворец.

— Когда начинаешь петь, тебя начинают хвалить или хаять. Зачем мне это? Ведь не могу же я петь, как Утка или Дрозд. Никому не спеть по-соловьиному.

— Неужели больше не будешь петь? — спросил Скворец.

— Никогда!

Скворец подумал: «Если Соловей не будет петь, скучно станет в лесу». И решил он подзадорить певца.

— Тогда я буду петь как Утка, как Дрозд и даже по-соловьиному, — сказал он.

— Не люблю хвастунов, — сказал Соловей.

— Давай поспорим, кто из нас лучше споет?

— Давай, — согласился Соловей.

Много ли, мало ли времени прошло. Назначенный для состязания срок подошел.

Послушать Соловья собрались все птицы. Явился и Человек.

Певцы сели рядом на ветке черемухи.

Первым запел Соловей. Стало тихо вокруг. Даже горные ручьи примолкли. Перестали трепетать листья осин.

Наконец Соловей умолк.

Начал петь, часто помахивая крыльями, Скворец. И в песне его многие птицы услышали свои голоса.

— А соловьиного-то голоса не хватает, — заметил Человек.

Тут скворец так защелкал, так засвистал по-соловьиному, что Человек засмеялся от удовольствия.

Соловей опять обиделся и улетел. С тех пор он поет только прячась в лесах.

Публикация Ю. Тотыша

Юрий Тотыш

ВОЗРОЖДЕННЫЙ НАРОД?..

Недавно мне потребовалась архивная папка с вырезками из газет. Перебирая пожухлые печатные бумажки, я обратил внимание на заметку «Возрожденный народ». В ней говорилось о том, в каком неприглядном мраке жили шорцы до революции и какое солнце воссияло над ними после. Народ сплошной неграмотности, словно выбрался из глубокого холодного колодца.

До революции шорцы жили по-разному. Одни хорошо, другие — плохо. А вот насчет сплошной неграмотности автор заметки загнул. Мой дед Сергей Николаевич Тотыш, например, совсем не был богачом, но сумел дать высшее образование

старшему сыну Ефрему в Томском университете. Средний сын окончил гимназию. Младший, мой отец, поступил в городскую школу. Сохранились воспоминания Софрона Сергеевича, записанные моей матерью.

«Осенью отец повез меня в школу. По пути говорил: «Я много лет учу Ефрема, учу Алексея, а толку нет. Один студент, другой гимназию кончает, а переписчиком волости стать не могут. Вот и тебя, Софрон, везу в город, чтобы ты выучился. Может, ты будешь переписчиком. Я бы тогда ходил по улице, выпятив грудь». Такие мечты были у моего родителя.

Я стал учиться в городской школе. С

братом Алексеем жил в одной комнате. И скоро поссорился с ним. Он ни с того ни с сего начал разговаривать со мной только по-русски. В ответ я притворился глухим и немым. Тогда Алексей стал убеждать меня: «Почему я говорю с тобой по-русски? Нам, шорцам, знать этот язык очень нужно. На русском написаны книги по всем наукам». Я спросил брата: «Кто-нибудь из шорцев пишет книги?» «Да,— сказал Алексей,— Итыгашев. Он окончил семинарию в Казани. Переводит с шорского на русский. Сам написал книгу «Мой путь». Я понял, что мне нужен русский язык, и стал прилежно учиться».

Отец добрался лишь до восьмого класса. Началась революция. Стало не до учебы. Один из первых комсомольцев Горной Шории, чоновец и в пятнадцать лет... заключенный томской тюрьмы. В начале двадцатых годов у шорцев отобрали оружие, которым они добывали пропитание на охоте, чем вызвали голод. У отца была винтовка, выданная ему в ЧОНе. Однажды он одолжил ее приятелю для охоты, семья которого голодовала. За это и поплатился. Время было суровое, расплаты тоже.

Теперь — о грамотных шорцах. Их, как траву, выкосили в тридцатые годы. Одних расстреляли, других отправили на Колыму. Редко кто вернулся назад. Остались те, кто не умел читать и писать. Они-то и дали право публицистам очень долго говорить о сплошной неграмотности шорцев.

Это к слову. А потолковать хотелось о культуре маленькой народности. Когда я учился в Новокузнецком педагогическом институте (в пятидесятые годы), там преподавал советскую литературу талантливый педагог и ученый Николай Иванович Якушин. Сейчас он живет в Москве, защитил докторскую диссертацию, его фамилия мелькает в литературоведческих изданиях. Николай Иванович предложил мне написать реферат по шорскому эпосу, напечатанному в сборнике стихотво-

рений и переводов новосибирского поэта Александра Смердова. Я полистал страницы, нашел поэму «Ай Толай», она была по мотивам шорского эпоса:

Задолго до нас протекало это.
В первое время земли и света
Стоял у подножья тайги и гор
Высокий, как синий Мустаг, шатер.
Под солнцем, как шлем золотой, стоял,
Литым серебром при луне сиял.

Прочитав поэму, я задумался. Шорцы живут в горной тайге, герои поэмы — в степи. Жилье у шорцев — приземистые бревенчатые домики с крохотными окнами, у богатырей поэмы — шатры кочевников. Нет, это не шорский эпос.

Сомнениями я поделился с Николаем Ивановичем. Он со вздохом сказал:

— Если бы прочитать оригинал, а не вольное изложение.

После этого я решил поговорить с отцом о шорском эпосе. В то время он был на взлете. В Новосибирском издательстве увидела свет его первая книга «В тайге». «Сказки Шапкайя» готовились к печати в Кемерове. В них ощущалось глубокое знание автором жизни народа. «Конечно, отец не мог пропустить мимо своего внимания шорский эпос», — думалось мне.

В ближайшее воскресенье я поехал к нему в Мыски. Там у отца был дом на берегу реки Мрассу, которую он очень любил и описал во многих своих сказках и легендах.

Отец соорудил скамейку возле толстой пихты над высоким обрывом. Здесь он любил отдыхать в одиночестве, задумчиво глядя на реку, на осененный черневой тайгой город.

Бывая дома, я тоже выходил на обрыв. Мыски вызывали у меня сложное чувство. В этом городке я бывал десятилетним пацаном. Тогда на месте многоэтажных домов толпились деревянные домики с большими огородами, в которых кипела зеленая картошка. За огородами начинался кедровник. Мы, ребяташки, вата-

тами ходили туда за орехами. Бывало, вскарабкаешься на вершину кедра и палкой сбиваешь шишки с мохнатых ветвей. Внизу твои приятели подбирают... Сейчас кедровник сохранился лишь в воспоминаниях старожилов.

Поглядывая на современные Мыски, отец говорил:

— Если бы старые шорцы поднялись из могил и взглянули на город, то сошли бы с ума от удивления. Так он вырос!

И от горя, наверное. Как поблекла, исчахла природа вокруг Мысков, как облысели горы!

Была весна. Темно-желтая Мрассу обильно несла на себе белые шапки льда. Мы с отцом в зимних пальто (от реки дул сырой, пронизывающий ветер) сидели на заветной скамейке. Я слушал его неторопливый рассказ о шорских героических поэмах.

— Внимательно читая поэмы, можно узнать все о народе. Когда он родился, как выглядел, как жил, как боролся с врагами. Ты правильно подметил, что многие герои поэм голубоглазые, светловолосые, а не смуглые, как нынешние шорцы.

В очень давние времена на землях южного Кузбасса жили динлины, внешне похожие на европейцев, высокие, белокурые. Их облик донесли до нас поэмы. Что касается быта кочевников... К середине первого тысячелетия до нашей эры на территорию Горной Шории стали проникать монгольские племена. Они принесли с собой свою культуру, свой язык. Поэтому светловолосые герои поэм живут в юртах, владеют многочисленными стадами, защищаются от вероломных соседей. Каждое новое поколение шорцев отражало в эпосе особенности своей жизни. В одной из поэм я с удивлением обнаружил русские имена. Словом, эпос — это настоящее сокровище для историков, этнографов, литераторов. Жаль, что оно гибнет...

Отец говорил о том, что его сильно тревожило. Не записаны профессионально

поэмы у кайчи, шорских сказителей, которых почти не осталось в Кузбассе. Сам Софрон Сергеевич много писал о сказителях.

«Приехал сказочник-кайчи! — этот слух мигом облетал улус. В доме, где остановился кайчи, праздник. Готовят пельмени, моют с песком скамейки и пол.

Еще не стемнело, а мальчишки и девочки уже собрались. Им не терпится слушать сказку. Подходят взрослые мужчины и женщины, старики и старухи.

Кайчи усаживается на небольшом коврике, расстеленном на полу. Он настраивает струны кай-комуса. Все замирают.

И вот кайчи начинает петь. Его голосу, хриплому и гортанному, как бы подпевает другой, мягче и мелодичнее. Он неотступно следует за первым голосом, то радостный, то задумчивый, то печальный. Это двухголосое пение под звуки комуса и составляет неповторимую особенность шорских сказителей».

Неповторимая особенность кайчи не только в уникальном голосе. Тот, кто слышал шорских сказителей, рассказывал мне, что они обладали гипнотическими способностями: так умели переключить человека на поэму, что он погружался в ее содержание, как в реальную жизнь.

«Я ощущала себя зеркалом. Наверное, очень большим, потому что во мне отражалась круглая, едва обозримая степь, в центре которой золотом блестел девятиугольный дворец. Вокруг него, друг другу на хвост наступая, пасся бесчисленный скот... Я пробыла три часа в сказке», — вспоминала моя тетя Мария Сергеевна Тотышева, которая прожила девяносто лет и слушала много раз кайчи. Она считала, что шорские сказители с успехом заменяли народу литературу, театр, кино и телевизор...

Много лет спустя после разговора с отцом я попал в Таштагол, где познакомился с Надей, молодой, очень миловидной шоркой. Она работала секретарем-машинисткой в редакции местной газеты, вече-

рами пела в ансамбле «Чылтыз». Девушка привлекла мое внимание знанием шорского фольклора. Казалось, она была напичкана легендами, сказками, как стручок горошинами. Надя делила каждый свой отпуск на части для путешествий в улусы. Там общалась она с пожилыми шорцами, записывала их рассказы, песни. Некоторые из ее записей вошли в песенный и танцевальный репертуар ансамбля.

Надя рассказала мне, что в поселке Шортайга живет кайчи. Она собирается к нему и молит бога, чтобы застать сказителя в живых. Как хочется ей заполучить героическую поэму!

Я тоже загорелся желанием увидеть кайчи. Свернул командировочные дела в Таштаголе и через неделю махнул в глубины Шории. Сперва добирался на попутных машинах, потом на лодке по Мрас-су.

Был прекрасный летний день. Быстрая вода обтекала каменные лбы живописных гор. Я загляделся на Каратаг. Его черный горб величественно заслонял небо-склон.

Навстречу нам, вспарывая пенистую воду, выплыла моторка. Среди ее пассажиров я вдруг заметил Надю. Она была в светлой куртке, в коротких резиновых сапожках.

Я махнул ей рукой, крикнул:

— Встретила кайчи?

— Опоздала! Он умер! — донеслось до меня сквозь треск моторов.

1986 год — печальная дата шорского народа. Бог Ульген, владыка подземного царства, забрал к себе последнего кайчи, а с ним и целый мощный пласт устного художественного творчества. Из серьезных ученых обработкой его увлекалась Н. П. Дыренкова, ленинградский этнограф. Когда отец был молодым (в двадцатые годы), она исследовала быт шорцев и часто появлялась в его родном поселке Томазак. Он запомнил ее красивой, белолицей амазонкой на лошади. Много лет спустя, уже после войны, ему уда-

лось каким-то чудом раздобыть для себя книгу Н. П. Дыренковой «Шорский фольклор». Сама автор трагически погибла в Ленинграде во время блокады. Известно, что она собрала богатый материал о шорском эпосе и готовилась издать его в нескольких томах. Сейчас этот клад где-то пылится. Если бы ученые Кемеровского университета (среди них есть специалисты по народному творчеству) проявили к нему интерес и обнародовали! Впрочем, и местное издательство в силах дать жизнь «Шорскому фольклору», чтобы молодежь смогла через печатное слово прикоснуться к художественному творчеству своих предков.

Хотелось бы сказать еще об одной чисто и безжалостно обрубленной ветви шорской культуры. В последние годы своей жизни Софрон Сергеевич серьезно заинтересовался камами (шаманами). Правда, к этому времени сами они вымерли, как мамонты, но оставались их потомки. Отец беседовал с ними. В его коричневой общей тетради скапливались записи. И вот однажды он объявил: «Пишу повесть о молодом шамане».

Софрон Сергеевич обычно не выдавал литературных замыслов, но о предмете своего интереса поговорить любил. Тогда я много узнал о характере камов, об их необыкновенных способностях. Вот один из рассказов отца, который мне особенно запомнился.

К каму приходит шор-кижи и говорит. Так, мол, и так, год назад умер дядя, который куда-то спрятал деньги, не оставив своим наследникам. Шор-кижи собирает-ся поставить новый дом. Ему очень нужны деньги. Не может ли уважаемый кам помочь ему встретиться с умершим дядей, чтобы узнать, где спрятаны деньги. Кам соглашается устроить это свидание. На окраине улуса разжигает он костер, берет в руки бубен, начинает камлать. Шор-кижи в это время сидит недалеко от костра. Вдруг кам подходит к нему и предлагает взлететь. Они поднимаются над улусом. Шор-кижи видит крыши домов,

костер. Потом улус исчезает, перед глазами расстилаются горы, скоро и они пропадают. Шор-кижи слышит голос кама, который говорит, что они сейчас на седьмом уровне, где теперь живет дядя. В самом деле, видит шор-кижи какое-то незнакомое место, видит и умершего родственника, как живого. Они горячо общаются, обмениваются новостями. В конце концов дядя охотно рассказывает, под какую елку закопал он деньги. После этого они прощаются, и шор-кижи, с камом возвращаются на землю. На следующий день шор-кижи находит ту самую елку, под которой был зарыт клад...

Я решил, что отец просто рассказал мне свою очередную легенду о чудесах кама. Но вот недавно я прочитал заметку в «Огоньке» о болгарской знахарке Ванге, которая запросто общается с душами умерших, и подумал, что, может быть, и шорские камы обладали такими же способностями.

Знаменитый экстрасенс Вольф Мессинг как-то заметил: «Я позволю высказать себе пусть спорную, но, убежден, не вздорную мысль: надо ученым заняться сбором и анализом древнего, как мир, искусства народного знахарства и ведовства».

Что касается шорских камов, то уже никаким ученым до них не добраться. Навсегда из жизни ушли камы, а с ними самая древняя и таинственная культура. Жаль, конечно!

И все-таки на благодатном древе устного народного творчества завязались и про-

клюнулись первые ростки шорской литературы. В пятидесятые годы стали удачно пробовать перо коренные шорцы Степан Торбоков, Федор Чиспияков, Софрон Тотыш. С помощью Кемеровского издательства увидели свет их книги. Потом на длительное время будто отрубил. Благотетели показали литераторам-шорцам равнодушную спину. Помню, новосибирский писатель Куликов вернул отцу рукописи с короткой припиской: «Прекращаю сотрудничество».

Ради справедливости надо сказать, что Софрону Сергеевичу все-таки повезло больше, чем Федору Чиспиякову, Степану Торбокову. Они остались авторами одной книги. Отец же опубликовал около десятка книг. Сейчас переиздан его сборник рассказов для детей «Сын тайги».

Со смертью шорцев-литераторов погибла еще одна ветвь культуры народа, но ее возможно оживить. У родственников остались неопубликованные рукописи. Без движения, например, лежат многие рукописи отца. Сохранились записи его наблюдений, размышлений о жизни, дневники. Сколько можно оттуда почерпнуть знаний о шорцах! Дело теперь за местным отделением Союза писателей. Оно могло бы составить комиссию по изучению и публикации литературного наследия Степана Торбокова, Федора Чиспиякова, Софрона Тотыша. Нужно, как природу, спасти оставшиеся крохи культуры малого народа.

ШОРСКИЕ ИМЕНА

Антропонимика — специальная отрасль знания о собственных именах. Шорцы — маленький народ, их насчитывается по переписи 1979 года — 16033 человека. Антропонимическая система у шорцев была своеобразна. Каждый имел свое особое имя. Два одинаковых имени встречались крайне редко.

После революции шорцы стали давать своим детям преимущественно русские имена. Обычай именовать людей по-русски у шорцев ассоциировался с понятием овладения передовой культурой. Сохранение шорских имен считалось пережитком прошлого.

В опубликованных шорских сказках,

предав
ках XI
малоч
мир м
ной I
ционн
имена

Име
альной
связ
венной
Саба —
берест
лотой
ла»;

связ
Торгу
шла б
нах: С
ра Тор
гу — «
шелк»

связ
миром.
птица»
на: К
Алтын
гаш —

имен
утвари
«желез
«голуб
связ
настро
ник»;

указ
луны,
верхов
Чылты
пока
ния, М

ре», «о
предел
дой ха
«главн
«извор
бряный
Ак Ка
Кара К

преданиях, легендах, рассказах, учебниках XIX—XX веков шорские антропонимы малочисленны. Материальный и духовный мир мужского и женского населения Горной Шории, столь различный в дореволюционное время, закрепился и в личных именах.

Имена, дающие информацию о материальной или духовной жизни шорцев:

связанные с предметом быта, хозяйственной деятельностью человека. Мужские: Саба — «большой кожаный бурдюк или берестяная посуда», Алтын Саба — «золотой бурдюк», Тордай — «осадок от масла»;

связанные с одеждой, украшениями: Торгу — «шелк». Эта сторона быта нашла большое воплощение в женских именах: Сарыг Торгу — «светлый шелк», Кара Торгу — «темный шелк», Алтын Торгу — «золотой шелк», Ак Торгу — «белый шелк»;

связанные с растительным и животным миром. Мужские: Алтын Куш — «золотая птица», Анчак — «зверек»; женские имена: Кеек — «кукушка», Аар — «пчела», Алтын Аар — «золотая пчела», Карлыгаш — «ласточка», Куу — «лебедь»;

имена со значением орудия труда и утвари. Мужские: Темир или Тебир — «железо», Алтын — «золото», Кек Молат — «голубая сталь»;

связанные с культовыми праздниками, настроением. Мужские: Пайрам — «праздник»;

указывающие на культ неба, солнца, луны, гор, рек. Мужские: Улген — «доброе верховное божество», «небо»; женские: Чылтыс — «звезда», Шолбан — «венера»;

показывающие общественные отношения. Мужские: Кан — «хан», Талай — «море», «обширный, как море», означало беспредельную мудрость, Чаш Кан — «молодой хан», Улуг Кан — «старый хан», «главный хан». Чылан Кан — «змея-хан», «изворотливый хан», Кумуш Кан — «серебряный хан», Алтын Кан — «золотой хан», Ак Кан — «белый хан», «честный хан», Кара Кан — «черный хан»;

дающие некоторую информацию о личности человека. О его внешности. Мужские имена: Ак Сагал — «белая борода», Ак Паш — «белоголовый», Чэс Алып — «загоревший богатырь», Кара Сагал — «черная борода», Кызыл Оол — «красный парень», Чес Оол — «медный (загоревший) парень», Кара Оол — «черный мальчик», Сарыг Оол — «желтый парень».

О возрасте. Мужские: Улуг Чаш Кулун — «взрослый жеребенок», Кичиг Чаш Кулун — «молоденький жеребенок», По-станаш — «взрослый».

О характере. Мужские имена: Шэлтрэк — «беспечный», «неопытный», Санаан — «думающий».

В патриархальной семье мужчина пользовался особой привилегией, т. к. он был и кормильцем, и главой семьи, и воином. Именно поэтому в мужских именах наблюдается большое разнообразие.

Мужские имена

Абышка, Ай Маныс, Ай Толай, Ак Кан, Ак Молат, Ак Паш, Ак Пурба, Ак Сагал, Алтын Кан, Алтын Куш, Алтын Саба, Алтын Сом, Алтын Тойчи, Алып Маска (чак), Амас, Анчак, Арук, Астаанчы, Астал, Астапай, Канза, Кан Алып, Кан Кезер, Кан Кылыш, Кара Кан, Кан Мерген, Кара Сагал, Кара Салгын, Кара Шел, Кара Оол, Кастинке, Кастанчы, Кештен, Кират, Кичиг Чаш Кулун, Кокан, Копчет, Кек Молат, Кускан, Кумуш Кан, Курэн Кылыш, Курэн Шел, Кыдат, Кызыл Оол, Манак, Мерген, Мукка, Мустакай, Мучай, Неккер, Огудун, Олгудэк, Очан, Пайрамаш, Пакэ, Папуш, Паруш, Паюш, Пайан, По-станаш, Саккан, Самек, Санаан, Сапийкэ, Содан, Таш Алтын, Таш Оолак, Талай//Далай, Талтак, Тата, Тэмир//Тэбир, Тордай, Тоспаан, Тоттолуш, Тугалаш, Улуг Кан, Улугуш Чаш Кулун, Ылгэн, Чанар Куш, Чаркеп, Чаш Кан, Чылан Кан, Чылан Моос, Чэлэй, Чэс Алып, Шагнак, Шадраш, Шандарат, Шапкай, Шэлтрэк, Шодравай.

Женские имена в количественном отношении уступают мужским.

Женские имена

Ак Торгу, Алтын Аар, Алтын Арыг, Алтын Курчу, Алтын Талбы, Алтын Торгу,

Атлас, Кан Арыг, Кара Сабак, Кара Торгу, Карлыгаш, Күлүгэш, Кумуш Арыг, Куу, Кыйазым Арыг, Ману, Пакойуш, Пэкаш, Пий Кеек, Пора Нинжи, Сарыг Торгу, Чылтыс, Шибэлдэй, Шолбан.

Н. Курпешко

ШОРСКИЙ БУКВАРЬ

ШОР КИЖИЛЕРИ БАЛАЛАРЫН МІ-
ЧИКЕ ЫРГЕТЧЕ.

ДЛЯ ИНОРОДЦЕВЪ
ВОСТОЧНОЙ ПОЛОВИНЫ
КУЗНЕЦКАГО ОКРУГА

6. издание 6

Православнаго Миссіонерскаго Общества.

КАЗАНЬ.

Типо-Литографія В. М. Ключникова.
1886.

ИЗДАН «ШОР ПИЧИК»

В жизни народа, уже начавшего забывать родной язык и письменность, произошло важное событие: Кемеровским книжным издательством выпущен «Шор пичик» — шорский букварь.

Автор букваря — кандидат филологических наук Надежда Николаевна Курпешко-Таннагашева (она — один из авторов этого номера альманаха). Оформили и проиллюстрировали букварь кемеровчанин В. П. Кравчук и москвич Б. В. Тржемецкий.

А первый букварь для шорцев был издан в 1885 году в Казани Православным миссионерским обществом. Потом появились еще два: Тельгереков Я., Тотышев А. «Қарашкыдан шығар». М., 1927 и Tilgerekof «Naa col». М., 1931.

Сейчас, когда шорские дети вновь получили возможность учиться на родном языке, нам показалось уместным напомнить, с чего все начиналось: на снимке — обложка первого шорского букваря.

В. С.

Александр Цыганков

ВТОРОЕ НЕБО,
ИЛИ СИНИЙ ПОЯС ОСЕННЕЙ РАДУГИ

(Отрывок)

Как будто черная гора
Из родника струила свет.
И, воздух пробуя на цвет,
Я нес на кончике пера,
Что видел взгляд: и под, и над...
И величавый листопад
Шуршал таинственным крылом,
И осень через бурелом
Сходила словно водопад.

И волны Леты или лет
Срывали с камня серый мох.
Дышал гранит, и каждый вздох
Вбирал языческий завет
Из глубины таежных вод.
И время шло, как будто вброд,
Когда среди запретных сфер
Вставала сфера «хорты-чер»,
И Ульген правил небосвод.

То день всходил. И горный дух
В распадки гнал густой туман.
И пел неведомый шаман
Перед вершинами, на слух
Вершин сверяя голоса.
И звонко падала роса,
И бубен между синих гор
Вздыхнул, вступая в разговор,
И эхо прятали леса

И поглощали в свой желток
Всю соль неясных миру слов,
И молчаливый зверолов
Переходил через поток
Лесной реки и ставил сеть,
И бил шаман в сырую медь,
И зверь выскакивал из нор,
И человек из рода Шор
Боготворил родную твердь.

Как за строкой течет строка,
Журчал родник; и горный лед
Хрустел, и двигался вперед
Поток преданий, и река
Слова гранила, как клинок,
И, раскаляя водосток,
Бросала в ледяную печь
Еще бесформенную речь,
Пока в печи горел восток.

И речь стрелой летела ввысь,
Пересекая ход светил.
Шаман над бездной голосил,
И над землей рычала рысь,
Вонзая когти в облака,
И кровь по лезвию клинка
Плыла, но отражал гранит
Уже единый алфавит
От века или на века.

Леонид Гержидович

АНДРЮХА ШИШКОНАКОВ

Я Андрюха Шишконоков,
Весь улус моя родня.
Водка есть? Входи, однако,
Гостем будешь у меня.

Для начала по стакану
Наливай, желанный друг,
Хочешь, соболя достану,
Ими — вон, набит сундук.

Возле Каборжьего лаза
Вечерами ходит рысь,

Ох и крупная, зараза...
Лей по новой, не скупись.

А у Каменной запруды
Стережет лису капкан,
Я тебе ее добуду...
Наливай еще стакан!

Я Андрюха Шишконоков...
Выпас мой... и выгон мой...
Водка кончилась? Однако,
Улепетывай домой!

Евгений Тельгерекон

* * *

Пройдут одних печалей времена,
Настанут времена других печалей...
О, если б все на свете отвечали
За все, что наковеркали, сполна.

Чтоб на себя взглянуть со стороны,
Все не хватает времени и места.
И вот уже вчерашняя невеста
Носки стирает в качестве жены,

И мать твоих детей. И, черт дери!
И сам уж ты не тот, что был когда-то.
И круглая идет за круглой дата.
Их, как слепцов, ведут поводьери,

А им глаза затмила пелена...
Так нас по жизни тоже кто-то тянет.
Кто черта, кто судьбу о том помянет.
И грусть ложится рядом, как жена.

В страницах этой материнской исповеди — трагическая история. Случилась она в одном из городов юга Кузбасса в последние так называемые застойные годы (тогда же и выплеснулась на бумагу).

Эпоха ГУЛага и тотальной подозрительности от многого общечеловеческого, святого, на чем мир держится, нас отучила — от милосердия, от способности сострадать. Отучила и от очищающей душу исповедальности (трудно услышать крик чьей-то одинокой души в то время, когда страдают, гибнут миллионы).

Прочтите эти страницы. Они не несут никакой заведомой морали. Вернее, в них ее столько же, сколько в окружающей нас хмурой действительности. Прочтите и задумайтесь над ними. Они стоят того.

В. Мазасв

А. Сыркашева

ПРОСТИ, МОЙ МАЛЬЧИК, ЧТО ПОДАРИЛА ТЕБЕ ТАКУЮ КОРОТКУЮ ЖИЗНЬ

Когда врач узнала, что я готовлюсь стать матерью, спросила: «А очень нужен ребенок?» И, услышав утвердительный ответ, решительно произнесла: «Ну, что ж. Будем кесарить!»

Больше всего я боялась, что во время родов встанет вопрос, кому спасти жизнь: матери или ребенку и что решат его в мою пользу. Я боялась, что буду без сознания и не смогу защитить свое дитя. Непременно, даже ценой жизни, хотела дать жизнь ему. И уже тогда испытывала чувство страха за него и огромное желание уберечь, спасти. Это чувство сопровождало меня постоянно и после его рождения, и когда он стал взрослым...

И не уберегла. Он погиб за несколько месяцев до своего двадцатипятилетия.

* * *

Приехав в Сибирь после окончания медицинского училища, я оказалась одна в другой ча-

сти света: все мои родные жили в Европе, а я в Азии. На первых порах поселилась в общежитии, похожем на «проходной двор»: на первом этаже размещалась гостиница. Скучающая молодежь собиралась вечерами в коридоре, и развлекался каждый по-своему, парни задирали девушек, отпускали им сомнительные комплименты.

Здесь я встретила с учителем, жившим несколько лет «в гордом одиночестве» после развода с женой, Сыркашевым. По национальности он был шорцем. Мы подружились. И вскоре я переселилась в тесный домишко, где жили его старая мать и сестра с дочкой-первоклассницей.

Мое замужество внесло переполох в умы и души моих родственников. Но тяга к семье, боязнь остаться одинокой из-за физического недостатка, жалость к избраннику сыграли свою роль. Было же-

ление любить, и желаемое воспринималось как действительное.

Нап, первенец был долгожданным. Я уже беспокоилась, что никогда не стану матерью, хотя ко времени его появления на свет мне едва минул двадцать один год, его же отцу было уже тридцать семь.

Мой малыш родился на несколько дней раньше срока, в снежную январскую полночь с четверга на пятницу.

Четверг в то время в нашем городишке был мужским банным днем. Для нашей же семьи он был примечательным тем, что глава семейства, отправляясь вечером в баню, возвращался утром. На мое возмущение отвечал: «Ну, купай меня дома!» Отсутствие объяснял тем, что ночь кутил с друзьями, но, скорее всего, он бывал у «подруг». Самолюбие не позволяло унизиться до того, чтобы выяснять, где и с кем он бывает.

В день рождения сына предупрежденный свекровью муж остался дома.

Мой сынок, родившись, закричал сразу. Кричит, значит, живой! Боль отступила — была радость и гордость за него и за себя. Хотелось всему свету поведать о счастье: человек родился! Сын! Черноголовый, с большими голубыми глазами (это позднее они стали карими).

Малыша назвали Виталием. Заранее было решено: дочь назову я, сына — отец. Я хотела назвать сына Александром, но уступила...

Позднее, сын, я спрашивала, нравится ли тебе твое имя, ты отвечал весело: «Ничего, привык. Но вы не подумали о внуках, отчество у них будет трудное».

* * *

Никакой пышной встречи из родильного отделения нам не приготовили. В доме было не топлено, не мыто, не сварено. Пришлось сразу браться за работу...

Вместо ванны отец купил тебе круглый таз, вместо кровати поставил на стол картонную коробку. Позднее таз заменили цинковой ванной, а коробку — само-

дельной железной кроваткой с люлькой, купленной у знакомых.

Ты рос спокойным здоровым мальчиком с хорошим аппетитом. Ни пустышки, ни соски с бутылкой в рот не брал, а грудь всегда сосал охотно. И любил слова, значение которых не знал.

— Что ты делал? Почему не убрал игрушки?

— Баклуши бил.

Или о себе: «Я злой и коварный».

Первое свое путешествие совершил в полтора года. Это была семейная поездка в Молдавию на могилу бабушки. (Бедная моя мама так никогда и не увидела ни зятя своего, ни внука.) Мы остановились на пару дней в Москве и посетили ВДНХ. В модном в то время матросском костюмчике, в бескозырке с надписью «Герой», ты шагал по дорожке. Поравнялись два моряка и спросили: «Как тебя зовут, мальчик?».

— Виталий Иванович.

— А сколько тебе лет?

— Двадцать.

Мой отчим, познакомившись с тобой, сказал: «Анна, это какой-то особый ребенок!»

Ничего особого я в тебе не видела, ничего особого из тебя и не получилось, когда ты вырос. Но позднее поняла, что в том возрасте ты был более развитым, чем сверстники, и отличался от них серьезностью. Видно, имелись определенные задатки, но мы не сумели их развить.

К двум годам ты был уже старшим, так как появилась на свет Наташа. Еще до ее рождения я водила тебя, держа за воротник шубы, и покрикивала, чтобы хорошо шагал — трудно мне было нагибаться. Коляски у нас никогда не было, только самодельные санки, сваренные из железа.

Ко дню рождения — к двум годам — тебе купили кроватку. Эта покупка чуть не окончилась трагедией: ты уронил на себя спинку от нее. На голове образовалась белая вмятина. Как бы там ни было, вмятина заровнялась, и ты остался

живым. Только сильно перепугал нас.

До трех лет ты находился под присмотром бабушки, когда мы были на работе. В другое время — брали тебя с собой, в кино ходили по очереди.

В детсаду первые дни ты плакал, но потом привык, научился одеваться — раньше тебе помогала бабушка. Не нравился тебе только дневной сон да лук в еде. Так и не полюбил ты лук, хоть и стал есть после армии, но всегда просил: поменьше луку. А до армии приходилось для тебя и Наташи делать пельмени без лука, в суп класть целую головку, а потом выбрасывать.

Твое детсадовское время было безоблачным. Там тебя любили. Когда подросла Наташа — мест в садике не было, но ее взяли в вашу группу, так как ты был примерным мальчиком.

Ни с конструктором, ни в «кубики» ты не играл. Зря мы делали такие подарки! Сколько помню тебя — ты всегда был «читающим». Книги любил новые, если отрывался переплет, говорил: «Мне книжку без шкурки не надо».

Наказать тебя было трудно — не доходило до угла, говорил: «Я больше не буду» (в противоположность сестре, которая никогда не просила прощения), но почти тотчас мог делать то же, за что наказывали. Ты был рад, если в наказание запрещали выходить на улицу. Спрятать все книги было невозможно, а кроме них тебя ничего не интересовало. Не помню случая, чтобы ты или твоя сестра что-то специально рассыпали, разбили, пролили. Но иногда я вас все-таки плепала. Когда ты стал взрослым, сказал: «Надо было больше плепать — толку бы больше было».

Никому ты не мог дать сдачи: ни в садике, когда более сильные обижали тебя, ни твоей младшей, но более бойкой сестренке. Учила тебя, что за себя нужно постоять — напрасно, не помогало. Ты доказывал, что драться нельзя. Про тебя можно было сказать: «Мухи не обидит». Ты всегда любил животных, и они пла-

тили тебе взаимностью. «Холодно воробышку, холодно», — говорил ты, захлебываясь слезами.

* * *

Учиться мы начали вместе, сынок: ты пошел в первый класс, а я поступила на биофак университета.

Вокруг царил веселье — полуподвальное помещение Красного уголка общежития было заселено сотней новоиспеченных студентов. Только для меня был невеселым день двойного праздника: твой первый школьный день и мой день рождения. Находясь на установочной сессии, мысленно рвалась к тебе. Нужную ли жертву приношу? Зачислят ли позднее? Ведь я была кандидатом — без прав, с одними обязанностями.

Вернувшись через месяц домой, узнала, что ты свободно читаешь, и за беглое чтение тебе даже снижают оценки. А письменные задания выполняешь неохотно: «Эту дурацкую ручку раздавил бы вдребезги».

Ты учился хорошо, не прилагая усилий. Способности заменяли старание. Проводя тебя в школу, говорила: «Иди, сынок, и старайся». «А зачем?» — удивлялся ты. Это приводило меня в уныние.

В четвертом классе ты остался дома один. Я была на зимней сессии, когда Наташу и отца положили в больницу. Моя сотрудница и ее мать по очереди опекали тебя: топили печь, варили, ночевали. Тетя Дуся была в умилении: «Ну до чего умненький мальчик! Читает и читает книжечки и мне дает». Выяснилось, что «умненький» мальчик неделю не ходил в школу, так как проводил эксперимент: можно ли читать до утра. Утром тетя Дуся уходила домой, а ты вместо школы спокойно отсыпался. Нужны были крутые меры. Пообещала, что попрошу школу выделить тебе сопровождающих (октябрат или комсомольцев). Как ты умолял меня не ходить! Забегал вперед и обхватывал руками, просил прощения. Я была непреклонна.

Читать ты продолжал «запоем», уже приходилось не хвалить, а ругать тебя. Чтение вместо пользы уже приносило вред: стала прогрессировать близорукость, сутулиться спина.

Меня всегда тревожило, что более сильные ребята будут тебя обижать и унижать. Но ни одного конфликта с соседскими детьми и соклассниками не припомню. Следов побоев тоже никогда не было, но по дороге в школу иногда старшие отнимали у тебя копейки на еду, однажды — карманный фонарик. Ты плакал от обиды и говорил, что станешь судьей, чтобы их карать.

Я не могла полностью отдать себя вам, детям. Отсюда — пробелы в воспитании, которые дали себя знать позднее. На работе брала совместительство — зарплаты не хватало: вечерами, переделав с отцом домашнюю работу и уложив всех спать, до двух-четырех часов ночи, а иногда и до утра садилась за учебники. Часто приходилось оставлять вас на попечение отца: то сессия, то командировки. А он спешил воспользоваться свободой, хотя и был неплохим отцом. Жалкими и неухоженными заставляла я вас после возвращения.

И с учителями тебе не повезло: в первом классе сменилось четыре учительницы. И позднее менялись без конца.

* * *

В ваш восьмой класс пришла новенькая — высокая русоголовая стройная девочка. А вскоре я случайно услышала, как ты рассказывал Наташе, что она краснеет, когда на нее смотришь, и спрашивал совета: продолжать ли смотреть?

— Смотри лучше на других, про вас и так говорят.

— На других смотреть неинтересно.

До чего же вы еще наивными были! С Наташей на удивление всем, ходили везде вместе, делились секретами, через нее передавались записки с сердечными тайнами.

Так началась детская любовь, ставшая

позднее твоей болью. Ты был однолюб и сохранил первую любовь в сердце до конца своих дней. Безобидные взаимоотношения стали предметом обсуждения учеников, учителей, родителей — ты не умел скрывать чувства. Об этом рассказывали на родительском собрании. Учительница по литературе говорила: «Виталий, как Печорин, вперит взгляд в предмет своего обожания и никого вокруг не замечает. Я ему говорю — посмотри хоть на меня. Я ведь тоже женщина!» Одни выражали вам сочувствие, другие — осуждали. А мне было больно, что так «беспардонно» обсуждают первые светлые душевные порывы.

К весне ты уже провожал из школы свою Сашу — Шурку — Александру — на противоположный конец города. Она ни разу не вошла в наш дом, ожидая пока ты прихорашивался. Видно, стеснялась своего учителя — твоего отца. Возвращаясь ты в пределах дозволенного, хотя на мою просьбу не задерживаться весело отвечал: «Знаешь, как с ней быстро летит время!» Вы стали вместе ходить в кино, а твой друг с детских лет, Сенька, с тоской смотрел вслед: «Виталка, давай лучше в войну поиграем».

Совершенно неожиданным оказалось твое решение поступать в техникум. Ну что ж, главное, сам выбрал! Захочешь — будешь учиться в вузе заочно. Ведь я закончила университет в тридцать пять!

Недолго я радовалась и гордилась твоим поступлением. Через полгода ты бросил техникум, люто возненавидев его, и вернулся в школу. На то было две причины. Ты говорил: «Мне нужно каждый день видеть одного человека». Мои доводы, что «человека» можно видеть в свободное от занятий время, не помогли.

И в учебе ты что-то сразу сдал. Сначала ездил на занятия в техникум из дома, позднее по своему желанию и с моей помощью весело переселился в общежитие, увозя туда разную утварь. С этого момента вышел из-под домашнего контроля. После родительского собрания, на котором

мне впервые пришлось краснеть за тебя, заговорил о возвращении в родные места. Молоденькая классная, обеспокоенная успеваемостью группы, обрадовалась такому решению, а я растерялась. «Вот, вы даже не знаете, что делать», — настаивала она. Я пыталась что-то делать — забрала тебя из общежития и начала заниматься. Ты же твердил о возвращении в школу. Долго мы «воевали». Я ругалась и плакала, отец грозился убить, чтобы не позорил. Ты сначала умолял, потом заявил, что будешь бродить по улицам, но в техникум не пойдешь. Ничего не оставалось, как согласиться.

Ты никогда никого не винил в своих бедах и всегда надеялся что-то переделать в жизни, но ничего не успел. И всегда боялся принести людям неприятности.

Ты вернулся в школу, повеселел, снова провожал Сашу, и вроде все встало на круги своя. Но послушным мальчиком больше не стал...

В ту пору мы конфликтовали из-за документов. Мне их из техникума не отдали. Кричали, что из-за таких не выполняется план по набору, грозилась сообщить в комиссию по делам несовершеннолетних. Запугали до слез, а потом упрекнули, что плакать надо, когда не поступают, а не когда уходят. Я понимала, что они правы, но, изменить что-либо была бессильна.

Ты за документами не ехал под любым предлогом. И однажды, исчерпав все аргументы, я ударила тебя по лицу... Ничего не ответив, быстро оделся и что-то взял из письменного стола. Спросила — что.

— Деньги. Мне бабушка дала три рубля.

После твоего ухода заметалась. Где ты? Собрался уехать с трешкой? А вдруг что-то сделаешь с собой? Взгляд случайно наткнулся на листок. И в страхе прочла я написанные за десять лет до гибели твои первые стихи, ставшие впоследствии пророческими:

На улице минус сорок,
За дверь не высунешь нос.
Ты в маленькой нашей избушке
Меня вспоминаешь и ждешь.

Меня уже нет на свете,
Давно позабыли друзья.
А ты меня ждешь и веришь,
Что я не покину тебя.

На улице минус сорок,
А в нашей избушке тепло...
Закреты все ставни и двери,
Одно лишь горит окно.

Я знаю, что свет не погаснет.
Ты будешь сидеть до утра,
А утром пойдешь к вокзалу
Встречать, провожать поезда.

Теперь это все напрасно,
Ведь нету в живых меня.
Могила моя под Каховкой
Давно уж травой заросла.

Там памятник деревянный,
Дощечка и надпись на ней:
«Сержант Сыркашев Виталий
Не дожил до светлых дней».

Дочитав до конца, облегченно вздохнула. Ну какой ты сержант! Ты ученик...

Вечером, после твоего возвращения, сказала: «Ты прости меня, сынок. Я была не права. Убеждать нужно только словами». Ты смутился: «Ну что ты, мама? Я же сам во всем виноват».

А в весенние каникулы эта история почти повторилась. Каждый день ты что-то придумывал в оправдание: то слишком рано ехать, то слишком поздно. Я увидела тебя у полупустого автобуса.

— Почему не садишься?

— Мест нет, — ответил ты, улыбаясь.

— Я тебе сейчас по морде дам, — прошипела я, не в силах сдержаться. Ты повернулся и быстро пошел, не оглядываясь. После обеда позвонила из Новокузнецка твоя тетя Даша и пообещала, что к вечеру ты будешь дома. Спасибо ей, я опять не находила себе места. После этого отступилась, а документы ты забрал только в летние каникулы.

* * *

В десятом классе ты стал мрачным, замкнутым, раздражительным. Про Сашу писал:

На исходе солнечного дня
Девушка моя с другим гуляет...

К моральным страданиям присоединилось физическое недомогание.

Лечащий врач сказала, что ты болезненно переносишь половое созревание. Противопоказано одиночество и полезна физическая нагрузка. При обследовании выявился хронический тонзиллит, требующий оперативного вмешательства, от которого ты наотрез отказался.

Отправилась на тайную беседу к военкому. Результатом ее была повестка в военкомат и принудительное направление на операцию. Боялась, в случае неблагоприятного исхода, стать причиной несчастья. Но все окончилось благополучно. Ты повеселел, распрямился и быстро начал взрослеть.

Во время твоих экзаменов на аттестат зрелости я была на специализации в Хабаровске. Остановливалась на улице девочек в белых фартучках, узнавала, какие темы были для сочинений и трудное ли задание по математике в восьмом классе. Ведь дома осталось двое выпускников! На главпочтамт регулярно приходили почтовые карточки, сверху каждой указывался сдаваемый предмет. Ты был внимательным сыном: открытки писались в школьном коридоре в ожидании оценки. Экзамены сдавал хорошо, а сочинение написал отличное. Как всегда, выбрал вольную тему: «Герой нашего времени — человек труда», а писал обо мне... Позднее пожалела, что из чувства скромности отказалась от приглашения учителей познакомиться с содержанием. При мне ты сдал немецкий язык на три и сделал вывод, что без меня готовиться лучше: не видно, как я нервничаю, и самому спокойнее. А на мое ворчание ответил: «Да поступлю я в твой институт!» Языком ты занимался до конца своей жизни; не раз и меня агитировал «шпрехатъ», но я отвечала, что дальше «их нихт ферштеен» у нас дело не пойдет.

Окончание школы вы решили отметить без родителей. Некоторые из них все-таки задержались, а мне пришлось под благовидным предлогом увести явившегося

под хмельком отца. Ваш выпуск был внешне «сереньким» по сравнению с блистательным Наташиным, где одна выпускница была красивее другой. Запомнился твой тоскующий взгляд, напрасно ищущий Сашу. В эти дни она стала женой другого человека.

После выпускного бала праздник продолжили на берегу реки с «паханом». Так называли классного после того, как он отсидел пятнадцать суток. Ты, впервые прикоснувшись к спиртному, не рассчитал своих возможностей. Пришлось одному из товарищей забрать тебя к себе.

Я прождала тебя всю ночь, а утром (после телефонных звонков в милицию, травматологию, морг) к поискам подключили Сенью. В обед пред нами предстало жалкое зрелище. Из соображения, что при посторонних будут меньше ругать, ты явился в сопровождении двух сокалассников: с помятым лицом, без жилетки, в чужих брюках. Такого сына я видела впервые.

Не в ту ли ночь началась трагедия?

* * *

Ты никому не показывал своих стихов, считая их несовершенными, и сердился, если об этом заходила речь: «Все этим переболели». Возможно, на тебя определенное влияние оказали уроки литературы, которыми ты восторгался, а может, генетически унаследовал способности моей тети Лизы — языковеда по специальности. Я никогда не срифмовала и двух строк.

В учительницу по литературе ты был по-детски влюблен. Спрашивал: «Надежда Васильевна, а у вас есть муж?» — «У меня, Виталий, есть не только муж, но и сын, и собака». Класс хохотал: «Сыркашев к Надежде Васильевне сватается». Когда она переехала в Ленинград, ты сказал: «Правильно сделала. Таким женщинам здесь не место, они должны украшать Ленинград».

Из твоих стихов остались те, что в свое

время попадались под руку, а позднее, переписанные, бережно сохранялись мною в тайне от тебя.

* * *

«Пробалдев», выражаясь твоими словами, летом на подготовительных курсах, в «мой» институт ты поступил. При его выборе руководствовался ближайшим расположением от дома и опять пренебрег тем, что имеешь больше наклонностей к гуманитарным предметам.

Мы ждали тебя с результатами о зачислении, когда по радио объявили, что в Новокузнецке сбит машиной юноша, и труп не опознан. Как я молила судьбу и всех богов, чтобы беда обошла тебя стороной! Только бы жил! Не нужно никаких зачислений! Поздно вечером ты привез справку о том, что стал студентом. У меня от счастья выросли крылья, но вскоре ты их подрезал...

Студент стал центром внимания семьи. Срочно покупалась новая одежда и необходимые предметы обихода для общежития. В субботу в неторопливом ожидании твоего приезда жарила, парила и пекла, стараясь приготовить повкуснее и побольше, чтобы и тебя угостить, и друзей тоже.

При очередной командировке решила совместить полезное с приятным: нагрузившись соленьем, вареньем, отправилась в студенческое общежитие. В коридоре стоял веселый пьяный гомон. Это неприятно поразило. Вот и твоя комната! На стук никто не ответил. Тихонько приоткрыла дверь — спит мой сыночек, видно, утомившись от занятий. И только после безуспешных попыток разбудить, с ужасом поняла, что ты мертвецки пьян.

Вместе с Новым годом пришло известие, которое я не чаяла пережить. Свое решение, чтобы не омрачать праздник, ты объявил третьего числа: сессию сдавать отказываешься. Смех сквозь слезы вызвало поздравление тети Лизы к твоему восемнадцатилетию: «Знаем: он не спит сейчас ночами — готовится к экзаменам. Потому

желаем быть внимательным, вдумчивым, прилежным и старательным».

Ты спал... Я не спала! И не в силах была осмыслить случившееся. Может, что-нибудь объяснят твои друзья? На мое письмо один из них, Витя, ответил: «Он парнишка умный, но безвольный, а там, где потребовалась воля, он ее не проявил. Слабохарактерен он очень. По-моему, его нужно держать в «ежовых рукавицах». Мне бы хотелось, чтобы Виталий учился со мной».

Обычно часто меняющий решения, быстро поддающийся уговорам, ты был упрям и непреклонен, когда вопрос касался «досрочного» окончания учения. Такое упрямство было достойно лучшего применения.

* * *

Следом пришла новая беда. Вечером ты пошел за хлебом и через несколько минут вернулся. Кровь лилась между пальцами, которыми ты прикрывал глаза. Я подумала, что ты упал в гололед и разбил очки, но ты сказал: «Один дурак ударил». От страха я не могла понять, цели глаз. Дрожа всем телом, прижимала к себе окровавленную голову: «Мальчик мой! Сыночек!» — «Мама! Ну, мама! Успокойся, мне не больно». Ты уже был мужчиной: умел терпеть боль и скрывать ее от других.

«Скорая» отвезла нас в травматологию, напрасно ты пытался избавиться от моего сопровождения. В отделении на нижнее веко наложили шов. «А парень в «сорочке» родился, — сказал знакомый врач. — Чудом глаз уцелел».

По нашему заявлению в ту же ночь задержали виновника происшествия. Им оказался твой ровесник — невысокий, но коренастый. А мне он представлялся матерым бандитом, способным убивать всех подряд. Поэтому и не выпустила отца, рвавшегося на «расправу». Ничего вразумительного этот парень не мог сказать в свое оправдание: был пьян, попросил за-

курить, потом денег и ударил, потому что не получил их.

— Виталий! Лучше бы ты выбросил ему эту несчастную трешку.

— Так ведь и штаны предложат снять.

Ты горевал: «Ну за что он меня ударил? Мне скоро в армию, хотел на танцы походить, а он изуродовал лицо». Драть-ся ты не умел... Потом нас стали осаж-дать с извинениями «оптом и в розницу»: виновник с друзьями, с родителями, род-ные без него или он без них. И ты про-стил его...

Перед днем рождения ты выглядел, по твоим словам, как «прирезанный и опа-ленный поросенок»: отекавшее и синее ли-цо с заплывшим глазом. Ни учебы, ни работы, ни друзей...

Виктор был самым чутким из твоих друзей. В детстве он переболел полиоми-елитом. Он передвигался с помощью кос-тылей, с силой выбрасывая вперед не-подвижные ноги. Очень не любил, чтобы его жалели, но первым спешил на помощь другим. Он-то и возглавил делегацию сту-дентов, прибывших поздравить тебя с восемнадцатилетием. Друзья привезли в подарок витязя со щитом и мечом, чтобы защищал тебя от «врагов».

Впервые на твоём празднике были гос-ти. После неудачной попытки отметить этот день с родней мы праздновали его в тесном семейном кругу, только в дет-стве приглашали соседских малышей. Итог этого вечера был радостным — общи-ми усилиями уговорили тебя вернуться в институт.

По совету Виктора необходимые фор-мальности я взяла на себя, ты бы с этим не справился: заверяла врачебные справ-ки, ходила в деканат. Сессию продлили до весны, допустив к занятиям. Облегче-но вздохнула: «Ну, сдала «Ваньку Жуко-ва» в учёные». Терзали сомнения — надол-го ли? Вскоре сомнения подтвердились...

В первый свой приезд ты был развесе-лый. Сообщил, что снял с себя запрет на сладкое, наложенный самим же, и что белишь общежитие. Во второй — был уже

грустным, сказал, что учиться там все-таки не хочешь. Сам не знал, кем хочешь стать... А вдруг никогда не найдешь лю-бимого дела!

Я советовала тебе закончить вуз, воз-можно, любовь к профессии придет во время работы. Если нет — переучишься заочно. Тебе предлагали помочь сделать чертежи.

В тот раз ты вернулся домой совсем, к тому же потерял паспорт. Про мои слезы сказал, что они от честолюбия: «Тебе нужно всем говорить, что твои дети ака-демики».

* * *

Началось воспитание трудом. Решили — чем труднее, тем лучше. В День космо-навтики ты стал помощником пилорам-щика. К возвращению с работы тебе бы-ла приготовлена ванна, гора пирожков и курица под белым соусом. Сразу с порога раздалось: «Мать, срочно иди в военко-мат — пусть «резко» берут в армию». На-деялся, что там будет легче... Ты так ус-тал, что не мог снять сапоги.

Посменная работа по шестидневке те-бя не устраивала: пропадали вечера и летние походы. Свободные дни зарабаты-вал, сдавая кровь. А к концу лета все-таки ушел сантехником на строительство теплиц за городом.

Зимой ты частенько после работы пред-ставлял собой «живописное явление»: бес-мысленное выражение лица с глупейшей улыбкой, из дырки в валенке торчит пор-тянка, портфель в «интеллигентных» ру-ках и полупальто, купленное для инсти-тута, заляпаны краской... На пусковом объекте бытовала порочная практика — за сверхурочную работу выплачивали на-личными, сюда же доставляли водку. Не раз мы жалели о прежней работе, ничего подобного там не было.

Как-то в поисках денег забрел к нам незнакомый рабочий и, увидев тебя, в восторге закричал: «Иваныч! Так это ты здесь живешь? А мы ведь так и не отдали тебе аванс!» Напрасно из-за моей спины

подавались знаки молчать. Рабочий сильней распалялся в пьяной откровенности: «Нет, я все скажу! Мамаша, мы пропили его аванс, а отдать никак не можем». Так вот в чем дело! А ты морочил мне голову: то не перечислили, то задержали выплату денег.

Никогда ты не похмелялся, никогда не пил вечерами — только на этой злосчастной работе. Появились в твоей речи и соответствующие поговорочки: «что-то руки стали зябнуть — не пора ли нам дерябнуть», «что-то стало холодать — не пора ли нам поддать», «что-то ветер дует в спину — по рублю и к магазину».

Больше всего меня угнетало, что сам ты не видел в этом беды: «Ну, покажи мне, кто сейчас не пьет! Я побегу на него посмотреть». Ты не сопротивлялся алкоголю, но организм выталкивал все принятое назад. Я бегала с тазиком, плакала и ругалась, грозилась пойти к начальству или выгнать тебя из дома. В ответ ты смеялся: «Тебя окружают алкоголики в быту и на производстве». Ты жалел меня, когда обижал пьяный отец. А теперь повторял его поступки... Только никогда ты не «вызверился» как он; был благодушным, пытался помогать, все ронял, обнимался, целовался и быстро засыпал.

Осенью ты активно и охотно готовился к призыву в армию, но подвело зрение. Это тебя очень огорчило, посылал меня похлопотать в военкомат. А к весне привык к работе и не рвался с прежней поспешностью в армию. Но было необходимо вырвать тебя из засасывающего «болота». Не находя другого выхода, через общих знакомых сообщила военному желание побыстрее распрощаться с тобой.

Весенняя призывная комиссия подобрала всех «дефектных», на этот раз не обошли и тебя. Снова, как и осенью, мы собирали рюкзак и фотографировались на память, но теперь я знала, что это не напрасно. Ты не знал и никогда не узнаешь, что ни одного спокойного дня от

проводов до возвращения не было. Казалось — что-то с тобой случится в армии, а виновницей тому — я...

* * *

С Первомайского торжественного вечера ты не вернулся. Не было тебя и после демонстрации — оставленная мною записка лежала на месте. И снова звонки в милицию и больницу... К проводам или похоронам готовиться? Появился во второй половине дня, отпраздновав Первомай. Я кричала, что ты «фашист», а сердце у тебя поросшее шерстью...

Получив расчет, ты зашел ко мне на работу и таким купеческим жестом осыпал деньгами. Велела «не мучиться дурью» и собрать их. Ты порывался нести меня на руках домой и закупить всем подарков. Но деньги нужны были на провода. Не хотелось в чем-то отказывать тебе на прощанье.

В эти вечера прорвалась тщательно скрываемая тоска по Саше. Ты плакал: «Мама, ведь я совсем один. Никогда не женюсь, возьму себе ребенка и воспитаю. Посиди со мной, мама». И мне вспомнились строки твоих стихов:

Быть может, слишком рано,
слишком рано
Мне говорить о тяжестих земных,
Моя душа — разбуженная рана —
Из неудач составлена сплошных.

Ты говорил, что ничего от жизни не хочешь. Я убеждала, что жить надо так, чтобы когда-нибудь и Саша пожалела, что не на тебе остановила свой выбор. Ты шел про дельфина и оплакивал его, а я — тебя...

Проводы отмечали в День Победы.

Первых гостей ты встречал сам. Немного захмелев, самый молодой и наивный Коля говорил: «Витек! Дикая люди тут живут — не едят и не пьют». Друзья незаметными тычками пытались прервать его красноречие и всячески скрывали доверенную тебе тайну: они сутки не ели. Молодежь пела и плясала на улице под

магнитофон, прыгая прямо из окна нашего первого этажа. Только я да Витя с грустью смотрели на это прощальное веселье...

Последнюю ночь просидела у твоего изголовья и смотрела на черную головушку, которой предстояло днем распрощаться с волосами. А после стрижки не узнала тебя: «Ребята, вы не из военкомата? Не видели там...» Меня прервал оглушительный хохот: «Вот здорово! Родная мать не узнала!».

К военкомату тебя провожали в основном девочки. Парни уже служили или уходили с тобой. Отец, при всех регалиях, был на удивление трезв. Фотоаппарат запечатлел последние минуты расставанья. Худенький, с остриженной головой на тоненькой длинной шее — ты был похож на птенчика, улетающего из родного гнезда.

Подали автобус. «Через две зимы, через две весны» — пели провожающие. До спазмов в горле усилием воли сдерживала рыданье. «Мне пора. Успокойся, мам», — говорил ты, отрывая меня от себя. Сунул живые гвоздики и последним вскочил в автобус. Опустела площадь, и опустошающая тишина омрачила ясный теплый весенний вечер.

Теперь мне нужно было запастись терпением на два года и ждать писем.

* * *

На конверте письма с дороги было написано: «Мой адрес — Советский Союз». Как я тосковала по тебе, сынок! Как волновалась за твою жизнь! Напрасно меня убеждали, что даже на больших учениях гибнет не более одного процента. Для меня мой сын — сто процентов!

Писал ты щедро — за годы службы более двухсот писем! Мы нуждались в таком общении и хорошо понимали друг друга, но едва не разругались вначале. С места ты сообщил, что при переходе из роты в роту растерял все вещи, собранные нами тщательно и с любовью. «Жратвы» не хватает, «молотишь» все подряд:

и капусту, и перловку, и лук. Задолжал деньги. Запросил телеграфом рублей двадцать пять. Деньги я выслала, но в письме посоветовала «протягивать ножки по одежке» и приспособливаться к солдатскому довольствию.

Ты дал подробный отчет расходов и написал, что с перепугу «подзагнул», действовал по принципу кладовщиков и снабженцев — проси в два раза больше: все равно «срежут». Сознал, что виноват, но просил таких резких писем не писать, в армии человек меняется очень быстро, и ты понял, что занимался дома не тем, чем нужно...

Служба началась с учебной части. Там тебе было выдано удостоверение классного специалиста Вооруженных Сил СССР и свидетельство с отличием об окончании школы комсомольского активиста.

Армия явно шла тебе на пользу. Ты писал, что понял: учиться надо обязательно, и не просто, а хорошо. Утверждал, что теперь никакая работа не страшна, все умеешь: мыть посуду, туалеты, полы, натирать и мasticить их; чистить картошку, копать ее, строить свинарник, шить, стирать, грузить зерно, заправлять кровать; чистить оружие, сапоги, дверные ручки и краны до зеркального блеска и еще многое другое.

Писал, что дисциплина строгая, а комзавода сказал: «Представители Средней Азии меня не волнуют, за украинцев и молдован не опасаясь, хотя они без вина за стол дома не садятся. А вот Кузбасс... пьяница на пьянице сидит и пьяницей погоняет».

Просил, чтобы не волновались «на счет выпивона» — все зависит от человека: не захочет пить — не будет, а захочет — вывези его хоть на необитаемый остров — все равно напьется. Перед армией на мой «воспитательный» рассказ о том, как солдат ходил в самоволку за водкой и разбил — поскользнулся в дождь, влезая в окно, ты ответил смехом: «Отсюда мораль — не ходи за водкой в дождик».

После окончания «учебки» предстоял

«микродембель» — отъезд для дальнейшего прохождения службы. Тебе хотелось на Восток или куда угодно, только не в пустыню. Направление получил в Закавказский военный округ.

Я беспокоилась, что сослуживцы, пользуясь мягкостью твоего характера, будут унижать твое человеческое достоинство. Но ты был на редкость коммуникабельным, писал, что тебе везет на хороших ребят. «Мне повезло» — было почти в каждом письме. «Везение» было небольшое и разное: то в хорошую погоду отстоял на посту, то посмотрел хороший фильм. И ни одной жалобы на тяготы армейской службы! О трудностях сообщалось с юмором: упал в краску — стал смывать разными растворителями, а форма стала серо-буро-малиновая». Ловишь «милого паучка» — фалангу и таранулов.

В утешении ты не нуждался, а нас утешал. Убеждал, что к трудностям человек привыкает. Наталье советовал не отчаиваться, что не поступила в институт, и не бояться работы: после заработанного собственными руками рубля учиться будешь — «пыль столбом».

Подбадривал и меня, снова обреченную на неподвижность: «Держи хвост морковкой. Мне тут не сладко, но я держусь жизнерадостно». Периодически присылал «фотоморду» и давал советы: взять напрокат телевизор и установить в палате, тело под гипсом чесать палочкой. Предлагал в знак солидарности «пострадать» — отказаться от сахара и масла. Не уставал повторять, что жизнь идет по синусоиде, и даже рисовал ее. Развлекал нас описанием встречи Нового года: елка была, как палка, телевизор работал без звука — детскую передачу смотрели под магнитофонную запись битлов. И каждый раз писал, что здоров: «ты болеешь, а я здоров, как бык», «я единственный, кто не лежал в санчасти», «я, как всегда, жив-здоров...»

Только планы твои менялись, как прежде, до бесконечности. В конце концов

ты остановил выбор на экономическом факультете и запросил учебники.

Чтобы отвлечь сосредоточенное на боли и беде внимание своих товарищей по несчастью, я читала вслух твои письма. Их слушали с интересом, только одна женщина плакала — год назад убили ее сына. Тогда, в своем счастливом эгоизме, я не понимала, что невольно причиняю ей лишнюю боль. И не знала, что меня ожидает такая же участь...

* * *

Операцию — замыкание тазобедренного сустава — мне делали в «смешной» день. Думала: «Не выживу — не поверят слухам сразу. Скажут: «Первое апреля». Во столько же лет умерла моя мама...»

Тебе, сынок, об операции не сообщила. Написала накануне письмо и мысленно попрощалась. Я просьбу твою не выполнила: если что-то серьезное — вызвать домой. Мне было бы тяжело видеть твоё страдание.

Летом меня перевезли долечиваться домой. Предстояло еще лежать в гипсе, а потом в третий раз за жизнь учиться ходить. Помочь мне в безвыходном положении поспешила Лиза — моя тетя и друг в одном лице, заменившая позднее маму. А военкомат ходатайствовал о предоставлении тебе отпуска.

В ожидании встречи было много волнений. Отправили телеграфом деньги на дорогу и ждали тебя самолетом. Ты ехал поездом со множеством пересадок. Благодаря солдатской смекалке добирался домой неделю, а без нее затратил бы еще больше времени. Спасибо, что дважды телеграфировал с дороги. Иначе мы, не догадываясь, что в разгар летнего сезона плохо с билетами, решили бы, что случилось несчастье.

Кто-то посвистал под окном. Выглянули: brave солдат, возмужал, распрямился и не сутулится, как раньше; грудь в значках, по-детски доволен ими. Уставший, запыленный, но счастливый. И мы были счастливы не меньше.

Ты был похож на молодого пса, сорвавшегося с цепи. Куда-то убегад, прибегад, бестолково топтался, шли к тебе, звонили. Поговорить толком некогда было. Рассказывал что-то о сослуживце, называя его Арой. Удивились такому имени. Оказалось — это прозвище, потому что он пел: «Если морда вся побита, значит, твой друзья бандиты. Арра!» А ты пел солдатские пародии. Но образ жизни вел абсолютно трезвый: то ли меня берег, то ли тети стеснялся.

Потом ты случайно встретился в электричке с Татьяной и пригласил ее в гости. С ней вы познакомились на проводах у соклассника и переписывались, но о том, что находишься в отпуске, в известность ее не поставил. Без тебя она бывала у нас. Она была совсем ребенком — эта тоненькая, застенчивая девчущка из профтехучилища (в больницу мне в письмах присылала рисунки зайчиков). На память об этой встрече осталась фотокарточка — единственная, где ты с девушкой.

Отпуск пролетел незаметно. Надежда, что военкомат его продлит, не оправдалась. Всякими правдами и неправдами удалось достать тебе билет на самолет, иначе ты мог опоздать в часть.

Хотелось лишний день провести вместе, но нужно было выполнять просьбу товарища-сослуживца — отвезти в Прокопьевск его родителям подарок — портрет. Нарядившись франтом и прихватив импортный портфель, ты уехал в Прокопьевск. Все сроки прошли, а тебя не было. Когда до вылета осталось менее суток, поняла — случилась беда...

Мы не узнали тебя, когда ты вошел. «Скажите спасибо, что живой», — сказала тетя Даша. Вы встретились в пути, и она уже знала, что из-за ремонта железной дороги и незнания расположения города, ты уехал в тупик. Там тебя и раздели до плавок, дав взамен старый черный трикотажный костюм. С короткой стрижкой ты был в нем похож на недавно освобожденного из тюрьмы. Я плакала и ощупыва-

ла тебя, все еще не веря, что жив: «Сынок, тебя не били?» — «Не спрашивай меня ни о чем. Мне неприятно». Позднее я все-таки узнала, что их было четверо, у них были ножи, раздевали тебя медленно и постепенно. Они пили «из горла» и заставляли тебя пить, вероятно, измывались и унижали... В гостях пришлось заночевать (спасибо портрет оставили) и взяты на обратную дорогу денег. Много раз после этого я просыпалась в слезах. Снился один и тот же сон: тебя раздевали, оскорбляли, угрожали...

Я настояла, чтобы отец поехал с тобой в аэропорт. Сама могла только из окна наблюдать, как увозит тебя автобус. Снова я осталась одна и уже не знала, как лучше уберечь тебя...

* * *

Весной мы ждали тебя из армии и готовились к Наташиной свадьбе. Невесте с женихом было по девятнадцать лет. Подготавливала отца, не подозревавшего, что скоро он станет дедушкой, к мысли, что свадьба неизбежна, оберегала Наташу от его гнева. Терпела раздражительность и слезы твоей беременной сестры. Пережила и страх знакомства с будущими родственниками.

Ты просил держать тебя в курсе всех событий и жалел меня. Писал, что имеешь желание всыпать солдатским ремнем дорогой сестренке. Удивлялся, куда они так торопятся. Предлагал тратить на свадьбу деньги, предназначенные тебе на одежду, хотя был «гол как сокол» — из всего вырос. Снимал «вето» на свадьбу в свое отсутствие: «Я не деспот».

Снова изменились твои планы, уже собирался не учиться, а работать, чтобы облегчить нам материальное положение. Жить хотел только дома, а молодым рекомендовал устраиваться отдельно. Обещал приложить все усилия, чтобы к свадьбе «дембельнуться», и писал: «Дембель неизбежен, как крах мирового империализма». Но появиться дома желал инкогнито, как делают все.

Шир
волне
разгар
ный с
ским
ногу и

Ден
солнеч
мечал
ночно
отец у
парад
скорее
Остала
шала
отчита
не раз
С нед
Ты ст
цугови
сияла
совала
явь эт

Рад
Оказа
кое вр
ске, с
общен
те, кт
на стр
Среди
катего
брать
как б

Мы
ражал
и пом
когда
сти дл
ра. Ж
учили
лись. Т
селить
В эт
С ули
и куда
«дембе

Шился свадебный наряд. Хлопоты и волнения, связанные со свадьбой, были в разгаре, но состоится ли она в назначенный срок — было неизвестно. Перед майским праздником будущий зять разрубил ногу и лежал в травматологии.

День Победы был таким же ярким и солнечным, как два года назад, когда отмечались твои проводы. Наталья после ночной смены повезла жениху передачу, отец ушел на парад. А мне надоело после парада разыскивать его и быть похожей скорее на вдову, чем на жену ветерана. Осталась дома готовить пельмени. Услышала свист под окном и приготовилась отчитать отца, разыгравшего меня уже не раз таким образом. Свист повторился. С недовольным видом выглянула в окно. Ты стоял и улыбался: сияло твое лицо, пуговицы и значки на парадном мундире, сияла природа. Тысячу раз в мыслях рисовала нашу встречу и не могла понять: явь это или счастливый сон.

* * *

Радость встречи была быстротечной. Оказалось, домой ты приехал на короткое время. До этого уже побывал в Москве, сдал документы и получил место в общежитии. Первыми уходили в запас те, кто по комсомольским путевкам ехал на строительство олимпийских объектов. Среди них был и ты. Но в случае нашего категорического возражения обещал забрать документы и вернуться домой. Вот как быстро менялись твои решения!

Мы, наученные горьким опытом, не возражали — сам должен сделать выбор. Да и поменять столицу на наш городок никогда не поздно. Там больше возможности для учебы, для расширения кругозора. Жить в разлуке с тобой мы уже научились, а с Наташей еще не расставались. Твой отъезд давал возможность поселиться молодым у нас.

В эти дни солдаты возвращались домой. С улицы доносилось: «Тополя, тополя», и куда ни взгляни в эти майские дни — «дембеля, дембеля». Начались встречи с

друзьями и — кутеж. Как-то ты проснулся ночью и удивился: «Почему ты так рано встала?» — «А ты не догадался спросить, ложилась ли я?» Посыпались упрёки, и в отчаянии вырвалось: «Чем иметь такого сына — лучше бы вовсе не было!..» Ты сидел понурившись, с опущенной головой. Вдруг поднял ее, посмотрел грустным понимающим взглядом и улыбнулся: «А ведь плакать будешь». — «Буду, конечно. А разве я сейчас не плачу?..»

Больше ты не пил, отвечал собутыльникам: «Я за «рулем».

* * *

Ты говорил и смеялся, что в подготовке к свадьбе выполняешь роль «диспетчера-экспедитора». Жених выписался из больницы за неделю, ходил на перевязку и физической работой заниматься не мог. А я еще с трудом передвигалась. Ты возмущался, что молодые слишком пассивны, но, заглянув в комнату, где они сидели обнявшись, говорил: «Сидят, как два голубка! Хрен с ними! Сами будем все делать». Крутил тесто на мясорубке и помогал мне готовить печенье.

Свадьба удалась на славу. Накануне мела метель и цветущие ветки черемухи стибались под тяжестью снега. А день свадьбы был ясно-прозрачным с изумрудной зеленью, будто умытой накануне. Дом жениха стоял на берегу Томи, и поскольку эта свадьба «пела и плясала» на улице — погода имела немаловажное значение.

Я волновалась, что из-за свадьбы ты задержишься дома. Меня успокаивал приехавший в гости делегат от студентов — Витя: «Не волнуйтесь. Москву построят и без него, но свой камень в строительство он непременно вложит».

* * *

После веселого события стали готовиться к грустному. Свадьба «съела» все денежные запасы и отправляла тебя в Москву налегке. Купили только самое необ-

ходимое на лето, выдали денег на дорогу и на жительство до зарплаты.

Ты имел необыкновенную способность тратить деньги. Перед демобилизацией тебе выслали деньги на покупку вещей. Ты собирался что-нибудь купить и выслать. Как всегда, решение изменилось: нужно купить чемодан, с каким не стыдно проехать по Союзу. Привез старенький чемодан со сломанной молнией, купленный с рук. В нем лежало полотенце, майка, туфли, альбом, один апельсин для нас с Наташей (остальными угощал попутчиков) и пачка сигарет для зятя, кстати, некурящего. Вот и все покупки на сотню рублей! Красивую рубашку мы так и не увидели, отдал кому-то в общежитии: «Человеку нечего надеть!» Были истрачены и деньги на покупку билета на самолет. Еще ты пообещал выслать назад военную парадную форму, оставив на память только фуражку. Свободное место в ящике заполнили гостинцами...

Перед отъездом ты загрустил. Пел песни из кинофильма «Бумбараш»: «Вот и прыгнул конь буланый с этой кручи окайной» и: «Все молила матушка — целовала крест, выпала сыночку дальняя дорога, дальняя дорога — бубновый интерес».

Теплым июньским вечером тебя пришли проводить друзья. Их стало больше, чем до армии, многие были уже семейными. Опять я оставалась наедине с волнениями: как ты освоишься в чужом большом городе? Ты ведь не очень расторопный, а там такое движение! Тебе предстояло жить самостоятельно: ни родительской, ни армейской опеки. Чем ты будешь заниматься на досуге в Москве?

* * *

«Привет из Москвы» — была первая телеграмма. Письма приходили реже, чем из армии. Я волновалась. Сослуживцы успокаивали: «О чем можно писать каждые десять дней?» Постепенно и я привыкла к долготерпению.

Ты работал в комплексной бригаде на

строительстве «скотобазы», а не олимпийского объекта. Там и приобрел специальности: бетонщика, такелажника на монтаже, стропальщика, изолировщика. О вашей комсомольско-молодежной стройке в деревне Беляниново писали в «Правде».

Свободного времени не было: два часа пути до работы, столько же назад, вечерами — подготовительные курсы. После долгих метаний остановился на статистическо-экономическом институте. Старался успеть на концерты, встречи с артистами, в цирк, на стадионы, на танцы; выезжал на экскурсии в другие города.

Сообщал, что живешь с непьющими, сам употребляешь только по праздникам. Поскольку вина дорогие и шикарные, без штанов можно остаться. И на день рождения был как стеклышко — в кафе «Печора» выпили вдвоем бутылку марочного вина.

При холостяцком быте и неспособности правильно расходовать деньги ты не мог сделать хоть какие-то серьезные покупки. Мы высылали тебе деньги и на костюм, и на осеннюю, и на зимнюю одежду. Ты искал дефицитные вещи, а деньги за это время расходовались. И в результате их хватило только на «гибридную форму», подходящую к любому холодному сезону.

Потом часть вещей вместе с зарплатой у тебя украли. Просил меня по секрету выслать «взаимы на неопределенный срок» немного денег, очень стесняюсь, что не можешь себя обеспечить. Что делать? Ты был «бедоносец», как и я. Мы не умели жить без «приключений»: что-то теряли, нас обворовывали, и тому подобное...

Ты писал, что жизнью в Москве доволен. И только через год сообщил, что было желание сразу «рвануть» домой, но решил перед трудностями не отступать: «Обратной дороги нет!».

В случае неудач духом не падал. Письма все чаще заменялись телефонными разговорами. Ты звонил не реже одного раза в месяц, во второй половине ночи. В

темноте на ощупь хватала трубку и с замиранием сердца ждала: «Ответьте, Москва». Я заказывала переговоры в кредит в часы дежурства твоих подружек. Говорили — сколько хотели, они не прерывали. А московскую телефонистку волновали твои паузы: «Товарищ, товарищ! Почему молчите? Говорите!». Больше говорила я, а ты обычно интересовался общими знакомыми и погодой, известной из телепередач. Но мне достаточно было услышать твой голос — по нему безошибочно определяла: бодр ты или чем-то угнетен, уставший или отдохнувший. Разговор о женитьбе превратился в традиционный: «Как там насчет «бубнового» интереса?» — «Есть и бубновый, и крестовый, но все не то...»

— Ты не женился еще?

— Тут себя бы прокормить, не только семью. Да и сибирячки лучше москвичек.

— Заржавеют сережки в моих ушах, которые собираюсь снохе подарить.

— Пофorsi пока сама. Не заржавеют — они золотые.

Наше желание — быстрее дожидаться потомства — исполнила Наталья: подарила нам в ноябре внука — голубоглазого, «беленького котика». И это крошечное существо стало сразу безмерно любимым. Но ежедневные поездки в роддом приводили меня в уныние — у нашей дочери был неиссякаемый поток слез по разным поводам: то нет молока, то сын не берет грудь, то давали знать о себе больные почки. При маленьком росте и весе в свои девятнадцать лет она, скорее, напоминала ребенка, чем молодую маму. Жалея ее, убеждала запастись терпением на долгие годы — слезы лить приходится, имея и уже взрослых детей.

Мой внук оказался ленивым от рождения и приспособился вместо груди сосать бутылку с соской. По моему настоянию по сменам передавали: «Титова не кормить!» И, проголодавшись, он через неделю взял грудь. Не успели мы нарадоваться одержанной победой — ребенок

посинел. Отменили кормления, давали кислород, подозревали врожденный порок сердца. Наташа рыдала. К счастью, диагноз не подтвердился.

Вечером я ждала переговоров с тобой и звонка из роддома. Выживет ли мой внук? И что будет с Наташей, если его не станет? Ты на переговоры не пришел... Ночью «по тревоге» подняла Москву: позвонила родственникам отца, послала срочные телеграммы тебе и коменданту общежития. У тебя часто разбивались очки, а при бурном столичном движении с плохим зрением далеко ли до беды? Может, ты пропал, а тебя никто не ищет? Впереди были два выходных дня. Ждала, не выходя из дома, не смыкая глаз. Чем дольше не было ответа, тем больше росла и угнетала уверенность, что случилось что-то ужасное. Нужно было беречь силы, в трудные минуты отец не помощник — запил бы с горя. Мысленно представляла, вся холодея, что, возможно, придется лететь за урной с твоим прахом.

И только вечером в воскресенье принесли срочную телеграмму. Трясущимися руками разорвала бланк, прочла: «Все порядке позвоню понедельник Виталий». Сдерживаться дальше сил не было — зажимала руками рот, чтобы соседи не слышали моей истерики...

Оказалось: ты был у друга на свадьбе в Щёлкове и вызова на переговоры не получил. Просил в выходные переговоры не заказывать и к коменданту не обращаться. «Она тебя ругала?» — «Била». — «Правильно делала, значит, она тоже мать».

Больше я никогда не заказывала переговоры.

* * *

Первый отпуск долго откладывался до «большой» зарплаты. Поняли, что это нереально, и выслали деньги на самолет. Ты прилетел в августе с игрушками и вещичками для Артемки, «заморскими» винами и различной снедью для нас. Взяла отпуск и я, чтобы насмотреться на тебя.

Готовить твои любимые блюда для меня тоже было удовольствием, но вскоре ты начал жаловаться, что можешь умереть от «обжорства». Говорил, что дома хорошо, но постоянно так жить — «околеешь от скуки».

Твой отпуск никаких огорчений не принес. Чаще всего ты играл с Артемкой, называя его то Игнашкой, то Антипкой. Я сердилась: «Называй своего так!» — «И назову! Ну и имечко нашли! А жалко его, подлеца, когда плачет» (почему-то «подлец» у тебя означало высокую степень похвалы). Пел ему несурзные песенки с навязчивым мотивчиком из «фольклора общаги». Хоть с ворчанием, но выполнил мою просьбу — с Наташей свозили его в другой город сфотографировать на цветную фотопленку: «Только мать может придумать такого маленького так далеко везти».

Несколько раз вы с зятем удачно рыбачили, потом сушили и вялили рыбу для московских друзей. К моему дню рождения поймали большущего тайменя — я сделала пирог. Уже три года ты не был с нами в этот день. Я была так счастлива, что думалось: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!» Это мгновенье ты многократно запечатлел на фотокарточках в различных вариантах.

Беспокоило твое будущее. «Виталий! Ты собираешься учиться?» — «Обязательно!» — «И когда это будет, время же идет». В ответ слышала пение: «Не надо печалиться — вся жизнь впереди... надейся и жди». — «Ох, Виталий, ты допоеешься!»

А ведь тебе, сын, нужно было спешить, как никому другому, — слишком короткой оказалась жизнь! Ты останешься молодым, но ничего не успеешь изменить в своей судьбе...

В личной жизни тебе по-прежнему не везло. В Москве на свидания приходила женщина, у которой был сын, называла тебя «милым мальчиком» и скрывала, что у ребенка есть отец, с которым она не собирается расставаться. Позднее ты подарил мне духи «Милой женщине». Вспом-

нила сейчас, как ты однажды сказал, что от той московской пахло такими же, и не удержалась, спросила: «Это в память о ней?» Это бросил: «От нее хозяйственным мылом пахло!» Обида не проходила...

В противоположность мне, ты так и не научился выполнять свои обещания, хотя не стал и давать их с прежней легкомысленностью.

С рождением Артемки стал «грозиться» прислать ему подарок: то узнавал его «размеры», то писал, что «дуб» в этом деле и не знаешь, что кушать; то уже «что-то» кушил, но некогда выслать; то из купленного что-то украли, а то съели в голодный период... Не купил и моему брату обещанные кроссовки: то не тот размер, то не тот цвет, то нет денег. Тебя так и запомнили: «Тот, что обещал кроссовки». И в гости к родственникам не съездил, несмотря на приглашение, мои уговоры и якобы собственное желание. А жил от них сравнительно близко.

Отпуск пролетел стремительно. Из дома до электрички тебя провожали Титовы. Я осталась с Артемкой. Смотрела на оставленные розы, прижимала к груди, поливая слезами, олимпийского мишку — твой подарок в день рождения... Снова ожидания до следующего отпуска...

* * *

Ты мечтал — в олимпийский год непременно станешь студентом. Но и на сей раз «твои» планы потерпели фиаско. С приближением решающего момента ты, как всегда, терял уверенность — откладывал поступление. Объяснял, что по сравнению с молодыми москвичами знаний маловато, поэтому твердо решил идти на рабфак. В свое время пренебрег моим советом — взять направление до демобилизации. Легкомысленно поверил обещанию, что его тебе вышлют позднее. На запрос никто не ответил, и на работе направления не дали, пояснив, что лимитная прописка дана для обеспечения стройки рабочими руками, а не Москвы студентами. В институте же обещали зачис-

...и, что
и не
ть о
нным
...
и не
хотя
омыс-

лить только при наличии направления. Ты превзошел сам себя — добрался до высокого начальства. Направление согласились дать в строительный институт. Отказался... Мы ругали тебя при встрече: «Надо было поступать на экономический факультет строительного института».

Опять несбывшаяся надежда привела тебя в состояние депрессии. Потом планы снова замелькали, как в калейдоскопе: собирался «плюнуть на все» и вернуться домой, а перед Олимпиадой, когда город «очищали от неблагонадежных», прописался еще на два года.

Ты уже работал изолировщиком мягкой кровли на строительстве универмага у Казанского вокзала. Был доволен хорошим обзором и близостью объекта от жилья.

И мы невесело встречали олимпийский год: отец лежал в больнице (кровоизлияние в мозг). Три недели я круглосуточно дежурила у его постели и в любую минуту могла стать вдовой. Растерянным голосом ты спрашивал по телефону: «Что делать?» — «Жди! Пока работай, в случае чего — вызову, прилетишь». Отец выжил. Но домой вернулся через три месяца глубоким инвалидом. Он, опираясь на трость, едва добирался до стола и туалета, говорил с трудом и невнятно, многие вещи называл не своими именами.

Титовы встречали олимпийский год новосельем, зятю дали однокомнатную квартиру. Мы прожили вместе весело и дружно более полутора лет. Материальные издержки с лихвой компенсировались радостью общения с детьми и внуком. После веселой перенаселенности острее ощущалось одиночество, но мою просьбу — отложить переезд до возвращения домой отца — они отклонили. Их уход был как удар ножа в спину. Я ушла на больничный и опасалась за свой рассудок. Поздно вечером возвращалась от отца в пустую квартиру и ложилась в постель. Не было ни сил, ни желания покупать и готовить себе пищу. Предложила тебе по-

думать о возвращении домой, взвесив все «за» и «против».

Мы — два человека — нуждались в твоей физической помощи и в моральной поддержке.

А пока, как могли, поддерживали друг друга издали. Чаще, чем прежде, посылали тебе деньги, чтобы смог увидеть побольше олимпийских игр, ты звонил, делился впечатлениями, присылал корешки олимпийских билетов.

В конце сентября у тебя появилась племянница, весом чуть больше килограмма. Глубокая недоношенность, малый вес и почти никакой надежды на жизнь... Снова ежедневные поездки в роддом. Наташа плакала меньше, чем после рождения сына. Но отрешенный взгляд пугал больше слез. В нем застыл вопрос, который она боялась произнести вслух: «Будет ли жить девочка?» В постоянной тревоге о дочке и внучке я разрывалась между работой, больным мужем, Артемкой, который был в пульмонологическом санатории и роддомом.

По телефону ты удивился столь раннему появлению племянницы, добавил: «Ну живут же и маленькие люди. Вы там старайтесь». Старались! И Настенька всем смертям назло выжила. А мы стали ждать тебя в очередной отпуск.

* * *

Отпуск, как обычно, откладывался. Чтобы сократить время ожидания, выслали деньги на самолет. В день прилета ждали тебя до ночи. Раздался телефонный звонок: «Ответьте Москве!» Случилось что-нибудь? Авиакатастрофа, в которой погибла футбольная команда «Пахтакор», произошла в день твоего прошлого полета... Ты звонил из Домодедова, задерживали рейс. Обещал через сутки быть дома и просил встречать сибирскими пельменями, московских не признавал. Говорил, что в Сибири за такие «набили бы морду».

На следующий вечер сразу после моего возвращения с работы весело затрезвонил

дверной звонок. Так звонил только ты. Лохматый, обросший, будто не из Москвы, а из тайги, и от этого еще крупнее, больше, веселый, обнял меня, поднял на руки: «А где пельмени? Думал — открою дверь, а мне с порога кинут миску». Они были готовы, только не сварены. Вызвала по телефону зятя с Артемкой — Наташа лежала с Настенькой в больнице.

Когда гости собрались домой, ты стал готовить себе ванну. Предыдущую ночь провел в аэропорту. А я, совершенно напрасно, настояла, чтобы ты их проводил. Ждала тебя до полуночи и отправилась на розыски. Оказалось, что «радушный» хозяин крепко накачал тебя. И ты спал непробудным сном. Домой пришел утром. Отугала и пошла на работу. В обед отец сказал, что вы с зятем ушли подстригаться. Вечером застала такую картину: ты и зять спали на кроватях одетые и грязные, отец плакал, пол и даже панели были в грязи. А мне предстояло тащить на себе Артемку из яслей.

Утром сказала, что такого отпуска не выношу. В ответ спросил: «Переночевать можно?» — «Не разыгрывай из себя оскорбленного! Прежде всего приведи в порядок квартиру. Готовилась, как к встрече главы правительства, а через день стало, как в свинарнике». Больше ты не пил. Мы зажили мирно и хорошо. Отпуск оказался длинным, добавились дни за дежурство в народной дружине и донорские. Ты, по моей просьбе, закупал впрок продукты, стиральные порошки, мыл полы, стирал, чистил палас, колот для Натальи грецкие орехи, каждый день сопровождал меня к ней в больницу, потому что был гололед. Отец до болезни был моими ногами, особенно после операции. Пожив с нами, ты убедился, как нелегко мне, передвигаясь с тростью, нести все физические нагрузки и сказал: «Чувствую, что мне нужно возвращаться домой». После ухода Титовых мы уже немного опомнились и приспособились к одинокому существованию. Тебе предоставили право выбора: «Не хотим «заедать» твою жизнь.

Подумай хорошо, чтобы не жалел. Мы еще двигаемся пока. Когда станем совсем беспомощными — возвращение станет неизбежным». Твое решение было твердым, ты жалел меня.

Ты уезжал за неделю до нашей серебряной свадьбы. Титовы пришли на прощальный ужин и остались ночевать. Как обычно, внезапно у тебя созрел новый план: сдать билет и остаться на юбилей. Я не могла позволить, чтобы ради нас ты опоздал на работу.

Утром проводил Наташу с Настей и не возвращался. Воспоминание об армейском отпуске вселяло страх. Уже обед... Нужно искать! Ты шел навстречу, просто засиделся на прощанье у сестры. Уезжал вечером, запретив провожать.

Прощаясь, я плакала: «Одна я снова, сынок, остаюсь». — «Ну, мама, это же ненадолго! Я скоро вернусь совсем». Ох, совсем...

* * *

После твоего отъезда заболел Артемка, следом и мы с отцом. И серебряная свадьба была совсем не такой, как представлялась. «Жених» с «невестой» в этот день температурили, но я решила: хоть камни с неба — это событие отметить, потому что мы уже живем и дышим, «как в последний раз».

Готовилась к встрече гостей и слушала, как по радио читали поэму Симонова «Иван да Марья». Мы, по сравнению с теми юбилеями, которые в этот день стояли у свежей могилы сына, были счастливы. Дети живы, хоть «с неба звезд не хватают», но честно работают и честно живут. Смирились уже и с тем, что не закончили специальных учебных заведений, и с Натальиным замужеством. Все беды были или проходящими, или такими, с которыми можно было мириться. Жить еще можно!

Не было за столом шуток и песен. Заранее предупредила, чтобы не вздумали кричать «Горько!» И так не сладко... «Празднуете?» — немного с завистью

спросил ты по телефону. Ничего завидного не было, и очень не хватало тебя. Но ты жил, звонил и не забывал нас поздравить. И на том судьбе спасибо.

* * *

«Мне нужно отсюда уезжать, пока цел. В последнее время вокруг меня слишком много несчастных случаев», — сказал ты по телефону. В один из разговоров поведал: на объекте был пожар, выбивали стекла, чтобы спастись. В другой раз: взорвалась бочка с битумом, обожгло лицо другу, который собирался прикурить. Ты его сопровождал в институт Склифосовского и сообщил о несчастье жене. Парень выжил, но остался с обезображенным лицом. На его месте мог оказаться ты... Звонил, как никогда, часто, но голос звучал не бодро. «Что с тобой? Жалко Москву?» — «Нет. Просто устал, заматался».

В вагоне ты спал головой к окну и протыл. Попутчики пытались оказать помощь от зубной боли, каждый на свой лад: кто-то нес лекарство, а кто-то молитву. Ты не верил ни в бога, ни в черта. Со смехом рассказывал, что соседи по вагону собирались написать мне благодарность — хорошего сына вырастила. Ответил: «Мать скажет, что угостил алкоголиков и подговорил. Не поверит».

Тебя мы встречали в середине февраля. Вместе с Титовыми отметили возвращение «блудного сына». Ты был невеселым, объяснял свое настроение зубной болью. Сказал, что из Москвы уезжал спокойно, а перед Новокузнецком заняло сердце: «Надо бы собаку завести. Наш городок не Москва, убьют, и никто не узнает. Хотя собака сообщит». Может, это было предчувствием неизбежной беды? Еще ты сказал, что отвык жить дома и если не привыкнешь — уедешь на БАМ или дальше: «Ты пойми меня правильно, мама. Не могу я на месте сидеть».

На сей раз торопился устроиться на работу, но твердого плана не имел. Хотел вернуться туда, где работал до армии. Но

я с содроганием вспомнила, что там ты начал пить. Рядом с нашим домом завод. Близко и удобно. Да и дисциплина, по моему мнению, на заводе должна быть лучше, чем на прежней.

Послушался моего совета — устроился на погребель...

* * *

На оформление ушло недели две. Титовы щедро снабдили тебя зимней «робой», и после женского праздника ты приступил к работе слесарем-сборщиком в цехе металлоформ. Начал с первого разряда, специальности менял часто — выше третьего не работал. Завод тебе не понравился сразу. И как-то утром весело сообщил мне по телефону на работу: «Мать, а я уже травмировался!» — «Где ты? Бегу!» В травматделении удалили ноготь на левой руке. Могло быть хуже, но успел отдернуть руку. Брезентовая рукавица осталась между листами металла.

— Я теперь боюсь там работать: еще обвалится железо на голову.

— А я постоянно буду бояться за тебя. И так пострадал, устроившись по моему совету. Лучше уходи.

— Неудобно. Хотя до отпуска надо доработать.

А позднее привык и не собирался менять работу.

В мае принес четыреста рублей. Поразила: «Получил столько?» — «Конечно. Не украл же!» — ответил гордо. Позднее признался, что не только никогда не получал таких денег, но и в руках не держал. Это начислили зарплату и за больничный. Пошутил: «Видишь, как выгодно я травмировался».

Посоветовала застраховаться.

«Мать, на тысячу рублей застраховался!» — «С ума сошел!» — «Да уговорили». — «Ну, ладно. Деньги всегда нужны: может, на туристическую путевку, может, на мебель. Поди, к той поре женишься». — «А если «гикнусь» — тысячу получишь. На тебя застраховался». — Типун тебе на язык! Я на тебя застрахована, и ведь не

«гикаюсь»! Если бы ты мог шутить и после смерти, сказал бы: «Видишь, как я выгодно погиб». Твою страховую сумму обмыла горькими слезами, не смея ни прикоснуться к ней, ни тратить. Она пойдет на похороны тому, кто из нас первый поспешит вслед за тобой.

* * *

К совместной жизни мы привыкали трудно. За пять лет у каждого сложились свои привычки. Мы за последнее время привыкли к тишине и покою, ты — к ночному бодрствованию. Я не могла есть одна, ты отвык от семейных обедов. Вначале часто ел «в гордом одиночестве», но со временем, садясь за стол, уже не забывал спросить, не составим ли мы тебе компанию.

Титовы еще не отвыкли от совместной с нами жизни, часто и охотно у нас ночевали. Тебе стелили на полу между нашими кроватями. Отец говорил, что не может уснуть при свете: ты смотрел телепередачи или читал. Уходил в ванную с книгой, отец стучал туда, справляясь: не утонул ли. Отвечал: «Ну, нигде от вас нет покоя, в пору в туалете с книгой закрываться». Мне было неловко, что ты в родном доме испытываешь неудобства, заступалась: «Почему он должен утонуть? Не пьяный же! Что тебе от него надо? Дома, читает».

Всем, кроме меня, особенно зятю, ты ни в чем не отказывал. Я убирала верх, ты мыл пол. Появлялся зять и куда-нибудь звал тебя; на огород, на рыбалку, за грибами. Все бросал: «Мама, убирай. Я домою, когда вернусь». Ты в махровом халате с книгой в руках лежал на диване после ванны. Мне обещал, отдохнув, сходить в магазин. Раздавался клич зятя: «Бич, хватит валяться, пошли». И ты шел. Напрасно я возмущалась: «Не тону же продуктов нам надо! Костя подождет бы, ты быстро ходишь». Мы жили по расписанию «князя» Титова. Мне ты обычно отвечал: «Потом». То книга интересная, то передача, и часто «потом» уже поздно

было что-то делать. «Не нужно. Сама сделай». — «Ведь знаешь, что не дам тебе делать, поэтому так и говоришь». Бледнел, злился и делал. Если сомневалась, сумеешь ли, с гордостью отвечал: «Забыла, что твой сын служил в армии».

Иногда мы ссорились потому, что ты помогал не с той поспешностью, как в отпуске. «Виталий! Ты вернулся домой, чтобы помогать. А где твоя помощь?» — «Вот, ты уже возвращением упрекаешь».

После твоей гибели, куда ни глянешь, — все сделано твоими руками: забиты щели на подоконниках, замазаны плитуса, покрашено, побелено, заменен телефонный аппарат, выкопан и посажен огород, закуплены впрок продукты... И долго я еще со слезами мыла окна и носила белье в прачечную — раньше все делал ты. Поистине, что имеем — не храним...

* * *

Ни гулящим, ни пьющим тебя нельзя было назвать. А финал — самый печальный...

Последнюю свадьбу ты отгулял в марте у Костиной сестры Марины. Вечером Наташа по телефону сообщила, что все остаются ночевать в бане. А во время нашего разговора вошел ты: трезвый и без пальто. Сказал, что ночевать не захотел и беспокоить никого не стал — верхняя одежда была в доме. Приехал на такси раздетый. На второй день и вовсе не пошел.

Когда ты пришел из армии, Марине было пятнадцать лет, а на вид все двадцать. На Наташиной свадьбе парни заглядывались на нее. Ты сказал: «Был бы моложе или она старше, — может, женился бы». Но в следующем отпуске не обращал на нее внимания, хотя она писала в Москву, пыталась встретиться.

За гробом Марина шла рядом со мной, и чужие люди принимали ее за твою невесту...

* * *

С рождением внучки я стала ужасно худеть. Соседи говорили: «Как иголку

проглотила». Весной начались приступы рвоты — обострились хронические желудочно-кишечные заболевания. Врачи настаивали на обследовании. В то время еще можно было позволить себе такую роскошь — лечь в стационар, оставив на тебя отца.

Ты посещал меня ежедневно. Говорил, что передачу не принес, и спрашивал, что надо мне. А на прощанье всегда целовал меня.

Только накануне субботника никто не пришел. Ночь проплакала, а утром отпросилась домой. Дверь мне открыл ты: «О, а я к тебе собираюсь!» Оказывается, работал в две смены в счет субботника, а Наташа опоздала, от двух детей не просто вырваться. Зря я обижалась!

* * *

Витя говорил, что ты родился не в свое время: тебе бы надо жить при коммунизме. Ты был «бессребреник», сынок. Бывало, поблагодаришь за полученные деньги, а следом сообщишь, что они срочно понадобились сослуживцу, получившему из дома телеграмму. Отправим тебе посылку и вместе с благодарностью прочтем, что записную книжку уже подарил хорошему человеку, а духи нужны жене товарища, у которого ты что-то брал на прокат.

Ты угощал и кормил знакомых и незнакомых. Во время манифестации, посвященной 60-летию ВЛКСМ, встречаемых девушек угощал дорогими конфетами. «Виталька, ну как не жалко денег? Девушки-то незнакомые!» — «Мне не жалко».

На прощанье в Москве друзья подарили тебе будильник с музыкальным звонком. Отказался — тяжело везти.

«Нет, Виталий, ты человек не от мира сего! Не на себе же нести? В Москве провожали, ехал без пересадки. Тебе не нужен — подарил бы мне». — «К отпуску мне приготовят другой подарок».

Ты никогда не копил и не жалел денег, всю зарплату отдавал мне. После

смерти в карманах нашлись две медные копейки. Почему-то любил пересчитывать деньги в день полочки. Посчитаешь мои и скажешь: «Ого, сколько! Мне бы столько получать! А ты как Гобсек — на деньгах сидишь и плачешь, что их нет». Взмолюсь: «На каких деньгах? Была завещанная тебе на свадьбу тысяча, да пыталась скопить для нас «смертные». Шутила: «Двоим умирать нельзя — «смертных» денег хватает только одному». Не предполагала, что этот «один» будешь ты... Будто предчувствуя, что свадьбы никогда не будет, всегда настаивал: «Если нужно — трать жениховские. Поедешь в Новокузнецк, купи себе приличные сапоги!» — «Да кто же мне их приготовил, сынок? Если можно было бы купить, я давно бы в них ходила».

Тетя Даша исполнила твоё желание уже после твоей гибели, купила мне сапоги, отстояв большую очередь.

* * *

Ты и зять — полная противоположность. Он при желании может выполнить любую работу быстро, ловко, аккуратно: все в руках горит. На деньги скуповат, умеет купить и продать. Запасает впрок. Разбирается в качестве вещей и фасонов, чаще говорит: «Не то». О еде, в лучшем случае, скажет «нормально». Наташа — исполнительница его воли во всем. Многие он не считает ни горем, ни бедой, как все здоровые, не страдавшие люди. Несчастья его раздражают.

И в силу своего характера, и внешне зять казался старше тебя. Голову, увенчанную копной темно-русых кудрей, он носит с уважением к себе, высоко поднятой, спина прямая. На мир взирает свысока — этаким «аглицкий лорд»! Подарки берет, будто делает великое одолжение. Закон его жизни: «Я хочу». А для достижения цели все средства хороши.

Пить с зятем тебе было противопоказано: у него «ни в одном глазу», а ты уже просишь: «Бросьте какую-нибудь тряпку — я посплю». Ты всегда возмущался:

«Меня ругаешь, а с ним сюсюкаешь». — «У него без меня воспитателей хватит: мать, жена. Ты мой сын. Мне нужно, чтобы ты не только был, но был хороший». Ты, в противоположность зятю, никогда не похмелялся. Останется что-нибудь — позднее выльешь. Капустный рассол выцеживал досуха: «Ну почему не продают капустный рассол? Вкусно и дешево». Из алкогольных напитков предпочитал пиво, называя его нежно: «Пивка бы с цветочками!» Когда зять приходил пьяный, ты старался исчезнуть из дома под любым предлогом. Но если вы все-таки пили вместе, он честно доводил тебя до дому.

Надо мной вы подтрунивали: «Тебе бы, мать, только по телевизору с антиалкогольной пропагандой выступать. Вот где талант пропадает!» Я, чувствуя, что своей категоричностью успеха не добьюсь, в последнее время выдвинула другой принцип: «Нужно знать, где, с кем и сколько пить. Дома — в пределах нормы, при соответствующей закуске — ничего, думаю, не случится».

А ты в день гибели пренебрег одним из трех условий. Не было соблюдено «где»...

* * *

После твоего возвращения из Москвы на освобожденную полку легли одни трусы и водолазка, чудом сохранившаяся со времени окончания школы. Остальные вещи ты «распространил»: что-то оставил друзьям, что-то выбросил. Я назвала тебя «прорехой», в которую исчезает бесчисленное количество вещей, и принялась за выполнение своего плана — приобрести тебе все необходимое.

От всего отказывался, только говорил, что при себе нужно иметь два носовых платка: один для себя, другой — вдруг кого-нибудь надо утешить. С трудом заставляла что-то мерить, сердилась: «Ну и ходи босиком!» Последней покупкой были кирзовые сапоги с утепленными голенищами размером побольше, чтобы носить зимой с портянками из Настенькиных пе-

ленок. Заставила их купить, выбросив разваливающиеся рабочие туфли.

Насильно купила плащ цвета «кофе с молоком». Отбивался: «Да не носил я сроду этих плащей!» — «А теперь поносишь!» Два раза и успел надеть...

Единственное, от чего ты не отказывался, — это от вещей, связанных мною. Вязать для тебя было одно удовольствие — всегда доволен. Посылала тебе в Москву пуловер с орнаментом, красный свитер, маечку в полоску. Жаль, что мертвого тебя не согревают вещи, сделанные моими руками. Теперь вяжу другим, будто выполняю обещанное тебе.

Все мы тебе, сын, готовили к свадьбе и не знали, что наденем свадебный наряд на тебя — мертвого.

До сих пор я невольно тяну руку в магазине к мужским вещам и мысленно прикидываю: подошло бы это тебе? Приобретен «дипломат», который ты хотел иметь. В нем уместилось все, что осталось после тебя — все дорогие листочки. Завещаю его хранить и передавать по наследству, когда не станет нас.

* * *

В последний год твоей жизни я кидалась из одной крайности в другую: дикая тоска сменялась безудержным весельем.

Ночами страдала от бессонницы, уходила на кухню курить. Днем от гложащей тоски не находила места. Шла к Титовым, через несколько минут уходила: «Наташа, не могу — пойду домой».

Я жила в ожидании беды, постоянно повторяла: «Что-то случится». Ты убеждал: «Если чему случится — оттого, что волнуешься, ничего не изменится. Зачем заранее? Случится — сообщат». — «Да не хочу я таких сообщений!»

Меня ты берег: никогда не уходил из дома, чтобы не оставить записку. Показывал в окно свет в цехе: «Если свет горит — я работаю. Из-за тебя сегодня не задержался».

Иногда появлялось неодолимое желание

увидеть тебя. Ты уехал в Новокузнецк, а мы с отцом к тете Гале на день рождения. Обычно уравновешенная, я не могла усидеть на месте: умоляла ее проводить меня, оставила у них отца до утра, потому что не было такси. Забыла ключ и упросила Надю влезть в форточку, открыть дверь, чтобы узнать, приехал ли ты. Через несколько минут мы встретились — все нормально. Но позднее стала волноваться об отце и просила тебя проводить меня к нему. Ты убеждал, что ночью людей беспокоить неприлично. Утром привезли отца, но я уже не находила места дома. И мы отправились на речку. С тетей Галей смотрели, как вы с Надюшкой плаваете, как она засыпает тебя песком. Тетя Галя тихонько говорила: «Какой спокойный парень. Был бы моложе или моя старше — породнились бы».

После твоей гибели десятилетняя Надя скажет: «А зря он умер — такой «балдежный» был!»

В этом году я была менее сдержанной, чем обычно и, как никогда, часто ссорилась с тобой. Ты ни разу в жизни не ответил мне ни резко, ни грубо. В крайнем случае бледнел: «Ну что ж, оставайся при своем мнении. Всегда испортишь настроение».

Но теперь, когда ничего уже не изменить, с тоской думается: для чего мы — двое горячо любящих людей — отравляли друг другу жизнь мелочными обидами? Почему не дорожили минутами общения, которые никогда не повторятся?

Это был год моего «бабьего лета». Никогда так безудержно не веселилась.

Мои знакомые удивлялись: «Ну и «дает»! Бес, а не баба!» А ты говорил: «А мать у меня все молодеет». По выходным смотрел в календарь: «Какой у нас сегодня праздник? А — День рыбака!» Удивлялась: «Какое отношение мы к нему имеем?» — «А как же? Разве мы не едим рыбу?» И я разделяла ваши застолья, жила в темпе молодежи.

Пригласила тебя на День медработника, чтобы показать «класс» — как надо

веселиться, а не просто пить! Что-то, а гулять у нас умели: и игры, и импровизация, и лотерея, и песни, и пляски, и баян, и гитара.

Тебе понравилось, был веселый. По лотерее мы выигрывали только надувные шарики, а одна пара — шнурки. Все хотели!

Не оправдалась только моя корыстная цель — вдруг тебе кто-нибудь из девушек приглянется? «Смотри, какая хорошая девушка!» — пыталась я привлечь внимание к Тамаре. Она под гитару пела: «Время пройдет, и ты забудешь все, что было с тобой у нас. Нет, я не жду тебя, но знай, что я любила в последний раз». Песня, вероятно, напомнила тебе Сашу. Ты преподнес Тамаре шарик, а мне сказал: «Да! Она всем хороша. И перед ее талантом преклоняюсь. Но мне бы «Дуню» попроще». Ну, опять не слава богу...

Перед своим днем рождения готовилась к обследованию в онкодиспансере, но не сдавалась. С зятем плясала под гармошку: «Хрен меня перепляшешь!»

Не зря говорят: «Веселится, как перед бедой». Будто торопилась отвеселиться на всю оставшуюся жизнь.

* * *

Напрасно я называла тебя «пожилой зайчик». Взрослым так и не стал — ты был большой ребенок! Но я это поняла позднее...

Артемка иногда называл меня мамой, а я его — сыном. Ты обижался: «Нашел себе маму! Это моя мама. Не называй его сыном!» Батюшки, ты ревновал меня! А мне было смешно.

Мне стало казаться, что ты проявляешь жадность, но это была опять-таки ревность. Покупала что-нибудь Титовым, они были недовольны. Ругал меня: «Сама виновата, не связывайся с ними. Им дорого, а нам нет». Как-то намекнул, что слишком много им помогаю, они же считали — наоборот. Ответила: «Если бы не помогала тебе — не смог бы обзавестись красотой Москвы». Смущенно умолк.

Если я приносила что-нибудь сладкое, ты, жмурясь от удовольствия, подходил к сумке. «Не трогай, это Артемке!» — «А мне?» И без того пухлая нижняя губа обиженно надувалась, глаза смотрели укоризненно — сущий ребенок.

На вопрос: «Когда женишься?» отвечал: «А разве мне плохо с мамочкой?» И когда сообщила, что собираюсь на курорт, ты растерянно спросил: «А как же мы без тебя жить будем?» — «А как вы будете жить, если меня совсем не станет?» — «Трудно сказать!»

Кто же мне теперь скажет: «Как мне жить без тебя?».

Между всеми делила я любовь поровну и не понимала, что ты нуждался в ней больше других, потому что, кроме мамы, у тебя никого не было.

Тетя Галя, желая утешить меня, сказала: «Может, Виталий счастливый, что погиб. Смерть была легкая, и похоронили с почестями, а нас, может, и хоронить некому будет. Международная обстановка сложная». Но даже мертвому тебе нужен мир. Ведь живешь в памяти людей! А кто же будет помнить о тебе, если все сотрется с лица земли? Живет дорогой наш Артемка и множество других малышей. Им тоже нужен мир.

* * *

Любил ли тебя отец? Конечно, да! Только странной любовью... Маленького пеленал и качал ночами. Когда отнимали от груди — сожалел, что не он кормил тебя.

Трезвый отец был мягким, покладистым, во всем помогал, никогда не возражал, только безынициативный, как ты. Все приходилось решать самой, ему постоянно нужно было говорить: сделай то или это.

Пьяный становился совсем другим — часто жалким, иногда — страшным. Мне говорил: «Ты не из тех, кто унижается. Ты из тех — перед кем ползают на коленях». Нет, я не хотела ни чужого, ни своего унижения.

Утром он просил прощения, усиленно помогал во всем. Я плакала, ругалась: «Не смей варить — есть все равно не буду». При очередной пьянке все повторялось: то он разыгрывал сцены самоубийства, то собирался стрелять или резать меня. Не одну ночь просидела я под ружьем или ножом! Много раз просила отпустить нас в чем стоим, обещала расписку в том, что отказываюсь от алиментов. В ответ слышала: «Попробуй уйди: убью детей, потом тебя, потом себя, будет четверо гроба!» И я оставалась...

Когда не было тебе еще и пяти месяцев, свекровь сказала, что не станет нянчить тебя. В ответ отец взревел: «А! Мы с сыном не нужны! Я с ним утоплюсь». И грохнул тебя на пол. Бросилась к тебе. «Не тронь! Сам подниму. Заворачивай его, пойдем топить». Ты, видно, испугался, когда упал, не кричал. Стала кормить тебя, чтобы оттянуть время — может, пройдет блажь. Упрашивала свекровь позвать кого-нибудь. И ты не хотел сосать грудь, и свекровь на помощь никого не позвала. А отец сказал: «Хватит. Все равно ему мало жить осталось». Тогда, прикрыв тебя платком, побежала к соседям. Отец гнался следом, сорвал у них крючок с дверей. Пока они выясняли отношения, под покровом ночи побежала с тобой огородами к другим соседям. Подстегивал окрик: «Стой, сука, убью!» Он не нашел нас, соседи спрятали под замок в пустой комнате. Ни одной пеленочки с собой! Соседка дала до утра старые платя. Утром дома ждала записка: «Спасибо за все». Отец, видите ли, был недоволен — «опозорили» его перед людьми...

На Октябрьские того же года был второй пьяный взрыв. Упрашивала его, чтобы больше не пил в гостях. Трахнул стаканом по столу и ушел раздетый, а мы с тобой остались, чтобы не пришлось снова искать ночлежку. Он явился ночью, выхватил тебя, полууголого, и побежал, крикнув мне: «Не приходи. Убью!» Кинулась следом. Он встретил меня без тебя. Все обмерло внутри. «Где сын?» — «Я утопил

его. А тебя утопить или зарезать?» — «Без сына жить не буду. Веди меня туда». Схватив за воротник пальто, потащил меня в сторону речушки. «Напрасный труд — сама пойду!» На полпути смиростивился: «Иди домой, дома». Ты был дома, он притащил тебя под полой пальто. Удивительно, что ты не простыл, не заболел и дураком не стал от испуга.

Но отец никогда не трогал Наташу и сам говорил, что ее любит больше. Она на него действовала успокаивающе. К пьяному под бок — как в клетку зверя — подкладывали ее, наблюдая, чтобы нечаянно не задавил, как уснет — забирали. Старалась, чтобы ты не попадался ему на глаза в такие моменты: то не с той почтительностью подал тапки ему, то прорывался «воспитательный энтузиазм». А иногда соглашался развестись, поделив детей. «Сына никогда не увидишь — сам воспитаю». Ты с мольбой и страхом молча смотрел на меня. Да разве я могла оставить тебя, мой мальчик?!

Ты боялся отца. Как-то перед Днем Победы обнаружила пропажа его наград. Тебя подняли ночью для допроса. Поняли, что их украли, ты об этом знал, но рассказать побоялся. Я тоже была возмущена — награды не брошки, они добыты кровью. В наказание за то, что видел у мальчишек награды и не сказал, тебя утром заперли дома.

Последний раз ты плакал перед отцом, когда бросил техникум. Он хватал тебя за горло, пытаясь душить, но я вовремя подросла. «Прости, сынок, если что не так делал», — сказал отец, прощаясь с тобой навсегда. И плакал: «Нет больше у нас сына». Теперь это тихий, немощный и беспомощный старик. Трудно поверить в его прежнюю «воинственность». Да и сам бы он не смог, пожалуй, объяснить, ради чего измывался над родными людьми...

* * *

Мы были с тобой не только мать и сын, но и друзья: дистанции «родители—дети»

и разницы в возрасте не замечали. Мамой ты называл меня редко. Одно время стал говорить «мамашка». Рассердилась: «Мамашей называют чужих людей». — «Ну давай буду называть тебя ласково — маманя».

Про нас можно было сказать: «Одни поем мы песенки, одни читаем книжки», хотя ты, без сомнений, читал больше, часто перечитывал понравившиеся.

Страстный спортивный болельщик, ты и меня приучил «болеть». Однажды сводил на стадион, но, привыкнув смотреть хоккей по телевизору, я не восприняла игру: не хватало голоса комментатора? Позднее отказалась и от телевизора. Слишком остро воспринимала спортивные поражения, а стрессовых ситуаций и в жизни было хоть отбавляй.

В кинотеатр после армии ты уже не ходил со мной, отговаривался так: «Иди в кино, у меня другие дела. Вот женюсь — тогда с тобой буду ходить». Но меня отправлял настойчиво, сам оставался с Артемкой.

Был ты отличный собеседник — спорили на любые темы, это доставляло нам удовольствие. Умел хранить тайны. «Виталька, поклянись, что никому не скажешь!» В ответ улыбался, но ни разу не подвел меня.

В нашем городке — все на виду. Когда рассказывала, где и с кем тебя видели, возмущался: «Ну и городишко! Ну и агентура у тебя! Ты скажи — это один и тот же «стукач» или разные? Шею бы намылить!»

Любил ли ты меня, сын? Да! Из армии писал: «Дорогая моя мамочка», «милая мамочка» и в больницу: «Дорогой мой Мересьев, ты для всех нас пример». После моей операции советовал Наташе поступать в наш техникум и жить дома: «Мама совсем беспомощная, не может даже надеть чулки, но не хочет становиться на твоей жизненной дороге». И еще случайно прочла написанное для нее: «Я не стал бы вмешиваться в твою жизнь, если бы это не касалось еще од-

ного дорогого мне человека — нашей мамы. Она переживает так, будто находится на твоём месте, а может, и сильнее». И по поводу её замужества мне: «Надеюсь не принести тебе таких огорчений. Будь молодцом! Старайся не нервничать. Плюнь на все».

Письма на работу, в больницу были откровеннее других: «То, что можно написать тебе, не всегда можно писать для других!» Но после возвращения из Москвы стал делиться со мной не с прежней охотой. А волновался обо мне по-прежнему. Если влезала высоко, чтобы полить подвешенные цветы, говорил: «Ну, мать! Ну, куда ты вознеслась? Разве я не полью?»

Иногда рассказывала про какие-нибудь неприятности или недоразумения на работе. Грозился: «Я поговорю с твоим главным врачом, чтобы не обижал тебя». Меня смешило твоё рыцарство: «Не надо, я ещё сама в состоянии за себя постоять».

И отца перестал бояться: «Теперь не твоё время. Я уже вырос. Пусть только попробует тебя обидеть!»

Всегда и перед всеми ты готов был заступиться за меня, только искренне удивлялся, что я порой обижаюсь и на тебя. Не мог понять, что твои промахи и неудачи больше всего бьют меня. И твой уход из жизни сильнее всего ударил по мне...

* * *

«Чем меньше родители знают о своих детях — тем лучше спать», — так ответил ты мне когда-то на вопрос о курении. В армию взял блок сигарет, но в письме попросил вместо курева присылать конфеты. После армии любил хорошими сигаретами угощать других.

На Наташиной свадьбе гости удивлялись: «Куда он девочек по одной водит?» Это они тебя «водили», чтобы покурить.

Меня ты за курение ругал, не терпел табачного дыма: «Кончай это дело! Себя травишь и меня тоже. На работе дышу всякой дрянью и дома отравляю легкие». Я начала курить шутя со своими сослу-

живцами. С третьего курса университета, когда ночами вся семья мирно посапывала, а мне нужно было заниматься — закурила по-настоящему. Бросала дважды: перед операцией и после рождения Артеми. Но с уходом Титовых в одиночестве закурила снова. Тебе обещала: «Поеду на курорт и брошу совсем».

После твоей гибели — в бессонные ночи — одну бросаю, от неё другую прикуриваю. И это, вероятно, навсегда.

* * *

Никогда ты, сын, не прятался за чужими спинами. Летом на месяц поехал в колхоз, хотя была справка, что отец нуждается в постоянном уходе, а я — в посторонней помощи. Из тридцати человек — двадцать пять вернулись на производство, плюнув на все. Пятерым твердо обещанную замену не прислали. Те, кто сбежал досрочно, спокойно жили дома, работали на своём месте и получали зарплату. Вам этот месяц не оплатили, потому что не дали справок. Получилось, что за честность заплатили обманом.

День накануне отъезда провели на речке, а вечером готовили прощальные пельмени. После ухода Титовых ты сидел на кухне и пел песни из солдатского «фольклора», все печальные и что-то о цинковых гробах. В твоих глазах была тоска, а меня охватил страх и бессилие. Может, тебя поджидает беда? Как отвести её? Слишком жесток мир, и слишком незащищённым был ты...

После твоего отъезда переживала, что не взял сапоги и еду на первое время. Чем дальше, тем больше тосковала и с нетерпением ждала. Из деревни Шалай мы получили письмо, потом приветы и записки. В одной из них ты просил выслать на дорогу телеграфом деньги. Посмеялась: «Если бы денег хватило — это был бы не мой сын».

«Батюшки, в солнечное затмение появился!» — обрадовалась я, встретив тебя на пороге поликлиники с закопченным стеклышком в руках. Как всегда, поце-

ловал меня: «Мама, я тебе аванс принес». — «А я думала, что ты мне доярочку из колхоза привезешь!» — «Нет, мама. Одна девушка с завода понравилась, но оказалось, что она замужем, а другие сильно уж матерятся».

Этот год был урожайным на ягоды. Без тебя заготовила их впрок, знала, чтолюбишь сладкое. Ты подсчитал, что до первого урожая можно каждый месяц съедать по трехлитровой банке. Но способ заготовки не одобрил: любил варенье, а не мятые с сахаром ягоды. Сказал: «На следующий год возьму на себя руководство этим делом».

На будущий год ты собирался вместо колхоза ехать поступать в институт. Но для тебя следующий год не наступил...

* * *

Мы смеялись, когда, будучи школьником, ты говорил: «Вырасту — уеду в Иваново, женюсь на ткачихе. Буду с тещей ходить на футбол, научу ее «болеть» за «Кузбасс». Или: «Эх, машину бы и блондинку с голубыми глазами!»

Позднее тебе действительно нравились светлые крупные девушки. Такой была и Саша. Потом она стала бабищей, исчезли любимые тобой косы. И стихи твои, посвященные ей, уже не соответствовали ее облику. Мы с ней не узнали друг друга. Но, выписывая мне квитанцию в фотоателье, она обратила внимание на фамилию и с интересом взглянула на Артемку: «Чей это мальчик?» — «Наташин.» — «Дядя его еще не женат?» — «Будет ображать, как раньше, никогда не женится». — «Может быть». Я растерялась...

Что-то проясняло твое письмо к Наташе: «Ты помнишь Сашу? Я все еще ее... помню. Она часто мне снилась, особенно в первые дни службы. Лица других девочек почти стерлись из памяти, а ее я представляю так ясно, будто мы расстались вчера. Раньше я был уверен, что виновата только она, а теперь понял, что главная вина лежит на мне...»

После твоего возвращения домой два-

жды «инкогнито» звонила Саша. В последний раз ты сказал: «Я и в прошлый раз узнал тебя. Когда-нибудь зайду в ателье. — Она, видно, возражала. — Как это нет? А если мне нужно будет сфотографироваться?» Я спросила: «Она хочет проверить прочность твоей любви?» — «Пусть любовь своего мужа проверяет, а не мою».

Для тебя на Александре — сошелся клином белый свет. Поэтому из армии писал мне о Татьяне: «Наши отношения наладились. Но чувствую, не то... Кстати, она твердо собирается выйти за меня замуж, а я в десятой пятилетке обзаводиться семьей не намерен. И вообще, по сравнению со мной она еще ребенок. Девчонка она, вообще-то, отличная, сейчас таких днем с огнем не найдешь».

И еще: «С Татьяной мы опять поругались. Сегодня получил от нее два письма — просит простить и т. д. и т. п. Даже грозитя что-нибудь с собой сделать, если не отвечу. Но я решил молчать. Значит, это еще не «девочка моей мечты». Кстати, эту девочку встречают только раз в жизни. Боюсь, что я ее уже встретил раньше».

Татьяна писала и мне. Жаловалась, что, если вы поссоритесь в письмах, она всегда должна первой идти на поклон. Я ответила ей: «Хотела бы вырастить такого сына, чтобы его жена сказала: «Спасибо тебе за мужа — сына твоего». Но часто желаемое и действительное не совпадает. И я не вольна что-либо изменить».

Она все-таки приезжала к нам, когда ты вернулся со службы. Вроде бы обрадовался: «Мама, Танечка приехала!» А на другой день: «Мы встретились для того, чтобы расстаться навсегда».

Москва показала тебе женщину не с лучшей стороны! Рассказывал, что по утрам из мужского общежития девушек выходит почти столько, сколько и парней. У тебя появилось презрение и брезгливость к женскому полу. «Нашел бы ты себе девушку, сынок». — «Девушки теперь только в детсаду», — отвечал ты.

Как-то весной пошел к Сеньке в гости и прибежал, как сумасшедший: «Мама, дай три рубля на кино. Женюсь!» На другой день твоя новая знакомая на свидание не пришла, а ты удивился, зачем она в первый раз пошла в кино с нетрезвым. Когда я лежала в больнице, ты встретил ее и не узнал. Узнала она. Вас видели вместе в кинотеатре. Без меня раза два ты бывал у нее. Я знала, что у нее есть дочь. «Виталий, это что — серьезно?» — «Нет». — «Тогда нужно прекратить встречи». И ты прекратил...

Вероятно, ты был бы ревнивым мужем. Разыгрывал сцены ревности, когда смотрел телевизор: «Нет, ты посмотри, какая! Я бы этого не простил! Если бы сказала, что идет с другим в ресторан — черт с ней, пусть бы шла. А если бы пошла и не сказала...» Или «Вот сучонка! И в постель с ним лечь не постеснялась, и предала его». Говорила: «Сынок, женишься — не обижай жену, не измывайся над человеком. Помни, что это тоже чья-то дочь, чья-то сестра». — «Да не буду я ни над кем издеваться! Не уживемся — разойдусь». И несмотря на строгую мораль, на мое возмущение беременностью твоей соклассницы (в восьмом классе) ответил: «А тебя что волнует? Может, мы всем классом будем нянчить этого ребенка?»

Ты жил по принципу: «Упускаю синицу и ловлю журавля». А твой журавль — Саша — улетел давно и безвозвратно. Говорил, что если бы она пошла за тебя — женился бы рано и имел много детей. Напрасно Наташа складывала для тебя вещички, из которых выросли ее дети. Напрасно я берегла теплый шарф, чтобы заворачивать твоего ребенка.

* * *

Незадолго до своего дня рождения я выстояла очередь за цыплятами и, груженная, как ишак, пришла домой. Меня ждала записка: «Мама, я занял у тебя шесть рублей и ушел на новоселье. Виталий».

Около девяти часов зашла соседка: «Ваш сын спит на стройке, на нем часы, а вокруг крутятся подозрительные типы. Я оставила детей караулить его». Ничего не могла понять: на какой стройке и почему спит? Еще издали увидела: лежишь на бетонных плитах, согнутые в коленях ноги свешиваются, руки на груди сложены, как у покойника, лицо землистого цвета. Приближалась со страхом. Живой! Только часов уже нет, руки сложили, возможно, в насмешку те, кто их снял. «Караульщики» — детишки детсадовского возраста ничего вразумительного объяснить не могли.

Посадила тебя: «Сынок, пойдем домой». Прислонил ко мне голову и продолжал спать. Поняла, что если подниму тебя в вертикальное положение — мы рухнем вместе. Сгорая от стыда и позора, оглядывала пустынные улицы. Наконец-то показался парень в спецовке: «Бога ради! Помоги мне довести сына домой, сама не смогу. Тут близко — через дом». Спасибо, не отказал.

Утром спросила: «Во сколько же тебе обошлось новоселье?» — «Подумаешь, дал займы шесть рублей!» — «А где отцовские часы?» — «Какие часы?» Ты ничего не помнил... «Эх, Виталий, Виталий! Бог с ними, с часами, но ведь башку снесут. Хорошо, что не проснулся, когда снимали. Трахнули бы тебя. А стыд какой! Мать-инвалид ведет пьяного сына... Спасибо — парень помог». — «Ну и что, что помог? Разве я никого не доводил? А часы — получу деньги — куплю и отцу, и себе». — «А жить мы на что будем?» — «В знак «траура» по часам — отменяю свой день рождения». Часы купить ты так и не успел, а день рождения все-таки праздновали.

На мое возмущение — почему тебя напоили и отпустили одного — возражал: «Никто не виноват. Я пошел домой и встретил знакомых парней. Зашли в пивбар, а дальше уже не помню».

«Замаливая грехи», сразу принялся за покраску квартиры.

* * *

В сентябре ты отпрашился на заводе, с условием отработать вечерами, и поехал со мной в онкодиспансер.

По дороге назад, видя мое удрученное состояние, ты сказал: «Хочешь, свожу тебя за грибами?» Никто, кроме тебя, не согласился бы взять меня, передвигающуюся с помощью трости, в тайгу.

Мы отправились во второй половине выходного дня. Стоянка такси была пуста. Ты убеждал, что ходьба полезна для здоровья. Я доказывала, что это правило для здоровых. Но пришлось все-таки до тайги добираться пешочком. Сколько раз мы бывали там, когда вы были детьми! Тогда поход туда не был проблемой.

В лесу сели на поваленное дерево и «подзаправились». И грибов на жареху набрали, и очередной ножик ты успел потерять. Домой я еле «ползла», повиснув на твоей руке. Спорили, какой дорогой возвращаться. Я предлагала идти по ручью к реке, ты уверял, что так можно уйти в другой город.

У моста уговаривал меня ждать автобуса, а сам порывался идти пешком. Ходьбу предпочитал любому виду транспорта; своего, кроме подросткового велосипеда, который вскоре украли, никогда не имел. «Я успею до тебя хлеба кушать, грибы перебрать и отварить». — «Нет. Вдруг автобуса не будет? Как же я одна? Да и спокойнее, когда ты со мной, уйдешь — буду волноваться». Уехали вместе...

Запомнился хрустальный денек «бабьего лета», запах прелых листьев и грибов. В любимое мною время года — осень — тайга была прекрасна: на фоне темно-зеленых хвойных еще ярче горели золотисто-огненным цветом лиственные деревья. Блестя, извивалась внизу река. Царский ты сделал подарок! Больше мне туда не добираться...

* * *

Ты смотрел на календарь и радовался: «Сколько впереди праздников! Будем те-

бя на курорт провожать и встречать. Без тебя отпразднуем Октябрьскую, день рождения Артемки и, возможно, новоселье Титовых. А после Нового года каждый месяц пойдут дни рождения». И не знал, что собираешься на последний в своей жизни — день рождения Настеньки. И в первый раз, по моей настоятельной просьбе, надел новый костюм. Прихватив в подарок шубку, мы отправились вслед за отцом.

В гостях были Костины бабушка и дедушка, приехавшие с Кубани. Отличные песенники! От души попели украинские песни и напевившую тебе: «Ты гуляй, гуляй, мой конь».

За столом уговорила тебя сходить в прачечную за бельем. Вернулся веселый: «Что я купил, мать! Или из дома меня выгналишь, или «облезешь». Долго не признавался, что именно купил. Наконец признался: «Котеночка». Нам для полноты счастья котеночка не хватало!

* * *

В детстве ты собирал открытки с различными породами собак, а мы дарили тебе статуэтки, но постоянную просьбу — купить щенка овчарки — так и не исполнили, возможно, погубив этим лучшие твои душевные порывы.

С животными ты общался постоянно. Были у нас собаки Черный и Дик. Черный, дожив до глубокой старости, ослеп. Чтобы прекратить страдания, его мы сдали на усыпление в ветлечебницу и долго не могли смотреть в глаза друг другу, стыдясь совершенного.

Из армии ты писал: «Вчера застрелили нашу собачонку Тяпку. Такая умная была собачка, когда стоишь с ней в карауле — можно спать спокойно, как кто-нибудь идет, так она разбудит. А теперь придется самому смотреть».

Со смехом мы слушали твой рассказ о первом посещении Костиных родителей. «Подхожу к собаке — здорово, Буран! Она подает лапу и говорит: «Здорово, брат Виталька». Правда в этой истории была в

том, что огромная злая собака, кусавшая соседей, встретила тебя спокойно. Ты мог подойти к любой: они тебя не трогали.

На сей раз дома нас ждал крупный сиамский кот, глаза его горели диким красным огнем. История его приобретения была такова: «Купи кота за рубль». — «Куплю, но сознайтесь, что вы его сперли. Ведь такой кот в Москве стоит пятьдесят рублей!» — «Да не сперли! В армию ухожу, а его некуда деть. Так купи тогда за трояк. Кузей зовут». Так и сторговал Кузю за три рубля!

Куда деваться! Взяла его под свою опеку. Но кот наглед не по дням, а по часам: драл когтями то диван, то палас, то мое новое пальто, залезал на шкаф и истошно мяукал, а потом прыгал на нас. Ты сварил на заводе ящик, наполнил песком и поставил в туалете. Кот ящик признавал, но дверь в туалет пришлось держать открытой. Через несколько дней уже в подъезде несло зверинцем, не говоря о квартире. Я покупала коту сырую рыбу, а он растаскивал куски по полу. Артемка его боялся. Ничего не понимающая Настя ползла к нему смело, но Кузя сильно поцарапал ее. При детях стали его запирают в ванную, оттуда он выходил возмущенный и еще более агрессивный. Титовы справлялись: не загрыз ли еще нас?

«Виталька! Это никуда не годится! Мы, больные, в страхе сидим в своей квартире и терпим террор кота», — возмущалась я.

Ты не хотел с ним расставаться.

В предпоследний день кот оцарапал и тебя. Ты побелел и хлестанул его портянкой. Удивилась: «Виталий, что с тобой? Я никогда тебя таким не видала». На утро Костя в твоё отсутствие унес кота. В обеденный перерыв следующего дня я писала тете Лизе, что мы счастливы, освободившись от котинного ига.

В этот день ты погиб... После твоей смерти у меня не поднялась бы рука выбросить кота, чего бы он ни вытворял.

* * *

День Конституции мы не отмечали, не привыкли еще к новому празднику. После заморозков стояла отличная погода. Ты помыл окна и открыл их, напустив стаю комаров. Натянул леску для вьющихся цветов. Мыл полы и пел: «Маменька родная, дай воды холодной». Купил в кафе четыре бутылки пива: «Мама, вино прозрачное продают». — «Ну, купи бутылку». — «А зачем». — «Ну не покупай». Купил. Вечером пришли Титовы. Нажарила котлет и картошки. Выпили пиво, вино осталось. Ты лег поздно. Перед тем зашел к нам и спросил, не кусают ли комары. Зажег свет и, подпрыгивая, стал хлопать по потолку курткой. «Больше ничем помочь не могу, вроде всех перебил». В свое последнее утро ты успел все сделать и, веселый, ушел на работу.

* * *

В два часа ты открыл дверь моего кабинета и, стеснясь моей пожилой медсестры, поманил меня пальцем: «Мама, выйди на минутку». — «Ну-ка, заходи сюда!» — «Я сейчас, Виталий, уйду», — сказала медсестра. А я заметила, что ты был слегка выпившим.

— Почему не был сегодня на обеде? И что за пьянка в рабочее время?

— У нас в бригаде день рождения. Мама, дай десять рублей — деньги нужны не мне, а бригаде.

— Не дам. Куда ты сейчас пойдешь?

— Пойду работать. Ну, дай быстрее, машина ждет.

Я была зла, как сто чертей.

— А если травмируешься? Что за безобразие? Завтра пойду на завод и к твоим друзьям и наведу там порядок.

— Только попробуй! Я после этого на работу не выйду.

— Ну и не выходи! Терплю такое только до возвращения из отпуска, а потом лучше уезжай куда-нибудь. Ты бросил пить?

— Да, конечно. Ну, мама, дай, нужно людям. Ты ведь мне друг?

Лп
щег
Мож
на
Обр
тебя
В
Под
нлеч
мам
Нав

По
мест
сума
груд
Торм
При
прият
гроз
пред
За
бира
стрел
медс
беды

был
—
мысл
ет да
—
—
где-е
мили

—
—
там.
—
из р
занн
завод
анал
анат
Он
наде
В

Любая просьба — унижение для просящего, а если отказывают — тем более. Может быть, уже занял? Может, нужно на подарок? Ты знал, что я не устою. Обрадовался несчастной десятке: «Дай, я тебя поцелую».

В кабинет зашли подписать документы. Подождал, когда выйдут. Обнял меня за плечи, поцеловал и тихо сказал: «Я знал, мама, что ты мне друг». И быстро вышел. Навсегда...

* * *

После твоего ухода не находила себе места. Но ведь так бывало часто! Я — сумасшедшая мать. Крепко засыпал ты грудной — казалось, что ты не дышишь. Тормошила, пока не раздавался плач. При звуке сирены «Скорой помощи» напрыгивала, как струна. Не моим ли детям грозит опасность? Но в этот раз ничто не предвещало беды.

Закончился рабочий день. Я стала собираться домой. В этот момент в кабинет стремительно вошла Валентина — наш медстатистик. По ее лицу я не прочла беды.

— Анна Александровна, а Виталий не был сегодня выпивши?

— Был, конечно! — ответила со злом, мысленно настораживаясь, что последует дальше.

— А он не в голубой олимпийке?

— В голубой. — Дело наверное, плохо: где-нибудь спит пьяный или того хуже — милиция подобрала.

— Где он? — спросила я.

— Не знаю, как и сказать.

— Да как есть — так и говори, чего уж там.

— В морге! — выпалила она. У меня из рук рухнула сумка... Весь смысл сказанного дошел не сразу: — Трое парней с завода разбились на машине: двоих опознали, а третьего... Но может, не он? Опознать не могут — изуродован больше всех.

Она еще оставляла мне возможность надеяться.

В морге: взгляд направо — бледное чу-

жое лицо, налево — лицо прикрыто темным пиджаком. А рядом — лежал ты...

Припала к телу, целуя тебя... «Мальчик мой! Ты еще теплый. Это я тебя убила, сынок». Просунула руку под спину, тело еще теплое.

— Дайте мне побыть с ним, пока не остыл. Я ведь не кричу, не теряю сознания. Ну, пожалуйста!

— Нет, нельзя. Завтра он будет у вас дома.

— Ну хоть минутку еще.

Меня увели...

По дороге я кричала: «Зачем я дала тебе эти проклятые деньги?»

Дома кто-то сообразил взять у меня адреса родственников, номера телефонов. Куда-то звонили, куда-то писали. Кто-то отправлял телеграммы.

Валя сходила за Наташей. Она вошла бледная, заплаканная: «Мама, это правда?» — Наташа истерично боялась мертвых.

— Как же я отцу скажу? Он может не вынести...

* * *

После мне рассказали, каким был твой последний рабочий день. В бригаде вас было четверо. В тот раз случилось так, что для вас не было фронта работы. Кто-то из ваших привез вина. На обед мы пошли в дом, где жили Лыков и Кузькин. По дороге назад встретился на машине Ивашкин. Тут появилась еще одна идея, для осуществления которой потребовались деньги. Безусловно, они нужны были не лично тебе, иначе никто не стал бы во главе с бригадиром развозить тебя на лимузине, тем более что ваш завод, наш дом, моя поликлиника, винный магазин находятся в радиусе трехсот метров.

Отец рассказывал: «Забегал как бешеный, спросил, была ли мама на обеде, взял три рубля и уехал». Это был твой последний приход домой. Нет, ты не был пьян. Приходя за деньгами, разулся. чначе протопал бы в сапогах.

Видно, этих денег оказалось недостаточно, и ты заехал ко мне на работу, хотя знал, где дома хранятся деньги, и мог бы взять без спроса. Трагедия случилась через сорок минут. Вы еще побывали на заводе. Говорят, ты не хотел ехать, а Лыков уговаривал, вел тебя под руку. Так вы и сели: Ивашкин за рулем, рядом бригадир Кузькин, ты за Ивашкиным, оставляя место Лыкову. Но его в последнюю минуту выхватила жена и отволокла в мойку.

Те, кто видел все это, считают себя виноватыми в том, что не остановили вас. Кто мог предвидеть, что едете на смерть? Винить некого. Ведь тебя не связывали и не затапливали в машину! Добровольно сел. И ты не позволил бы никого винить, потому что никогда не говорил о людях плохо и других останавливал: «Если не можешь сказать о человеке хорошее — лучше помолчи».

Слышала по телевизору, что в Германии есть лозунг в борьбе за безопасность движения: «Если едешь со скоростью сто километров в час — считай себя гостем на этой Земле». Ваша скорость превышала роковую на двадцать километров. Десять минут езды, первый поворот, второй и...

Говорят, будто служба ГАИ передавала: «Автомобиль «Москвич» движется с превышением скорости в сторону Новокузнецка». Шофер встречного «Магirusа», почуввав неладное, затормозил машину, и вы врезались в нее, уже стоявшую, на полном ходу. Страшной силы был удар! Из кузова «Магirusа» брызнул гравий, тяжелая машина вышла из строя. «Москвич» закувыркался с откоса...

* * *

Опять и опять ищу — в чем причина, что так рано и трагично окончилась твоя жизнь? В зеленом змие? В ошибках воспитания? В окружающей нас действительности? В мягкости твоего характера, не умеющего противостоять другим? В

отсутствии на заводе элементарной дисциплины?

Нет мне ответа ни на один из мучительных моих вопросов.

Днем неотступно думаю о тебе, ночью во сне — или хороню, или спасаю...

* * *

Чувствовала — не все беды кончились с твоей кончиной. На семинаре пропагандистов говорили о трудовой дисциплине. Сидела, сжавшись в комок, опустив голову, ждала — сейчас приведут пример.. Пронесло!

Со страхом брала городскую газету, читала все от строчки до строчки. Предчувствие не обмануло. Через полтора месяца в рубрике «За безопасность движения» напечатана статья «Будьте внимательны». Прочла: «Так, восьмого октября рабочий завода Ивашкин после распития спиртных напитков с рабочими того же завода Кузькиным и Сыркашевым на своем личном «Москвиче», двигаясь в сторону Новокузнецка, развил огромную скорость, на повороте не справился с рулевым управлением и столкнулся со встречным автомобилем. Итог этой хмельной поездки оказался трагическим, все трое погибли».

Подведена черта — итог жизни, не пощадили и мертвого тебя, который так бережно относился к людям. Но «мертвые сраму не имут», — говорили древние. Статья хлестнула по мне. Что ж, нужно пройти и через это. Терпение матери беспредельно.. Факты в газете бесспорны — это я понимала. Но горько, что мой мальчик стал экспонатом «на курсах» безопасности движения.

Сколько раз я сочиняла в уме воспитательные беседы: «Сынок, себя не жалеешь, пожалей хоть меня. А чужие люди? Ты всегда стремился к тому, чтобы из-за тебя не было плохо другим. Теперь на заводе неприятности...» Некого уже мне воспитывать!

Иногда охватывала злорада, хоть вой и стучись об стенку: «Ну зачем ты сел в

эту машину и принес столько страдания?!» Опомнись — как можно злиться на тебя, когда я живу, а тебя нет! И что такое — мои страдания по сравнению с твоей утраченной жизнью!?

Позднее в газете была еще статья: «Дальше отступать некуда», в которой говорилось, что завод по числу нарушителей трудовой дисциплины — предприятие неблагополучное, особенно ваш цех. Так был этот цех таким или стал в связи с вашим ЧП? А если был, то зачем я посоветовала тебе сунуть голову в это пекло? Сел бы ты в ту машину, если бы был абсолютно трезвым? Судя по твоему характеру — сел бы. Ты не пошел бы против бригады, боясь, что тебя обвинят в индивидуализме, интеллигентности и прочем.

Погибая, ты никого не предал и не погубил. Почему же последнее мгновение должно зачеркнуть чистую и добрую жизнь?! Последнее, что написано о тебе, — эти газетные строчки. Такой остался в жизни след...

Не выстоять бы под градом сыплющихся ударов, если бы не добрые слова сочувствия родных и знакомых. Бывший главврач писал с БАМа: «Добрая память о Вашем парне будет всегда в сердцах родственников, друзей и нас, Ваших коллег по работе и профессии».

Через месяц после вас героически погибает в Афганистане сын учителя Дементьева — молодой талантливый офицер. Молва переключается с трагедии Сыркашева на трагедию Дементьева. Мир живет своими радостями и печалью. Я одна со своим горем... Родителям Дементьева легче — сын погиб во имя жизни других, и его жизнь продлится в детях. Я же собираю горькие газетные вырезки и опять мучаюсь: «Что упустила я, воспитывая тебя? Всегда помнила, что прежде всего мы родители, а все остальное — потом. А итог?»

Любовь детей и родителей далеко не равнозначна.

Для родителей потеря ребенка — явле-

ние противоестественное, утрата безмерная. Для молодых потеря родителей — горе, но естественное и неизбежное. У них больше моральных и физических сил нести свое горе, пожилые же с потерей взрослых детей теряют все. Уже подводится итог прожитым годам, и о себе можно сказать: «Все, что мог, уже совершил». И слишком поздно начинаешь понимать, что детей нужно иметь много. Один другого не заменит, не такая бы одинокая была старость.

* * *

После твоей гибели, сын, пролила столько слез, что могла бы утонуть в них. Поминая тебя, перепекла столько печенья, что из него вышел бы надгробный холмик. Одного не могла — воскресить тебя. Это в сказках есть живая вода, живые яблоки или можно надеть железные башмаки и идти, пока не сносятся, и в награду — воскресение. А в жизни? Какую можно наложить на себя епитимью, чтобы ты воскрес? Рыть землю руками, не уходя с кладбища? Никакими силами не поднять тебя...

Женщину, потерявшую мужа, называют вдовой, но в богатейшем русском языке не нашлось слова, каким бы назвать женщину, потерявшую ребенка. Беден оказался язык перед горем матери.

Когда бы ни покинула я этот бренный мир, я фактически умерла вместе с тобой, дальше не живу — существую. Но сколько суждено просуществовать мне на земле, столько будешь жить и ты.

Как-то заплакал твой отец, приглядевшись ко мне: «Ты становишься седее меня». А он на пятнадцать лет старше! О тебе никогда не говорим — горюем по одиночке... Знакомая врач сказала: «Извините, но вы похожи на живой труп. Так нельзя! Виталий не похвалил бы вас за это». Наперебой предлагают лечиться. От чего лечиться? От тебя, сынок? Смешно... Я здорова, если пережила тебя. У меня болит только душа.

Мне, как и тебе, в жизни везет на хо-

роших людей. Все помогают, как могут: кто по пути прихватывает мусор, кто покупает какие-нибудь продукты. Умудряюсь иногда по неделям не ходить в магазин. К нам заходят проведать и поговорить твои друзья и их родители, наши знакомые. «Виталька был человек!» — говорят они. Вот бы и возрадоваться мне, и возгордиться, если бы не злосчастное «был».

Как сложилась бы твоя судьба, если бы ты жил? Стал бы учиться? Женился? Или прожил бы чужими радостями и печалью, читая книги? Поймал бы своего журавля? Или научился бы сильнее пить?

Жизнь — борьба. А ты был не борцом, а мечтателем — современным Обломовым с его добротой и бездеятельностью. Даже за свою Сашу — птицу счастья — не поборолся. Но как ты писал: «Ничего теперь уж не исправить, ничего теперь не изменить». Все точки поставлены...

Но ты обязательно порадовался бы, что Артемка не забывает тебя и до сих пор верит в твое возвращение, хочет стать солдатом, как ты. Порадовался бы весне, солнцу, речке. Ты умел радоваться жизни!

Спи спокойно, мой мальчик, и прости, что подарила тебе такую короткую жизнь.

*Л. В. Малиновский,
доктор исторических наук*

МАТЬ-И-МАЧЕХА

ИСТОРИЯ И СУДЬБА НЕМЦЕВ В СИБИРИ

Невзрачные желтые цветы на тонких стебельках появляются ранней весной на обочинах дорог и на откосах насыпей, на пригорках и на опушках наших лесов. Дети собирают хрупкие стебельки, принимая их за одуванчики, и удивляются, почему на них нет листьев, а по стеблю лепятся только красно-бурые чешуйки. И еще одному удивляются дети — почему этот желтенький цветок называется так странно, что в нем нет родной матери и что от злой мачехи?

Объяснение этому названию появляется только в мае, когда из земли вырывается буйная поросль светло-зеленых листьев, похожих на маленькие веера или круглые лопушки, эти листья с верхней стороны — гладкие и холодные, а с нижней — мохнатые, бархатистые и теплые. Вот только когда и проявляется, почему народ так назвал эти лекарственные листья: с одной стороны теплые руки матери, а с другой — холодные, равнодушные руки мачехи, как ее изображают в баснях, сказках и притчах.

Мы привыкли говорить и писать о Матери-Родине, как будто не замечая, что и в нашей стране, где якобы были разрешены все национальные вопросы и давно уже воцарилось всеобщее счастье, все же к одним народам общество и государство обращалось тепло, бархатистой стороной, а к другим — холодной и неприязненной. Более того, образо-

валась целая «табель о рангах», где народы делились на любимых, которые пользовались правами союзных республик, на второстепенных, которые имели более чем скромные права автономии, и на изгоев, которые пользовались лишь общими правами граждан СССР.

Много лет наши историки и публицисты издевались над «чертой оседлости», которой царское правительство очертило регионы, где разрешалось проживать евреям. Но они не заметили, что еще более прочную стену вокруг принудительной «черты оседлости» возвело наше родное Советское правительство, настрого запретившее в свое время корейцам жить на Дальнем Востоке, немцам — возвращаться в Поволжье и на Украину, татарам — в Крым, туркам-месхетинцам — в Закавказье и т. д., и т. п. Эти «наказанные народы» были к тому же надолго лишены гражданских прав, не говоря уже о национальной автономии. Более того, в Сибири и в других местах, например в Башкирии и в Оренбургской области, были «закреплены» даже те жители, скажем, немцы, которые приехали туда добровольно — только потому, что они принадлежали к «третьесортному», к наказанному и осужденному народу.

За что? — этот вопрос десятилетиями мучил всех представителей этих народов, прежде всего двухмиллионный немецкий народ в СССР, который был лишен своей республики, национальных районов и сельсоветов, националь-

ных школ, газет и библиотек, был в одночасье арестован и выслан в места «столь отдаленные» по указу, который впоследствии, спустя 23 года, признан клеветническим и торжественно отменен Верховным Советом, причем фактически неравноправное положение советских немцев сохраняется до сих пор. За что? — вот вопрос, которым наши историки даже не занимались всерьез до сегодняшнего дня.

1941 — роковой год нашей истории. Понятны и тревога, и смятение, и горечь поражений в первые месяцы Великой Отечественной войны. Понятна также ненависть народов нашей страны к фашистским захватчикам, можно понять даже подозрительные, косые взгляды наших солдат на Украине в сторону немецких деревень, где говорили на том же языке, что и оккупанты. Но ведь указ от 28 августа 1941 г. обвинял в измене и в пособничестве шпионам не немцев Украины, которые в это время были отчасти под властью фашистов — он обвинял в этом преступлении находившихся тогда в глубоком тылу немцев Поволжья, которые ни одного живого фашиста еще и в глаза не видели. Мало того, именно эта часть немецкого населения СССР была ближе всего связана с Советской властью, дорожила ей, получив от Советской власти больше всего благ и преимуществ, ибо только она одна пользовалась правами национальной автономии на уровне республики.

Объяснение произошедшего можно дать пока только одно: паника и желание Сталина и его окружения найти козла отпущения для оправдания своих ошибок и просчетов. Это не очень удовлетворительное объяснение, ибо высылка немцев из Поволжья была проведена секретным порядком, и даже немцы-фронтовики узнали о ней только тогда, когда их уже отозвали с фронта и отправили в лагеря, в так называемую Трудармию. Из советской пропаганды того времени о мнимой измене немцев Поволжья ничего узнать нельзя. Республика немцев Поволжья исчезла безгласно и тайно, возможный пропагандистский эффект был равен нулю. Но другого объяснения у нас пока нет, Сталин, Калинин и другие участники этого драконовского заговора против целого народа унесли эту тайну в могилу.

Остается только факт — немцы СССР, как и некоторые другие «наказанные народы», оказались в ссылке в Сибири, в Казахстане и в Средней Азии, увеличив и до того огромный поток репрессированных, эвакуированных и высланных жителей Европейской России. Так, в Сибири, где в 20-е годы было только около 80 тысяч немцев, оказалось их почти полмиллиона, а в Казахстане — целый миллион. Как располагалось немецкое население в Сибири? Сравним две переписи.

Окончились брожения и переселения в ходе первой мировой и гражданской войн, в основном вернулись на свои места беженцы и военнопленные, быстро восстанавливалось хозяйство страны. Вот как, согласно переписи 1926 года, размещалось немецкое население по тогдашним округам: Омский округ — 34,6 тысячи, Славгородский — 31,7, Барабинский — 1,9, Тарский — 1,6, Минусинский — 1,5, Новосибирский — 1,3, Ачинский — 1,2, Томский — 1,0. Кузнецкий округ не упоминается вовсе, т. е. немецкое население составляло здесь менее 0,1% (латышей было 587 человек, поляков — 487 или 0,12%) и попало в рубрику «прочие». Следовательно, из 78,8 тыс. немцев Сибири 66,4 тыс., или 84%, жило только в двух округах — Омском и Славгородском.

Теперь заглянем в перепись 1970 г., единственную пока полностью опубликованную и отражающую национальный состав населения по областям. В Сибири в 1970 году жило около 450 тысяч немцев, или их число против 1926 года выросло примерно в шесть раз. В том числе в Кемеровской области их стало 52 тысячи человек, почти столько же, сколько их было в двух самых «немецких» округах Сибири. И если раньше немцы Сибири жили почти исключительно в селе, то ныне их городское население в нашей области составляет 40,8 тыс., или 76%. Небо и земля против 1926 года!

Говоря о законных правах немцев, бросим взгляд на их достаточно долгую и сложную историю. Как они попали в Россию, где жили до свирепых указов 1941 года?

Исходным моментом для массового появления немцев в России, предков нынешнего немецкого населения, в том числе и в Кемеровской области, послужили указы Екатерины

II от 1762 и 1763 годов. Первый указ, провозглашенный молодой и энергичной немецкой принцессой на русском троне, был короток и неясен — это было лишь приглашение «всем иностранцам» приехать и поселиться в России. Идея не нова, прецеденты были в Австрии, в Пруссии, в английских колониях в Америке. Этот призыв Екатерины II не подействовал, никто не откликнулся и не приехал. Поэтому через год последовал еще один указ — от 22 июля 1763 года — на этот раз с конкретными обещаниями льгот и преимуществ для переселенцев в Россию: религиозная свобода, свобода от воинской повинности и, конечно, от крепостного права, предоставление больших участков земли, домов, кредитов, оплата проезда и содержания во время пути. Одновременно была создана специальная Контора опекунов иностранных переселенцев в ранге министерства и под главенством всемогущего фаворита императрицы Григория Орлова.

«Милостивая императрица создает в России рай для своих земляков», которые не будут знать забот и нужды и из западноевропейских бедняков превратятся в процветающих новоселов на обширных землях России, «где они только пожелают». Такова была основная мелодия, которую хором запели российские дипломаты и многочисленные нанятые ими «комиссары» и просто вербовщики «царицы Севера».

Указ 1763 г. касался, оговорюсь, не одних только немцев, он был переведен на французский, английский, итальянский и другие европейские языки, приглашались «все иностранцы». Но приехали практически одни немцы.

Действительно ли сыграло здесь свою роль немецкое происхождение Екатерины II, а также многочисленные династические связи Романовых с немецкими княжествами? Очевидно, нет. Вспомним, что Екатерина II всячески, и небезуспешно, старалась подчеркнуть русский характер своего правления и не допускала в Россию даже своих ближайших родственников, не говоря уж о различных дворянах-авантюристах, которыми кишел Петербург при ее предшественниках, Анне и Елизавете.

Причины «немецкого перекоса» в вербовке

переселенцев надо искать не в немецком влиянии при дворе, а в самом положении немецких государств того времени. Только что закончилась Семилетняя война 1756—63 гг., опустошившая значительную часть Священной Римской империи германской нации, как в XVIII веке назывался пестрый конгломерат немецких королевств и княжеств. Само существование этих государств, полу- и квазисамостоятельных, было национальным бедствием, тормозом культурного и экономического общения и развития будущей германской нации, которая оформилась только к 1871 году. Сравнительно поздно стал развиваться и общенациональный язык, народ еще говорил исключительно на местных диалектах. В тесных пеленках зарождалась национальная буржуазия, еще не существовало общенационального сознания и патриотизма, который получил толчок в своем развитии лишь в период войн 1806—1813 годов. Германия XVIII века была отсталой сельскохозяйственной страной, население ее состояло в основном из крестьян и ремесленников, страдало от междоусобиц и жестокого феодального гнета, в отличие от единых и более развитых европейских стран, таких как Франция, Англия и Голландия.

Вот и причина того, что в Россию приехали главным образом немцы.

Зачем понадобились иностранцы Екатерине, спросит читатель. Дело в том, что крепостное право и интересы помещиков препятствовали заселению и сельскохозяйственному освоению вновь приобретенных обширных пространств Южной России от Днестра до Урала, заселенных только кочевыми народами да беглыми казаками. «Тщетна пустыня без обитателей», — писала молодая Екатерина II, в полном согласии с тогдашними экономическими и социальными теориями.

Вспомним Павла Ивановича Чичикова: лицо не историческое, но вполне реально описанное Гоголем на фоне нравов и обычаев русского дворянства. Ведь недаром он приобрел свои «мертвые души» под видом того, что покупает крестьян не с землей, а «на вывод в Херсонскую губернию». Эта афера имела под собой историческое обоснование: имен-

но там, под Одессой, Мариуполем, Бердянском, Мелитополем имелись в те времена (и до середины XIX века) обширные незаселенные степи и угодья, принадлежавшие государству или бывшие номинально во владении различных вельмож, которые сами там не жили, крестьян и хозяйства не держали. Было где развернуться и чичиковым и официальным колонизаторам Юга во главе с герцогом Ришелье, губернатором Одессы и Херсонской губернии (центром ее и была Одесса).

Однако, кроме «мертвых душ», переселять на Украину было некого: помещики не стремились на южную целину, а насильственно переселенные государственные крестьяне быстро превращались либо в мертвые, либо в беглые души, они, как говорилось в те времена, «сказывались в нетях» в любом случае. Отсюда было уже недалеко и до идеи о «поселении иностранных», которая долго витала в петербургских дворцах и канцеляриях и была осуществлена в отношении немцев, а также болгар и греков, которые бежали от турецкого гнета в Россию в начале XIX века.

В основном вербовочные кампании проводились с 1762 по 1819 год, с перерывами, вызванными наполеоновскими войнами и другими событиями в Европе. Так, в Поволжье переехали в 1763—1768 годах около 27 тысяч немцев-колонистов, на Юг первыми приехали в 1790 году прусские меннониты, за ними последовали в начале XIX века тысячи переселенцев из Южной Германии, главным образом из Вюртемберга.

Меннониты, составившие потом значительную часть сибирского немецкого населения, были этническими выходцами из Голландии. Еще в XVI—XVII веках они переселились в Северную Польшу, где около Данцига осваивали болотистые земли в устье Вислы и поэтому получили привилегии и земли от польских королей. В конце XVIII века они попали под власть Пруссии, подверглись экономическим и религиозным притеснениям и вынуждены были эмигрировать в Россию. Но к этому времени они уже онемечились, восприняли местный немецкий диалект Данцига и даже в богослужении перешли на немецкий литературный язык, так что в Россию они прие-

хали уже как немцы; но со своим особым вероисповеданием, возникшим еще в Голландии и Северной Германии XVI века.

Все эти переселенцы пользовались льготами по указу 1763 года и получили в России относительную самостоятельность: свои колониальные конторы и комитеты, которые, хотя и управляли ими при помощи палочно-крепостнических мер, все же не могли их лишить дарованных указом царицы свобод и привилегий, что в крепостной России было редким исключением. Либеральный герцог Ришелье и «добрый старик» генерал Инзов (это он опекал ссыльного Пушкина в Кишиневе) были в числе наиболее известных «попечителей» иностранных колонистов в начале XIX века.

Однако в целом жизнь колонистов в первые десятилетия нового века была отнюдь не блаженством. Приходилось осваивать целину, новые хозяйственные приемы, новую профессию хлебороба (до половины колонистов было ранее ремесленниками). Надо было также отбиваться от взяточников и хапуг в чиновных мундирах и в купеческих чуйках, приспосабливаться к климату, преодолевая болезни, вызванные непривычными эпидемиями. Обещанные дома были еще не готовы, приходилось жить в землянках и все создавать заново. Кредиты и помощь поступали плохо и разрывались в пути, причем кредиты надо было потом возвращать правительству. Это все вызывало недовольство колонистов Поволжья, которое и подтолкнуло многих из них присоединиться к восстанию Пугачева в 1775 году.

Все эти события национальной истории немцев в России не описываются в наших учебниках истории, даже в университетских, за последние 50 лет на русском языке вышло не более десятка статей по истории колонистов-немцев — и ни одной книги. Вот почему мы сейчас относительно подробно рассказали читателю о возникновении немецкой деревни в России, хотя и нас, и самих немцев больше волнуют не древние, а последние страницы их истории.

Вместе со всей страной эта деревня прошла длительный процесс развития, хотя и была изолирована от русского и украинского крестьянства различными барьерами. Среди них:

своя вера (колонисты принесли с собой четыре религии), отдельная администрация, другой язык с несколькими диалектами, особое и более благоприятное социальное развитие как в силу национальных особенностей, так и в результате дарованных привилегий.

Вот только один пример. В отличие от русской в немецкой деревне крепостного права отменять не было необходимости, его там не было. Но реформа была все же проведена в 1866—1871 годах. Капитализм стучался в дверь, в немецкой деревне даже гораздо раньше и сильнее, чем в русской. Однако и с немца-колониста «вместе с оковами сняли и сапоги» — была ликвидирована отдельная администрация, делопроизводство было переведено на непонятный еще колонистам русский язык, для них была введена воинская повинность. Православное духовенство метало громы и молнии против влияния немецких сектантов на русскую деревню. В свою очередь колонисты опасались сплошной русификации своей школы и затем обращения их в православие, не говоря уже о страхе перед многолетней военной службой, ведь совсем недавно, при Николае I, служили по 25 лет!

Вот почему результатом реформы немецкой деревни была эмиграция примерно 30 тысяч немецких крестьян из России. Наивные люди могут подумать, что немцы возвратились на свою родину, которая как раз в это время обрела национальное единство и государственную целостность. Как бы не так!

Практичный крестьянин-немец из России не захотел снова становиться под ярмо германских помещиков, он ринулся туда, где ему предоставлялась «земля и воля» — в Америку, в США и в Канаду, где новоселам по закону отрезали такие же участки, как и в России — по 60—65 гектаров. В Германии это было немислимо, столько земли там имели даже не все помещики.

Но большинство колонистов остались в России, на своей новой родине, где они прожили уже по 80—100 лет. За несколько поколений их численность возросла с примерно 100 тысяч до полутора миллионов, при этом они отделились от своих германских сородичей по быту, привычкам, стали настоящими южно-

русскими степняками. В то же время языковой и социальный барьер не давали им почувствовать страдания крепостной России и присоединиться массами к ее революционному движению, хотя немцы были и среди декабристов, и среди народников, в том числе среди участников заговора Александра Ульянова в 1887 году.

Волна за волной с конца прошлого века шла шовинистическая пропаганда против немцев, она обрела особенно жестокий характер в период первой мировой войны; всем колонистам грозило выселение в Сибирь согласно так называемым «ликвидационным законам» 1915 года.

Октябрьская социалистическая революция освободила колонистов от национальных и религиозных преследований, которым они подвергались в последние десятилетия царствования Романовых, от угрозы ссылки в Сибирь (колонисты Волыни уже были сосланы в Поволжье и на Урал), а также от черносотенной думской «Комиссии по борьбе с немецким засильем», которая везде разыскивала «внутреннего врага».

В годы гражданской войны немцы-колонисты, или поселяне-собственники, как их официально называли с 1871 года, оказались между двух огней — они ненавидели дворян-помещиков и русских шовинистов, но побаивались и за свое имущество, прежде всего за землю, перед лицом революционного русского крестьянства. Поэтому они в основной своей массе пытались отсидеться, запирая ворота как перед красными, так и перед белыми. Однако далеко зашедшее расслоение крестьянства, разгласия между собственниками земли, фермерами и хуторянами и массой безземельной бедноты, особенно в Поволжье, приводили к тому, что колонисты сражались как на той, так и на другой стороне. Из колонистов Поволжья были сформированы несколько конных полков Красной Армии, а сибирские немцы участвовали в Чернодольском восстании 1918 года против Колчака и Анненкова. В то же время меннониты Юга пострадали от анархистов-махновцев, а потом поддерживали против них белых, пытаясь одновременно сохранить нейтралитет по отношению к Красной

Армии (эта позиция до сих пор просматривается в работах меннонитских историков-эмигрантов).

Как бы там ни было, но по окончании гражданской войны предстояла большая политико-массовая работа с немецким крестьянством — своеобразной частью российского крестьянства. Но кто мог взяться за такую работу, если большевики заведомо не имели таких кадров, их опора в немецкой деревне была очень слаба, ибо выходцев из колоний среди рабочих в городах и среди интеллигенции было очень мало?

На помощь пришли коммунисты-интернационалисты, главным образом бывшие военнопленные из числа германских и австрийских солдат, в прошлом связанные с социал-демократией своих стран, сражавшихся на стороне Красной Армии в гражданской войне. Из них были образованы в 1917—1918 гг. немецкие секции РКП(б) со своим центром в Москве (Федерация иностранных групп при ЦК РКП(б)). С августа 1920 года они переклЮчили с РККА на работу с немецкими колонистами: проводили беспартийные конференции, создавали Советы и кооперативы, партийные организации на местах и газеты. Так, в Омске начала издаваться газета «Вельтреволюцион» («Мировая революция»). потом она стала называться «Дорфрат» («Сельский Совет»), а позже, уже в Новосибирске, — «Ландман» («Крестьянин»). Как видим, уже в названиях прослеживается изменение политики партии и немецких секций — от военного коммунизма к власти Советов и затем к НЭПу. Хотя численность немецких секций была невелика (большинство военнопленных, в том числе и коммунистов, после Брестского мира возвратилось в Германию и Австрию), заслуги их весьма значительны, они были первым связующим звеном между партией и немецким крестьянством, особенно за пределами Поволжья.

Тем не менее следует признать, что влияние города, партии и рабочего класса в немецкой деревне было в 20-е годы еще очень слабым, в городских партийных организациях было мало выходцев из крестьян, на селе таких организаций не было вовсе, профсоюз

сельскохозяйственных рабочих авторитетом не пользовался. Фермер и зажиточный середняк командовали в сельских Советах, по-прежнему сохраняли свое влияние на духовный мир крестьянина церковь и секты. Особенно консервативной оказалась в это время меннонитская деревня Сибири, где проживало до половины немецкого крестьянства (на Украине — только 19%).

Замечу, что речь идет пока о старожильческих немецких поселениях, которые образовались в Сибири, главным образом, в 1906—1910 годах, в ходе столыпинской реформы и переселения немецких колонистов в Сибирь. Эта деревня к 1914 году едва успела отстроиться и organizоваться, развитие капитализма и расслоение здесь еще не зашло так далеко, как на Юге, пролетарские элементы были крайне слабы.

Иным было положение в Поволжье: здесь уже в 1918 году был образован по указанию В. И. Ленина Поволжский немецкий комиссариат, затем была создана Трудовая коммуна немцев Поволжья, она была территориально расширена и округлена в 1922 году за счет присоединения ряда русских и украинских поселений, а в 1924 году преобразована в Автономную Советскую Социалистическую республику немцев Поволжья. Крестьяне там были не собственники, как на Юге, а общинники. Их наделы были изначально вдвое меньше (35 десятин), в последующем они все больше уменьшались в ходе переделов и при передаче по наследству. Поэтому часть колонистов Поволжья еще в 70—80-е годы XIX века перешла от земледелия к ремеслу, особенно распространилось ткачество, изготовление дешевой хлопчатобумажной ткани «сарпинки», образовался значительный слой предпролетариата, многие соединяли занятия ремеслом и земледелием на своих крохотных участках (душевой надел доходил до одной или полутора десятин). Поэтому в Поволжье Советская власть имела более широкую базу среди сельской бедноты, хотя промышленный пролетариат только зарождался. Первая текстильная фабрика была построена здесь в 1901 году, в 1914 было кроме того только 9 молокозаводов и один машиностроительный заводик.

В Поволжье не было ни одного немецкого ВУЗа, кто хотел и мог учиться, ехал в Саратов или другие университетские города и учился там по-русски. Национальная интеллигенция или рассеивалась, ассимилировалась, или делала, в лице сельских учителей и врачей, свои первые шаги.

Вот почему создание АССР немцев Поволжья было событием огромной важности, и не только для тех немцев, которые там жили. Республика стала основной опорой Советской власти, там скорее всего были созданы партийные и комсомольские организации, отсюда выходили новые кадры: в АССРНП было пять вузов и 11 техникумов. Важной культурной школой для колонистов, в том числе и школой русского языка, была служба в Красной Армии (только меннониты и баптисты стремились уклониться от нее, тем более что и советские законы это разрешали).

Но прежде чем республика образовалась и пошла по пути строительства социализма, ей предстояли большие испытания: борьба с декиндцами и с белобандитами, жестокая борьба с голодом 1921 года, которая потребовала помощи всей страны и мировой общественности. Население республики уменьшилось в том году на 20%, количество скота — на 75%, восстановительный период проходил мучительно и медленно. Поэтому беднота Поволжья долго еще жила не в пример скромнее богатых колонистов Юга, Закавказья и даже Сибири. При этом не надо забывать также суровые климатические условия Поволжья, где размещался даже специальный институт по борьбе с засухой.

Таково было, в общих чертах, положение, при котором советские немцы (с этого времени мы уже можем называть их так) подошли к массовой коллективизации. Подготовленность немецкого крестьянства к этой революции в жизни деревни следует оценивать диалектически. С одной стороны, немец-крестьянин был много грамотнее своего русского соседа, лучше технически подготовлен, механизация сельского хозяйства здесь началась уже в 70—80-е годы XIX века, о сохе и деревянной бороне давно уже и речи не было, во многие деревни пришло даже электричест-

во, племенная работа со скотом была поставлена достаточно хорошо, то же с семеноводством, виноградарством и с другими сферами хозяйства и быта. Но, с другой стороны, немецкое крестьянство было в значительной мере оторвано от культурной и политической жизни России и СССР, не знало ни русского языка, ни русской литературы, не имело своего революционного движения и было обособлено от демократических традиций России, а в еще большей мере — Германии. Последним словом светской культуры в немецкой деревне были германские классики XVIII—XIX веков, например, Шиллер, своей литературы было мало, советской — тем более. До сих пор история немецкой литературы в России зияет пробелами и «безгласными» периодами. Только Библия была повседнежным чтением немца-крестьянина на протяжении двух веков его жизни в России (недавно один из наших журналистов рассказывал мне, как он учился грамоте по Библии — других книг в доме не было, — и это в середине XX века, этому журналисту сейчас 53 года).

О подготовленности к коллективизации в немецкой деревне немало говорит и следующий факт: в 1927 году в одной из советских немецких газет был напечатан фантастический рассказ «Деревня 1942 года». Понятно, что автор его не предвидел новой мировой войны и всех связанных с этим событий, но он, как ни странно, не предвидел и коллективизации 1930—31 гг., в его представлении и в 1942 году немецкая деревня, пользующаяся уже авиачтой и другими благами цивилизации, будет жить при частном хозяйстве, разделенная на бедняков и богачей.

Хорошо известны факты перегибов, злоупотреблений, экономических и политических потерь во время ускоренной коллективизации. Но то, что произошло в немецкой деревне, было беспрецедентным: массы крестьянства снялись с места и ринулись за границу. Подмосковные поселки Тайнинка, Перловка и другие вдруг наполнились людьми в шубах, говорившими на непонятном языке. Это были примерно 30 тысяч меннонитов с Урала, из Сибири и с Южной Украины, которые добивались возможности выехать в Канаду (примечательно — сно-

ва за океан, а вовсе не в Германию). Но Канада отказалась принять такую массу эмигрантов, только пятая часть их пробилась в Германию, откуда они в большинстве своем выехали в Южную Америку, остальные были возвращены в свои деревни. После примерно полутора лет странствий и мытарств, после полного развала брошенных хозяйств, немецкое крестьянство Сибири с помощью государственных кредитов и организации МТС все же перешло на колхозные рельсы. И... неожиданно быстро, оно показало отличные результаты, многие колхозы немецких деревень стали образцовыми; участвовали в сельскохозяйственной выставке 1939 года в Москве. В них выплачивали колхозникам по несколько килограммов зерна на трудодень, что было несравнимо со средней русской деревней. В немецкую деревню пришли патефон, радиоприемник, велосипед — предметы роскоши для тогдашней советской деревни (даже в Москве не все семьи имели возможность купить велосипед, мотоциклы за 1200 рублей годами пылились в спортивных магазинах, никто их не покупал за такие бешеные деньги).

АССР немцев Поволжья также развивалась ускоренными темпами, коллективизация была здесь закончена сравнительно быстро (детали ее проведения еще не изучены), в 61 МТС было 5,5 тысяч тракторов и полторы тысячи комбайнов, уровень механизации земледелия достигал 83%, хотя только 15 МТС были электрифицированы — так информирует нас 39-й том тогдашней Большой Советской Энциклопедии (не знаю, как читатель, а я с трудом представляю себе МТС без электричества).

Труд и быт немецкого крестьянина не только механизировался, но и обретал несомненно общесоветские черты, которые сближали немца-колхозника со всем советским народом. Тут шла подписка на займы, сбор средств на самолет «Советский немец», в школах, техникумах и вузах бурно развивалась новая советская культура, крепили связи с германскими антифашистами (например, Эрих Вайнерт и Эрнст Буш, поэт и певец, гастролеровали в АССРНП). На собраниях и в печати немцы-колхозники выступали против германского фашизма и его

попыток воздействовать на немецкие меньшинства за пределами Германии, а такие попытки уже предпринимались.

Помню, как потряс меня один случай. В 1957 году я присутствовал на собрании выселенных из Поволжья советских немцев в далеком сибирском селе, в 200 километрах от железной дороги. После официальной части встал их учитель и земляк Иоганн Ворм (и ныне еще активный корреспондент газеты «Нойес Лебен») и предложил: «А теперь давайте споем!» Я ожидал немецкие народные песни или бытовую музыку, что раздастся на свадьбах и при застольях всякого рода. А они по мановению руки учителя запели «Песню единого фронта», «Молодую гвардию» и другие песни 30-х годов, которые, казалось бы, были далеки от крестьянского быта. Но это были уже другие крестьяне, советские немцы в полном смысле этих слов.

1941 год и начало Великой Отечественной войны советские немцы восприняли и пережили так же, как и все советские люди. Германский агрессор был для них таким же чужим завоевателем, как и для всех советских народов. В первые месяцы войны немцы-колхозники, так же как и их соседи, провожали отцов и сыновей на фронт, переживали их отступление и их неудачи, оплакивали гибель бойцов и подвиги героев. Так, в последние годы газета «Нойес Лебен» опубликовала сотни фотографий бойцов 1941 года, которых до сих пор разыскивают родственники, а сколько их погибло неизвестно? Были среди них и свои герои, например, комсомолец Генрих Гофман из Поволжья, замученный захватчиками, — о нем писала «Комсомольская правда» 24 августа 1941 года.

Гром грянул из тревожного военного неба буквально через четыре дня после публикации. Только в газетах немецкой республики был напечатан тогда указ Верховного Совета СССР с чудовищными обвинениями в адрес немцев Поволжья как якобы пособников и укрывателей германских шпионов и диверсантов, которыми будто бы кишело уже все Поволжье. Решение вопроса: республику ликвидировать, всех немедленно переселить в Сибирь и в Казахстан, предоставив там «пособникам шпио-

нов» — что бы вы думали? — «плодородные земли для заселения». Все немцы-военнослужащие, в том числе коммунисты, были отозваны с фронта и отправлены в Трудармию, на Урал и в Сибирь, на строительство железных дорог, военных заводов и на лесоповал.

«Однажды утром мы были разбужены громким собачьим лаем, криками и глухими ударами в двери наших теплушек. Через зарешеченные окошки врывался яркий свет прожекторов. Загремели засовы, распахнулась тяжелая дверь вагона. Сначала нас ослепил яркий свет, но тут же мы увидели на путях солдат с автоматами и с собаками. Мы невольно вздрогнули, уж не хотят ли нас здесь расстрелять на месте...»

Но это было не прибытие эшелона с осужденными, уголовниками, это было прибытие трудармейцев на место работы, они были посланы на лесоповал без следствия (и суда только за то, что у них в документах была обозначена национальность «немец»).

Стратегические железные дороги, мосты и заводы, в том числе алюминиевые и танкостроительные, химические комбинаты, шахты Кемерово и освобожденных районов Тульской области, новые совхозы на целине, которая еще так не называлась, — по размещению немецкого населения за Уралом и сегодня можно изучать географию лагерей и важнейшихстроек военного времени.

Но и после войны они не вернулись в свою республику, в свои деревни на Украине или в Закавказье. Многие тысячи вообще не вернулись никуда, они погибли в лагерях от холода, голода и непосильного труда.

В немецких деревнях Сибири и Алтая стоят памятники с метой времени — 1941—1945. Но без единой фамилии. Стоят молча...

Девушек и женщин тоже не миновала эта судьба — трудармия взяла всех, у кого не было детей до трех лет. Судьбу детей старше трех описывать невозможно, «перо встает дыбом», как это говорят по-немецки.

И все это было окружено глухой стеной секретности. Никто не знал, куда девалась АССР немцев Поволжья, прибывшие в трудармию фронтовики только там узнали, что их семьи выселены в Сибирь и в Казахстан, что

немецкие колхозы разорены, дома и хозяйства брошены на произвол судьбы. Ужасы 1937 года повторились здесь тысячекратно и с беспримерной свирепостью.

Однако, как в свое время сказал Константин Симонов, народ не бывает плохим. Советские немцы не озлобились, не озверели в ссылке и в лагерях. Они сами, против воли «начальства», воссоздали свои партийные и комсомольские организации, организовали ударные и фронтовые бригады, собирали деньги на постройку танков и самолетов, однажды были удостоены даже благодарственной телеграммы Верховного Главнокомандующего, причем в телеграмме была упомянута и их национальность.

Некоторые из них шли даже на огромный риск — бежали из лагерей на фронт, вступали в армию под чужой фамилией, воевали и получали ордена как самозванцы, мнимые Волковы, Петровы и Ивановы. Одного из них я знал лично, он воевал, вернулся, женился на медсестре и спокойно жил как обычный гражданин, а потом был «разоблачен» и оказался в лагере строгого режима — к счастью, это было уже в 1952 году, через год его освободили — умер Сталин.

Другим Победа не принесла даже и временной свободы: по тайному указу 1948 года (о его существовании общественность узнала только теперь), все советские немцы, как и представители других «наказанных народов» были навечно оставлены там, куда их закинули репрессии, без права выезжать даже в соседнюю деревню, к родственникам, на учебу и т. п. Вместо паспортов они имели во всех случаях только справки МВД, они должны были ежемесячно отмечаться у комендантов, не отличаясь этим от политических ссыльных, которых мы видели в фильме «Хмурое лето 1953 года». Даже бывшие военнопленные вермахта уже давно были в родных местах, а этим людям «малая родина» не светила и впредь, они были посланы «навечно».

Слава Богу, что диктаторы тоже не вечны, уже 1955 год покончил с этим позором: вернули паспорта, отменили комендатуры и «спецучет», разрешили свободно ездить по стране, за исключением, однако, того района,

где жили до войны. Освоение целины дало возможность многим семьям «спуститься к Югу» в пределах Сибири. Тем более воспрянули сибирские немцы-старожилы, они активно участвовали в освоении целины и в развитии сельского хозяйства, многие были награждены орденами, скоро появились и первые герои социалистического труда из немецких деревень. В 1955 году вышли первые номера немецкой газеты на Алтае, с 1957 года началось преподавание родного языка по расширенной программе в немецких деревнях Сибири и Казахстана, открылись немецкие отделения в педтехникумах и институтах, с мая 1957 года выходит центральная немецкая газета «Нойес Лебен».

Но эти первые ласточки национального возрождения так и не принесли ни возвращения на «малую родину», ни восстановления национальной государственности советских немцев, которая была представлена калмыкам, чеченцам и некоторым другим народам. Продолжалась вынужденная ассимиляция молодежи, целые поколения выросли без обучения родному языку. Восстановленная немецкая литература, крайне ограниченная по своим возможностям (два слабых издательства и один полугодовой альманах на два миллиона населения), постепенно теряла своих читателей. Одна делегация за другой, всего их было пять, ехали в Москву с петициями о восстановлении автономии на Волге. В 1964 году официально, но без широкой огласки, был отменен указ 1941 года о немцах Поволжья, все обвинения в сотрудничестве с фашизмом были признаны недействительными. Но центральная и вся русская пресса хранила молчание об этом, само существование немцев в СССР замалчивалось и скрывалось под рубрикой «прочие национальности». Характерен такой факт: при публикации результатов переписи населения 1959 года даже 800 тысяч немецкого населения Казахстана были спрятаны под этой рубрикой, немцев в Казахстане как бы совсем не существовало.

Впрочем, молчали только по-русски, по-немецки в течение этих 30 лет все сведения печатались и читались самими немцами и всеми желающими во всем мире — но не в СССР.

Только перестройка позволила наконец выплеснуться на страницы центральных газет тому, что уже десятилетиями обсуждалось в национальной печати (правда, с некоторыми ограничениями — не писали и там ни об АССРНП, ни о Трудармии). Теперь «Знамя», «Дружба народов» (само название обязывало бы сделать это раньше!), «Собеседник», «Правда» и другие начали раскрывать секрет Полинеля, писать о трагической судьбе советских немцев. Но до сих пор нет ни книг, ни даже серьезных статей по их истории на русском языке. Существовавшая до 1941 года литература уничтожена или стала библиографической редкостью, специальных библиотек или научных журналов нет, в некоторых советских научных журналах даже статьи о немцах появлялись «под псевдонимом» — в заголовке слово «немцы» или «немецкая деревня» не фигурировало. До сих пор нет в СССР ни одной школы, техникума или вуза, где преподавание велось бы на родном немецком языке, история немцев в СССР нигде всерьез не преподается.

Такое неравноправное положение советских немцев привело снова, уже в третий раз, к такому печальному явлению, как эмиграция.

Однако эта эмиграция, в последние годы ставшая массовой, проходит совершенно иначе, по сравнению с двумя первыми, 1871 и 1929 годов! Официально объявленной причиной ее было в течение долгого времени (это подтверждалось и на правительственном уровне) воссоединение семей. Однако это мнимое воссоединение почему-то направлялось не в сторону СССР, а постоянно в сторону ФРГ. Нет никакой речи ни о США, ни о Канаде, где заведомо имеются сотни тысяч потомков прежних эмигрантов. Почему же на этот раз наши люди «воссоединяются» только с гражданами ФРГ, почему не приглашает свою родню «Джек Восьмеркин, американец»? Неужели все наши советские немцы хором вспомнили, что их предки 200 лет тому назад выехали в большинстве своем как раз из южной части Западной Германии?

Дело обстоит и проще и сложнее. Родственниками советских немцев в ФРГ оказывались в последние годы вовсе не оставшиеся на месте члены семей их предков, отдаленные по-

томки и
или Вюр
корни б
му врем
мировой
ные лиц
леровски
ритории
Запад в
ска наш
мецкие
ным, их
ном при
гивали
бирью и
ровцами
падноге
доказы
и было,
панты
людей
и стара
украино
ственны
а приб
будущи
Герман
нюдь н
бывшей
магочи
после
они до
стьян,
силь пр
землях.
Но в
ней —
окужа
же мо
отправ
леннос
и вско
манин
щей Г
свои с
захста
Их бы
зались
ванны

томки и родственники эмигрантов из Гессена или Вюртемберга XVIII века. У этой родни корни были гораздо мельче и ближе к нашему времени: это невольные эмигранты второй мировой войны, так называемые «перемещенные лица» и их потомки. Дело в том, что гитлеровский вермахт, отступая в 1944 году с территории Советской Украины, угнал с собой на Запад все немецкое население. Советские войска нашли на Украине совершенно пустые немецкие деревни. Этот исход не был добровольным, их угоняли под охраной, силой и обманом принуждая покидать родные места, запугивали их (правда, не без основания!) Сибирью и расправой за сотрудничество с гитлеровцами. Но последние работы даже западногерманских историков неопровержимо доказывают, что такое сотрудничество, где оно и было, широкого масштаба не имело. Оккупанты рассматривали советских немцев как людей второго сорта и им не доверяли, хотя и старались их всячески рассорить с русским и украинским населением. Самим им на их собственных землях хозяйствовать не позволили, а приберегали земли немецких деревень для будущих фашистских «колонистов» из самой Германии. Цель гитлеровцев заключалась отнюдь не в воссоединении советских немцев с их бывшей родиной, этот лозунг был только демагогической приманкой. На самом деле их после выселения направили в Польшу, где они должны были занять место польских крестьян, изгнанных из своих деревень, и повысить процент немецкого населения на польских землях, укрепить фашистский «восточный вал». Но в Польше они оказались между двух огней — между властью оккупантов и ненавистью окружавших их поляков. Мужчины были тут же мобилизованы в германскую армию или отправлены на работу в военную промышленность, старики и дети остались в Польше и вскоре пополнили колонны беженцев в Германии. Там оказавшиеся на территории будущей ГДР были возвращены в СССР, но не в свои села, как они думали, а в Сибирь и в Казахстан, где уже отбывали ссылку их земляки. Их было 200 тысяч, а остальные 100 тысяч оказались в Западной Германии и, под массированным воздействием западной пропаганды и

действительно опасаясь повторения трагической судьбы советских военнопленных, русских и других, которых Сталин направил в лагеря и в ссылку, а также реальной судьбы своих родственников в СССР остались худо-бедно жить в будущей ФРГ.

Вот так появились у наших советских немцев «свежие» родственники на Западе, которые и стали при поддержке правительства ФРГ бороться за «воссоединение семей», фактически за то, чтобы наши люди выезжали в ФРГ и пополняли там ряды неквалифицированного рабочего класса — ведь куда лучше иметь свои, национальные «низы общества», чем турецких, греческих или испанских рабочих, которые долгие годы занимали нижнюю ступеньку в обществе ФРГ.

Теперь история с «перемещенными лицами» и с «воссоединением семей» заканчивается, в действие вступили уже другие факторы — различия в уровне жизни, страх за национальное существование, неуверенность в будущем, которые снова и снова толкают массы советских немцев на эмиграцию в чужую страну, где у них даже и нет никаких родственников, в страну, которую они не знают и которая их ныне принимает с весьма кислой миной. Наши люди хотят сохранить свой язык и культуру в однонациональной немецкой среде, но вынуждены и там приспособляться к окружению, фактически ассимилироваться, исчезать как своеобразный народ.

Не желая окончательно кануть в небытие, советские немцы создали общество «Возрождение», которое ставит своей первейшей задачей восстановление автономии на Волге и сохранение советских немцев в качестве этнической общности, сохранение их национального самосознания, языка и культуры. Правда, восстановление АССРНП в Поволжье, даже проведенное немедленно и со всей решительностью, не разрешит всех проблем советских немцев, ибо за рамками автономии неизбежно останутся те люди, которые никогда там не жили, а также те, которые по экономическим, семейным или другим причинам не захотят туда поехать. Поэтому кроме проблемы автономии останется и вопрос о немецких национальных меньшинствах в других областях

и республиках, останется вопрос о восстановлении (как на Алтае и в Оренбургской области) или о создании (как в Северном Казахстане) национальных районов и сельсоветов. Такие районы и сельсоветы существовали в 20-е и 30-е годы, и следует признать, что они воплощали собой наиболее реальный метод разрешения национального вопроса в СССР. Нам представляется, что кроме закона о республике (указа окажется, по-видимому, мало, ибо надо же определить и порядок восстановления республики, порядок возмещения расходов по переезду, порядок возведения там новых поселков, как это предусматривает «Возрождение» в своей программе) потребуется еще один, более общий закон—о правах национальных меньшинств на территории других республик, о предоставлении этим меньшинствам местной национальной самостоятельности, о защите их юридических прав и т. д. Мы легко говорим, что каждый гражданин СССР имеет равные права на всей территории страны, но практика показывает, что это далеко не так, что

нужна правовая защита меньшинств. Без такого закона не может быть надежной, устойчивой национальной политики на местах, не будет гарантии от того, что при очередном повороте в политической жизни страна будет становиться для национальных меньшинств, особенно для тех, у которых есть «родственники за границей», не родной матерью, а злой мачехой.

Так сколько же можно вертеть «историческим листом» мать-и-мачехи, как хвостом на политическом ветру? Когда же «наказанные народы» получают кроме декларации о реабилитации, которая их никак не согрела, действительно и полностью восстановленные национальные права и хотя бы какое-то возмещение за те страдания, которые они претерпели по вине административной системы ровно за половину столетия?

Пора решать эти вопросы, если страна не хочет потерять миллионы своих деятельных, культурных и старательных сограждан.

г. Барнаул

СЕГОДНЯ НА ДВОРЕ ДРУГАЯ ПОГОДА

(перспективы автономии для советских немцев)

В конце марта прошлого года в Москве состоялась учредительная конференция активистов движения за восстановление государственности советских немцев.

Как известно, они первыми в составе советской России получили автономию летом 1918 года по декрету Ленина. В 1941 году АССР немцев Поволжья была ликвидирована сталинским произволом вследствие неуклюжей провокации органов НКВД.

Прошедшая конференция оказалась самой представительной и организованной из всех попыток такого рода и встретила наименьшее сопротивление со стороны властей. Делегаты

создали Всесоюзное общество советских немцев «Возрождение», приняли программу и устав. Избран координационный центр из 33 человек, а также его президиум и три сопредседателя. Теперь первоочередной задачей центра является официальная регистрация общества. Одновременно его лидеры будут, как сказано в одном из принятых решений, добиваться создания Государственной комиссии по восстановлению Автономной Республики советских немцев на Волге, с тем чтобы придать вопросу реальные очертания еще до предстоящего Пленума ЦК по межнациональным отношениям.

Конференция проходила в самом центре Москвы в здании Политехнического музея, который одним своим торцом выходит на Старую площадь, а другим — в сторону Лубянки. Некую символику в такой геометрии определенно можно сыскать. Ибо проблему, которая свела здесь 105 делегатов из 32 областей и регионов, решать будут прежде всего две организации, расположенные по соседству — ЦК КПСС и КГБ. Проблема эту можно сформулировать так: несообразное нынешнее политическое и национальное положение двух миллионов советских немцев и восстановление их государственности в пределах Союза ССР.

Комитет помянут здесь не всуе. Вся история, вся жизнь советских немцев — духовная, общественная, производственная да просто частная — вот уже около полувека мертвым узлом повязана с этой организацией. НКВД осенью 41-го организовал и провел насильственную депортацию немцев, живших в Поволжье (в своей республике), на Кавказе, по обе стороны хребта, в Крыму, на Украине (правда, отсюда выселили еще раньше и только тех, кого успели). Из европейских городов, больших и малых, проживавших здесь немцев тоже отправили на восток — в Казахстан, Сибирь, Среднюю Азию. С фронтов, из действующей армии — тоже.

За Уралом переселенцев вначале рассеяли по степям, полустепям и тайге. Чтобы ни в коем случае не жили компактно, чтобы с наименьшими шансами могли уцелеть. А уж из этих, и без того не шибко обжитых, мест все по оценке органов работоспособные, т. е. лица обоего пола от 14 до 65, были вскоре отправлены еще дальше: на лесоповал, в шахты, рудники, на строительство дорог и железных гигантов.

Объектов у ведомства Берии на всех хватало. Как называлось на тех или иных этапах данное ведомство, не имеет сейчас значения. То оно объединяло обе функции под одной вывеской, то снова раздваивало свою структуру по специализациям: на внутренние дела и на госбезопасность. И совершенно несущественно, в чьем ведении находилась спецкомендатура, под власть которой попали советские немцы сразу же после войны.

Мне, например, глубоко безразлично, какой масти были погоны у капитана, которому я письменно обязался отсидеть 75 лет. Правда, чохом. Или, говоря народным языком — по совокупности за три последовательно совершенных проступка. Первый подписанный мной формуляр запрещал мне самовольно покидать административную границу города Сталинска (ныне Новокузнецк. — Ред.), дело происходило там. За нарушение — 25 лет заключения. Второй гарантировал мне тот же четвертак за несанкционированный возврат в места выселения и, кажется, еще за требование вернуть отнятое при этом имущество. Третья расписка — опять 25 — за то, что если я когда-нибудь где-нибудь кому-нибудь сболтну о первых двух. Мне было тогда 16, капитан был рыжеволосым добродушным милягой, нам обоим был доведен тезис о винтиках, поэтому мы не питали друг к другу личной неприязни, а напротив, мило поговорили о предстоящей долгой жизни, которую отныне, после подписания трех заключительных актов, органы как бы гарантируют мне. «Ну, это только в том случае, если попадешь к нам», — уточнил капитан. Вот только какая на нем была форма, забыл. Скорей всего, он в тот момент был просто в штатском.

Все это к вопросу о преемственности.

В 55-м отменена комендатура, в 57-м создана центральная газета на немецком языке «Нойес Лебен» — пуховая варежка взамен изношенных ежовых рукавиц, в 64-м выходит полусекретный указ о полitreабилитации советских граждан немецкой национальности, в 81-м образован национальный театр в городе Темиртау под Карагандой. С конца 72-го советским немцам юридически разрешено свободно селиться на территории Союза.

Вот такие перемены... Не густо.

Зато полностью неизменным, вплоть до последнего времени, оставалось пристальное внимание органов госбезопасности к советским немцам (как таковым), т. е. просто как к представителям конкретного этноса, носителям определенных фамилий. Это внимание, эта бдящая подозрительность легко и плавно переходила и в наступательные репрессалии. Конечно, как говаривалось в старину, они имели ме-

сто лишь в отдельных местах, и то лишь иногда, но не чаще, чем порой. Зато только на периферии и лишь вследствие досадных недоработок из-за недопонимания местными властями специфики и сложности вопроса... А то, что 99% немецкой национальности живет в глубокой провинции, то так уж исторически сложилось.

Может, я рано перевел глаголы в прошедшее время. Пожалуй, что рано, поскольку речь именно о национальном вопросе и именно о периферии. Туда перестройка к великой нашей беде доходит пока что лишь в облике центральной прессы.

На конференции Яков Фишер, директор тиртауского театра, достаточно подробно и узнаваемо рассказывал с трибуны о неослабном психологическом давлении на театр со стороны соответствующих органов, о мелких и более крупных неприятностях, чинимых по поводу и без, о партизанских трудностях и опасностях, которые преследовали сборщиков подписей за восстановление автономии. Закончил он, полушутливо призывая делегатов: «Давайте обратимся к руководству страны, чтобы нас передали под опеку другой организации». Раздались аплодисменты. Видимо, они подтвердили актуальность призыва.

А парадокс тем часом заключается в следующем. Партия напрасно опасается, а чекисты зря стоят на чеку. Советские немцы всегда были лояльны к режиму, может, даже больше лояльны, нежели любой другой народ, населяющий нашу страну. Ну если не совсем к режиму, что было бы нечеловечески трудно, то уж к стране, их приютившей. Те, кто знаком с ними, знают: это прилежный, трудолюбивый народ. А работающему человеку недосуг злоумышлять, бузить и диверсанировать.

Однако это простое, доступное умозаключение, похоже, ни разу не озарило чей-либо бдящий охранительный мозг.

Еще Достоевский в «Бесах» поставил убийственный прогноз разбираемому явлению: «Все они от неумения вести дело ужасно любят обвинять в шпионстве».

Чтоб дополнить наш, советских немцев, послушный, безропотный, благонамеренный облик, приведу только один нелестный факт. За все

годы сталинской вакханалии, за десятилетия последующих унижений и официальных оскорблений мы из своей среды — при своей-то витиеватой и трагической биографии, национальном своеобразии, при, может быть, более ясном (да простят меня другие народы!), более прагматическом видении хозяйственного развала в нашем общем доме, со своим иным историческим и духовным опытом, при всем этом! — мы не породили ни одного идейного писателя, ни даже диссидента общенародного масштаба. Это не заслуга наша перед властями — это наш национальный позор. Это наша задолженность стране и ее народам.

Простите за жестокость, братья! Мне ведь тоже известны оправдания. Да, намордник на нас был надет самый жесткий. Интеллигенцию из наших рядов выкосили наиболее чисто. Доступ к образованию был и потом еще перекрыт в течение десятилетий. Да, нас шпыняли и третировали. На нас, несмотря на двухвековое пребывание в России, давил комплекс чужестранца. И множество других инсинуаций втискивали в наши уши и души, среди которых самая бездоказательная, но самая оглушающая — пособничество Гитлеру. Вы, пережившие лагеря и голод, спецпоселения и крепостной труд, бесправие политическое и гнет национальный лучше меня знаете все коварные оттенки, все ядовитые вариации этого обвинения.

Трудно не сникнуть в такой обстановке. Но — можно.

Сегодня на дворе другая погода. Неужто не чувствуется? Пусть она еще не повсеместно дошла до ваших захолустий. Но тогда прислушайтесь к сводке из Москвы.

Перестройке — пять лет. Страна, народ или, скажем осторожней, его передовая мыслящая часть, совершила гигантский скачок — скачок от немоты к гласности. Мы, немецкий процент этого народа, отстаем года на два, мы максимум на полпути. И отставание это на сей раз обусловлено не образовательным уровнем, а узостью взгляда, робостью мысли. Мы до сих пор не выдавили из себя страх, который впрыснули нам в кровь наши тюремщики и охранники. Мы трусливо шарахаемся от любой смелой мысли, потому что наша собствен-

тая — паралитически скована. Мы слишком склонны принимать зашоренное недомыслие за реализм и мудрость. К сожалению, это ощущалось и во многих выступлениях, в самом духе прошедшей конференции. Это наложило — теперь уже машинописно затверженную — печать на ее решения. Тягостно было убеждаться в том, что мысль многих делегатов все еще находится как бы в плену у названных органов.

Да, прошедшая конференция являет собой несомненный успех на долгом, ухабистом пути советских немцев к признанию. Хотя реальных достижений как будто не так уж и много: создано общество, обращено внимание прессы, общественности, зафиксирована организа-

ционная консолидация движения. Но и это невероятно много. Ведь отчет приходится вести практически с нуля.

Делегатов конференции неоднократно хвалили за спокойствие, выдержанность, взвешенность, за единство мнений. Однако похвала исходила по преимуществу из уст аппаратчиков, и это обстоятельство наводит на грустную мысль: имея таких покладистых просителей, власти и на сей раз попытаются спустить идею автономии на тормозах. Благо, опыт у них большой.

Но даже если и будет создана республика, но верх одержит нынешняя поволжская идея, она, на мой взгляд, заведет в тупик, в пустоту.

Д. И.

Николай Калишев

* * *

Макала мендептям —
турбаям,
 тюгюртям...
Партядып эзентям —
кани мендептям?

Парган тёлымда —
тёголтыптям,
 таптям...
Партядып эзентям —
нены педрептям?

Макала мендептям...
Тёлдон чыкпаям —
турбаям,
 партям,
 тюгиртям...
Ятям.

* * *

Агаштын пүрүн салкын үчүртит —
эбиртит,
 өрө чыгартит,
төмөн терге тужиртит...
Кани салкын апартит?

Кижин ядыжын — кем пильтит?
Качан каинда — өрө сены чыгартит,
төмөн тужиртит,
 эбиртит...
Қани писты апартит?

* * *

Всегда спешу —
не стою,
 бегу...
Думаю на ходу —
куда спешу?

На своем пути —
теряю,
 нахожу..
Думаю на ходу —
что ишу?

Всегда спешу...
С пути не схожу —
не стою,
 иду,
 бегу...
Живу.

* * *

Листья с деревьев ветер срывает —
кружит,
 вверх поднимает,
вниз на землю спускает...
Куда ветер уносит?

Человеческую жизнь — кто знает?
Когда как — вверх тебя поднимает,
вниз опускает,
 закружит..
Куда нас несет?

Перевел с телеутского автор.

ТЕЛЕУТСКИЕ СКАЗКИ

ЗОЛОТЫЕ ШАРИКИ

Жили-были два брата. Один богатый, другой бедный.

У богатого не было детей, а у бедного полный дом. Дома у богача было все, но царила мертвая тишина. У бедного брата, наоборот, царила нищета, но каждый день было весело, далеко был слышен звонкий заливистый смех.

От любопытства как-то заглянул богатый брат к бедному и спрашивает: «Почему у вас всегда весело?»

Бедный брат шутя ответил: «У нас с женой есть золотые шарики. Катаются они по всему дому, смотрим, любимся и радуемся».

Ушел к себе домой богатый брат. Наутро съездил на базар и купил себе много золотых шариков. Но они почему-то не катались, только блестели тусклым желтым цветом. Тихо дома у богача.

Снова идет богач к дому бедного брата. Захотелось ему посмотреть на игру золотых шариков.

Дома у бедняка опять смех, веселье и радость. Заходит в дом, но не видно ни-

где золотых шариков. Только детишки резвятся, прыгают, скачут, звонко смеются. Весело всем. Отец и мать любят на своих детей и вместе с ними радуются и смеются.

Богатый брат спрашивает у бедного: «Где же ваши золотые шарики? К тому же я купил на базаре золотые шарики, но они не катаются. Дома все равно тишина».

Тогда бедный брат показывает на детей, на жену и говорит: «Вот мои золотые шарики. Мы любим друг друга, и дорожке нашей любви ничего на белом свете нет».

Идет к себе домой богатый брат, а у бедного катаются дома золотые шарики. Светло, тепло и весело дома у бедного брата от большой любви к детям, к жизни.

У богатого много дома металла, отливающего желтым цветом, но нет у него в жизни ни радости, ни любви.

*Со слов
Прасковьи Ивановны Тыдыковой*

О ЛЕНИ

Давным-давно жил один лентяй по имени Самтар. Он не только не хотел работать, но даже ленился пищу готовить и принимать.

Мучился-мучился и однажды обратился к людям: «Люди добрые! Вы лучше похороните меня».

Уложили люди лентяя Самтара в гроб и понесли хоронить. Навстречу попался им жадный бай. Узнал он, что к чему, и обратился к людям, чтобы отдали они Самтара ему в работники.

Самтар-лентяй, услышав слова бая,

приподнял голову и спросил: «А чем и как ты меня кормить будешь?»

Бай говорит: «Сухари есть и кроме сухарей что-нибудь найдется».

Самтар воскликнул: «Хо, буду я еще твои сухари мочить. Нет, лучше хорони-те».

Так по воле самого Самтара похоронили его.

Вот до чего иногда доводит лень!

*Со слов
Анны Ахметовны Сыркашевой*

О ЗАВИСТИ И ЖАДНОСТИ

Жили-были три брата. Старшие братья были очень жадные и притесняли младшего. Решили они убить его и затем разделить наследство между собой.

Завернули они его в шкуру, поднесли к проруби и, прежде чем утопить, решили разделить имущество между собой и оставили его на льду реки.

В это время проезжал мимо проруби жадный бай. Увидел завернутого в шкуру младшего брата и спрашивает: «Что ты собираешься делать?»

Много бед принес бай бедным людям своей алчностью, жестокостью. От непосильного труда у бая рано умерли отец и мать братьев.

Младший решил отомстить баю за смерть родителей и братьям за то, что хотели его смерти.

Он отвечает баю: «Я смертельно болен и хочу излечиться от своего недуга. Нырну в прорубь и выйду затем обратно здоровым и сильным».

Старому баю тут же захотелось тоже стать молодым, сильным и здоровым. Он

просит младшего брата поменяться местами и дарит ему свою богатую одежду и коня.

Бай завернулся в шкуру и нырнул в прорубь. Стало на белом свете одним жадным баем меньше.

Младший оделся в байскую одежду, сел на коня и примчался домой. Братья страшно удивились: «Как ты выбрался из перевязанной шкуры? Откуда такая богатая одежда? Какой красавец конь!»

Он отвечает им: «Не дожидаясь вас, сам нырнул в прорубь и попал в подводное царство. Там встретил отца и мать. Они подарили и коня, и богатые наряды. Отправили с подарками назад домой».

Зависть и жадность обуяла старших братьев. Они побежали к проруби, завернулись в шкуры и повторили последний шаг бая.

Зависть и жадность губят и богатых, и бедных.

*Со слов
Прасковьи Ивановны Тыдыковой*

ЖИТЬ В СОГЛАСИИ С САМИМ СОБОЙ И СО ВСЕМИ

Давным-давно жил один скупой человек. Всего у него было в предостатке. Думал он про себя: «Все у меня есть. Ничего ни у кого я просить не буду и никому ничего из своего не дам».

Но случилось как-то, что потребовалась ему самая что ни есть простая вещь. Хватился, а у него этой вещи нет. Что делать?

Нужда в самой простой, но необходимой вещи вынудила его обратиться к бедняку. Бедняк дал ему нужную вещь.

Скупой взял и задумался: «Я думал все у меня есть, но оказалось, что не было самой простой нужной вещи, которую дал мне бедняк. Люди должны помогать друг другу. Надо жить в согласии с самим собой и со всеми».

Конец сказки. Остается надеяться, что эта простая истина поможет скупым избавиться от своего недуга.

*Со слов
Анны Ахметовны Сыркашевой
Записал и перевел на русский Н. В. Калишев*

Владимир Шабалин

ДВОРЯНСКАЯ ДОЧЬ

Имя женщины, о которой пойдет речь, почти забыто в Кузбассе, на Алтае и в Хакасии.

Между тем Надежда Петровна Дыренкова оставила глубокий след в изучении языков, этнографии и культа тюркских народов названных территорий. Особый вклад внесла она в изучение языка и фольклора шорцев, коренных жителей южных районов Кемеровской области.

И сегодня, спустя почти полстолетия после трагической гибели Дыренковой, ни один серьезный тюрколог, от аспиранта до академика, не может обойтись без научного наследия Надежды Петровны.

Ее труды по языку шорцев, алтайцев и хакасов, ее сборник «Шорский фольклор», десятки научных публикаций по этнографии и культу шорцев, телеутов и алтайцев уже в тридцатые годы нашего века поставили Н. П. Дыренкову в один ряд с крупнейшими представителями отечественной и зарубежной тюркологии.

В истории филологической науки нашей страны Надежда Петровна стала первой женщиной — исследовательницей тюркских языков. Автором первой научной «Грамматики шорского языка», первого самостоятельного сборника «Шорский фольклор».

I

Надя Дыренкова родилась 31 мая (13 июня) 1899 года в деревне Соснинка Новгородской губернии в семье мелкопоместных дворян. Родители состояния не имели. Будучи людьми образованными, они дали дочери хорошее начальное образование. Мать с отцом сами учи-

ли Надю языкам: древнегреческому и латинскому, а также современным — английскому, немецкому и французскому. Они достигли многого. Достаточно сказать, что ко времени поступления в одну из женских гимназий Петербурга Надежда свободно владела французским, английским и немецким.

Первая мировая, а затем гражданская войны разметали семью Дыренковых. После окончания гимназии Надя осталась не только без родителей, но и без средств к существованию. С большим трудом летом 1918 года ей удалось устроиться учительницей начальных классов в одной из школ Лужского уезда Петроградской губернии. О продолжении образования нечего было и думать. Ведь она — дворянская дочь. Два года, проведенные в деревне, сблизили девушку с крестьянами, благодаря которым она в 1920 году получила от уездного наробраза документы, открывшие ей дорогу в педагогический институт Петрограда.

Но девушка чувствовала, что педагогическая работа — все-таки не ее судьба. С детства мечтала она о дальних путешествиях. И как только представилась возможность, она перешла из пединститута на этнографическое отделение Петроградского географического института, стала его студенткой.

2

Уже в студенческие годы во время летних каникул Надежда Дыренкова, как будущий специалист по этнографии, участвует в экспедициях по Горной Шории и Горному Алтаю,

собирая материалы по этнографии и культу шорцев, телеутов и алтайцев.

Одаренная студентка за несколько месяцев, проведенных в экспедиции, сумела овладеть шорским языком и стала хорошо понимать алтайский и телеутский.

1925 год стал счастливым для Надежды Петровны Дыренковой. По окончании географического института ее приглашают на работу в качестве практикантки (аспирантки) в Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР.

Ее научным руководителем становится крупнейший русский этнограф Лев Яковлевич Штернберг (1861—1927).

Маститый ученый мирового класса, труды которого были замечены и высоко оценены еще Фридрихом Энгельсом, при первой встрече с Дыренковой сказал:

— Надежда Петровна, вы уже сложившийся исследователь. Вам остается только одно: собирать материал. Я знаю о ваших экспедициях в Шорию и на Алтай. Одобряю. Изучайте не только этнографию, но и фольклор, языки, наречия и диалекты...

Под руководством Штернберга Надежда Петровна в 1925 году готовит к печати свои первые научные работы: «Род, классификационная система у алтайцев и телеутов», «Родство и психические запреты у шорцев», «Культ огня у алтайцев и телеутов». Все эти крупные статьи были опубликованы уже в 1926 году в Ленинграде.

В течение восьми лет, почти ежегодно, посещает Дыренкова Шорию. Собирая материалы по шорскому фольклору, языку, этнографии и культу, она где пешком, где верхом на лошади пробирается от улуса к улусу, от стойбища к стойбищу.

Так героическое сказание «Ак-Каан» и «Оленг-Тайджи» Надежда Петровна записывает у представителей шорского рода Четтибер, проживавших в улусе Томазак (ныне город Мыски), а неделю спустя эпическую поэму «Картыга Перген» выслушивает и записывает в верховьях реки Кондомы у рода Шор. Сказание «Кан Кес» поет ей кайчи из Осинниковского улуса, а поэму «Кан Мерген» Дыренкова записывает от сказителя рода челей-

цев, представители которых жили тогда в низовьях Мрассу.

Молодая и энергичная исследовательница не ограничивалась записью героических поэм и сказаний. Ей были интересны и короткие охотничьи легенды, и живая современная шорская речь. Потому она появляется в стойбищах кайцев, обитавших в верховьях Мрассу и на речке Кубансу: на реке Колзас (бассейн Мрассу) у представителей рода Таяш, в улусе Сага, где проживали каргинцы; гостит у кызыльцев на реке Қобырс, встречают ее каларцы, проживавшие в улусе Акколь на нижней Мрассу...

С риском для жизни, вдвоем с проводником, через горные перевалы совершает Надежда Петровна переход из Горной Шории в пределы Хакасии, чтобы услышать и записать речь проживавших там шорцев из родов Кый, Кобый и Карга.

Посещает она и хакасиязычное население: сагайцев, койбалов, маторов, кызыльцев, записывая их живую речь, легенды и сказания.

Каждое лето сотни страниц, исписанных латинскими буквами, привозит Дыренкова из Сибири в Ленинград.

Летом 1932 года Надежда Петровна заболела красной волчанкой. Человек, всесторонне образованный, она знала, что для жизни болезнь не опасна. Но ей было известно, что проклятая волчанка может оставить на лице крупные пятна в форме бабочки.

— Неужели стану уродом? — задавала себе вопрос Надежда Петровна.

Болезнь, обостряясь весной и летом, преследовала Дыренкову до конца ее жизни. А окружающие по-прежнему отмечали ее красоту. Широко открытые голубые глаза обрамлялись черными ресницами. Черные тонкие брови контрастировали с пышными русыми волосами.

Высокого роста, стройная, шла ли она по Невскому проспекту в модном платье, шагала ли в тяжелых сапогах и фуфайке тропами Шории, всегда при виде ее останавливались мужчины. Один старый шорец-кайчи (сказитель) пропел ей нечто вроде комплимента: «Тебя, прекрасная девушка, за красоту твою,

которую не найдешь и за девяноста мирами, будет благодарить само Небо».

Десятилетия спустя мысковские, таштагольские, кабырзинские шорцы вспоминали «прекрасную деву Надежду». Отцы и матери давали в честь ее имена дочерям.

Лето 1932 года было тяжелым для шорцев. Продвигаясь по Томи, Мрассу и Кондоме, не раз встречала исследовательница брошенные стойбища. Голод выкашивал шорцев. Помогала чем могла. Так уж вышло, что экспедиция 1932 года по Шорин оказалась последней для Надежды Петровны.

Материалов было собрано так много, что по скромным прикидкам их хватило бы на десяток книг.

3

С тридцать третьего года и до конца дней своих, используя собранный этнографический и языковой материал, работает Дыренкова сразу над четырьмя своими главными трудами.

Составляя сборник «Шорский фольклор», Надежда Петровна ясно себе представляла, что в дальнейшем она займется чисто языковыми проблемами. Сборник потребовал особого напряжения сил. Нетрудно было перевести текст. Она блестяще владела шорским языком. Но встречались и такие обороты (особенно в эпических поэмах), что доставляли исследовательнице много беспокойства. Приходилось обращаться к ставшим уже классикой, трудам знаменитого тюрколога Василия Васильевича Радлова. Она еще девочкой видела не раз на улицах Петербурга этого, уже очень пожилого, но подтянутого и стройного «богатыря тюркологии», как впоследствии называл его наставник Дыренковой и друг Радлова Лев Яковлевич Штернберг.

Незадолго до своей смерти в 1927 году, уже тяжело больной, Штернберг настоятельно просил Надежду Петровну не забывать о «громдном наследии Радлова». Он тогда добавил еще:

— От этнографии и фольклора ваш путь, Наденька, пойдет в языкознание, в тюркологию. Опорой вам будет Радлов... И вы обязаны, милая Наденька, доделать то, что он не

успел, но замыслил... Когда Василий Васильевич умирал в восемнадцатом году, он просил меня и Малова продолжить работу по составлению словарей тюркских языков Сибири. Прошу вас не забывать его и мою просьбу.

«Шорский фольклор» был подготовлен к печати уже в 1935 году. Надежда Петровна сумела ознакомить с машинописью Алексея Максимовича Горького, который, прочитав героические сказания шорцев, назвал их гениальными, что не могло не вдохновить Дыренкову.

Сданный в набор в 1936 году «Шорский фольклор» был издан только в сороковом, когда уже не существовало Горно-шорского национального района, когда и сама Надежда Петровна не очень-то верила в выход издания. Тираж сборника был смехотворно мал — восемьсот экземпляров.

К сожалению, этот замечательный свод шорской народной мудрости и до сегодняшнего дня не переиздан, не стал достоянием новых поколений шорцев, произведения его редко кому известны.

Особенностью «Грамматики шорского языка» является ее обстоятельность. К началу тридцатых годов шорский язык как литературный еще не сложился, существовали наречия и говоры. Дыренкова сумела отразить в своей «Грамматике» это его своеобразие. После каждого грамматического правила автор дает массу примеров, взятых как из живой речи шорцев 20—30 годов, так и из произведений фольклора.

«Грамматика шорского языка», изданная в 1941 году, к сожалению, не пригодилась никому, кроме специалистов-тюркологов, которые и сегодня с успехом используют труд Дыренковой в полную меру. Возможно, при возрождении шорской письменности, литературного языка, вообще при восстановлении национальных прав малочисленного народа капитальная работа Надежды Петровны по грамматике, как и «Шорский фольклор», найдет применение, найдет своих читателей и ценителей.

В 1940 году Дыренкова сумела опубликовать «Грамматику ойротского (алтайского) языка», которая стала настольной книгой не только тюркологов, но и каждого образован-

ного жителя Горно-Алтайской автономной области.

В 1941 году Надежда Петровна закончила работу над «Грамматикой хакасского языка», которая вышла в свет только через семь лет.

Весной сорок первого года Надежда Петровна вынашивала идею создания «Сравнительной грамматики тюркских языков народов Южной Сибири», мечтала составить русско-шорский и шорско-русский словари, предвкушала работу над «Этимологическим словарем тюркских языков»...

Она даже прикинула, что если проживет еще сорок лет, то успеет создать «Сравнительно-исторический словарь тюркских языков» в 8—10 томах, который превзошел бы по объему аналогичный словарь В. В. Радлова.

13 июня 1941 года Надежде Петровне исполнилось 42 года. Вскоре началась война. Талантливый ученый, Н. П. Дыренкова вовсе не интересовалась политикой и не представляла себе, что так круто может измениться ее личная жизнь уже в первые дни и недели начавшейся жестокой бойни.

Человек действия, Надежда Петровна одной из первых в Этнографическом институте записывается в пожарную дружину и вскоре вместе с товарищами участвует в тушении пожаров, возникавших от немецких зажигательных бомб на крыше института.

Приближалась осень, в сентябре немцы блокировали Ленинград, в котором по-прежнему оставались сотни тысяч мирных граждан, об эвакуации которых руководство страны не подумало в летние месяцы и которые были обречены на смерть. Дыренкова о себе, своей жизни и здоровье никогда не проявляла особой заботы. Ей не пришло в голову эвакуироваться, когда была такая возможность. И

вот ученый мирового класса взбирается на крышу и с помощью обычного багра пытается тушить пожары, вспыхивающие то там, то здесь.

Холодные пронзительные ветры с Балтики усилились в октябре. Легко одетая (для удобства и быстроты движений), Надежда Петровна ловко орудовала багром. Вот уже дня три ее одолевал тяжелый кашель, но она сдерживала его. Чувствовала температуру, но успокаивала себя: «Пройдет, мелочь».

И продолжала ходить на работу, участвовать в тушении пожаров. Болело горло, озноб и крупная дрожь мучили ее. 25 октября Дыренкова не пришла в институт. Из-за неразберихи, массовых артиллерийских обстрелов и бомбардировок в тот день никто не смог сходить к Надежде Петровне. 26-го, во время обеденного перерыва, хватились: «Где Надя?»

Обстрела не было. Пошли на квартиру. Дверь заперта. На стук никто не ответил. Позвали постового, взломали дверь. Надежда Петровна была мертвой.

Похоронили ее в тот же день на Волковом кладбище. Некогда было говорить прощальные речи. Вражеские снаряды падали и рвались рядом.

Злые люди придумали: «Незаменимых нет». Неправда. Почти полвека прошло с того октября, но нет почему-то книг, в частности, словарей, о создании которых мечтала Дыренкова. В своем деле она была незаменима.

Я ездил по городам Осинники, Мыски, Таштагол, Междуреченск, бывал в шорских и русско-шорских поселках, пытался найти там улочку или переулок, носящий имя Надежды Петровны. Таковых пока нет. Неужели она не заслужила памяти?

Кт

тр

ту

ча

Та

ш

ст

га

Д

Дол

ствен

валас

на, «

перек

от са

в кот

го, и

трех

жык

нож

долб

Сита

тым

«ан

маш

и р

на

пле

урч

спи

с. 1

*

400

ук

К сожалению, серьезную, интересную и нужную книгу В. М. Кимеева «Шорцы. Кто они?»* постигла не очень удачная судьба.

Во-первых, она была издана крохотным тиражом — 4 тыс. экземпляров, что для трехмиллионного Кузбасса капля в море.

Во-вторых, после выхода в свет книга была разослана по городам Кузбасса — и тут же по указанию тогдашнего зампредоблисполкома Облкниготорг значительную часть тиража собрал и переслал в Горную Шорию (в Мыски, Междуреченск, Таштагол, Каз, Темиртау), так как давно уже поступали жалобы коренных жителей — шорцев, что они не могут купить книги о своем народе.

Однако управлению по делам печати облисполкома надо было предвидеть, что спрос на книгу будет большой, и предусмотреть соответствующий тираж. Словом, книга осталась неизвестной для широкого читателя.

Мы перепечатываем одну главу из книги В. М. Кимеева «Шорцы. Кто они?»

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ И ПИЩА ШОРЦЕВ

Домашняя утварь у шорцев была преимущественно деревянная или берестяная, изготавливалась самими хозяевами. Для хранения зерна, «талкана», традиционных напитков, меда, переноски воды употребляли берестяные туеса от самых малых «тозек» до крупных «куспак», в которые входило до 320 кг зерна. Кроме того, изготавливали берестяные короба «эпчек», трехгранные сольницы «саараг»; ложки «кажык», чашки «аяк» вырезали специальным ножом из корня березы, корыта «кардак» долбили специальным инструментом «адылга». Сита «элек» были с обтянутым кожей дырчатым дном. Кендырными нитками шили мешки «анлык каба» из шкур барсука, других домашних животных, кожи тайменя. Встречались и редкие вещи, такие, как, например: коробка на ножках из засушенного коровьего вымени, плетенная из берестяных полос солонка «утус урчан», костяная коробка «серянке кебе» для спичек (Вербицкий, 1893, с. 150; Каталог 1979, с. 118—119).

* Кемеровское книжное издательство, 1989. 4000 экз. Предисл. доктора исторических наук Л. Потапова.

Из железных изделий в употреблении были котлы для варки пищи «козан», чаши для обжаривания ячменя «коргуш», чугунные кувшины для «араки». В низовьях Кондомы и Мрассу стали появляться железные миски, вилки, чугунки, самовары, т. е. тот набор посуды, который был и у русских крестьян.

Основная пища шорцев в конце XIX — начале XX в. — пшеничный и ржаной хлеб: «калаш» — на Мрассу и «терптек» — на Кондоме, мука из обжаренных зерен ячменя «талкан» и ячменная крупа «шарык». Зерна ячменя поджаривали на огне в плоском котелке «коргуш», непрерывно помешивая, чтобы они не подгорели, палкой «пулгаш», обернутой с одного конца тряпичей. Затем их толкли в деревянной ступе «агаш сак» каменным массивным пестом «сак палазы», веяли ручной веялкой «саргаш» и мололи на ручной мельнице. Такая мельница состояла из двух положенных друг на друга каменных дисков, укрепленных на деревянной раме. В центре верхнего диска имелось круглое отверстие для засыпки ячменя, а сбоку — небольшое углубление для рычага, другой конец которого укреплялся в отверстии прибитой под потолком доски. Верхний диск

вращался рычагом по часовой стрелке, при этом готовая мука ссыпалась с краев нижнего диска на деревянную рамку-столик. Регулируя специальным клином зазор между дисками, можно было получить как муку «талкан», так и крупу «шарык».

«Талкан» ели, добавляя в чай, молоко, или просто разводя холодной водой, или смешивая со сметаной. Из этой же муки готовили и густую кашу «саламат». Крупой заправляли суп с мясом «урге». Кондомские шорцы, кроме того, варили из нее похлебку на молоке, добавляя туда рыбу, мясо или кандык. Обычным было и другое блюдо «тутпаш» — сваренные в молоке или воде галушки из пшеничного теста, смешанного с толченой сушеной рыбой. Из пресного теста готовили лепешки «терпек». С появлением русских печей стали выпекать круглый хлеб «калаш».

С развитием торговли в пищу все чаще употреблялся «сугум» — конина. Летом ее вялили, но никогда не солили. Взятое мясо выкладывали на блюда и ели при помощи ножей, запивая мясным наваром «мин». Пищей служило и обжаренное на костре мясо всех птиц и животных, за исключением рыси, выдры и крота. Зажиточные низовские шорцы предпочитали баранину, а некоторые и свинину. Большинство же питалось мясом только по праздникам или на промысле. Картофель в основном варили «в мундире» или пекли в золе.

Из коровьего молока шорцы произвели сметану «каймак», масло «сармай», мягкий сыр «пыштак». Делалось это простым и в то же время древним способом. После доения молоко сразу же кипятили, снимали сливки «орумек». Взбиванием закипевших сливок получали масло с особым вкусом. Для того, чтобы приготовить сыр, молоко доводили в котле до кипения, доливали туда небольшую порцию

простокваши «простак» и вчовь кипятили, потом отделяли в мешках под прессом сыворожку «сарыксу» и творог «кадыксу». Творог два дня сушили в юрте над дымом, пока он не покроется корочкой. Полученный таким образом сыр запивали чаем (Дыренкова, архив ЛЧ ИЭ АН СССР, ф. 3, оп. 2, д. 2).

Наибольшей популярностью пользовался покупной кирпичный чай, хотя употребляли для этих целей и травяной настой. Дикорастущие растения, такие, как, например, корни сараны «саргай» и кандыка «пес» ели сваренными в молоке, все остальное — в сыром виде.

Традиционные напитки — «арака» «сра», «абыртка» делались из ячменя и картофеля. Из «абыртки» — настоя с ячменным солодом и мукой готовили «араку», используя для этого аппараты двух типов. Первый из них состоял из железного котла, деревянной овальной крышки, одного-двух патрубков из кедрового корня. Через патрубки отходили пары и, охлаждаясь, оседали в чугунных кувшинах, стоящих в корыте с холодной водой. Другой аппарат сооружался из такого же котла и над ним бочки, в которую вставляли второй котел меньших размеров для холодной воды. При охлаждении пар конденсировался под дном верхнего котла и каплями падал на вмонтированный в стенку бочки деревянный желоб, по которому содержимое стекало в подставленную посуду. Напиток имел специфический хлебный запах, крепостью не превышал 10 градусов.

Мужчины и женщины курили табак из деревянных трубок «канза» с изогнутым мунштуком. Табак частью выращивали сами, частью покупали у русских. Для снижения крепости покупного табака в него добавляли березовую кору (Анохин, архив ЛЧ ИЭ АН СССР, ф. 11, оп. 1, д. 84).

ПРО

Евге
Зоя

та

Влад

№

Татья

Алек

Влад

но

Мих

Генн

ве

ПОЭ

Викт

но

ну

лю

Бор

то

«Н

по

Леон

№

Влад

кр

№

Ник

де

ск

Серг

по

Ник

до

ни

но

Серг

но

Вал

Мих

пе

Люб

ог

сч

вр

Содержание альманаха за 1990 год

ПРОЗА

- Евгений Богданов.** Повесть про Володю. № 2.
Зоя Естамонова. Берлинская лазурь. Документальная повесть. № 1.
Владимир Иванов. Два дня лета. Повесть. № 2.
Татьяна Ивницкая. Будем помнить. № 2.
Александр Легчило. Два рассказа. № 1.
Владимир Мазаев. Без любви прожить можно. Рассказ. № 3.
Михаил Орлов. Иринарх. Рассказ. № 3.
Геннадий Руднев. Святопредставление. Повесть. № 3.

ПОЭЗИЯ

- Виктор Бокин.** Ночной брекватер. «И в красном зареве стыда...» «Помянули, как вздохнули...» Зависть. «У природы есть все для любви...» По мере узнавания. № 1.
Борис Бурмистров. «Мысль последнюю сердце толкнет...» «Светлое слово «люблю»...» Памяти сына. «Задумаюсь над сутью бытия...» «Не потому молчу...» «Голову на плаху положу...» «Куда мне спешить...» № 1.
Леонид Гержидович. Андрюха Шишконоков. № 4.
Владимир Каганов. Небесный алкоголь. Прекрасной даме. Миф наших дней. Вывод. № 2.
Николай Калишев. «Всегда спешу...» «Листья с деревьев ветер срывает...» Перевел с телеутского автор. № 4.
Сергей Ковякин. Баллада о расстрелянном портрете. № 1.
Николай Колмогоров. «Храм, не храм...» «По долинам, лугам половодье идет...» «Древний город, забытая быль...» Лицо. «От странной мысли вздрогну иногда...» № 3.
Сергей Леонтьев. «По городу волной нервной...» № 1.
Валентин Махалов. Вечерний разговор. № 2.
Михаил Небогатов. Светлое будущее. Насчет пенсий. «Приснилось мне...» № 3.
Любовь Никонова. «Над темной пропастью огромной...» «Только крест на груди...» «Я считала, что больше не будет...» «Природа времени нам лишнего не даст...» № 3.

- Семен Печеник.** Зачем? Отрывок из поэмы. № 1.
Иван Полунин. «Где пылали вчера снега...» «Скосить бы мне...» № 3.
Александр Раевский. Тайна. 1920 год. Колчаконец. Девичий куст. Цветок подземелья. № 3.
Сергей Самойленко. «Цистерны нефтеналивные...» «В плантации дикого мака...» «Играй, музыкант...» «Я просыпаюсь среди ночи...» «Будь готов к обороне повальной...» № 2.
Евгений Тельгереков. «Пройдут одних печалей времена...» № 4.
Александр Цыганков. Второе небо, или Синий пояс осенней радуги. (Отрывок). № 4.
Владимир Ширяев. «Лозунги наши были...» Подражание Брюсову. Баллада о гвоздях. Артель. «Как и десять дней назад...» Говорит бывший узник Колымских концлагерей Виктор Иванович Сизов. «Вам, которые...» «О том, что летим вперед...» № 2.

ПУБЛИЦИСТИКА

- Рафаэль Абоян.** Ловля форели по-бериевски. № 1.
Д. И. Сегодня на дворе другая погода. (Перспективы автономии для советских немцев). № 4.
«Как нитку душу твою оборвали мы!» Рассказы и легенды Горной Шории (Собрала Н. П. Дыренкова). № 4.
Александр Казаркин. Спроси — не знаю. № 3.
Александр Казаркин — Геннадий Косточаков. Блудные сыновья? Потерянные дети? (Диалог о национальной памяти). № 4.
Н. Курпешко. Шорские имена. № 4.
Телеутские сказки. Со слов телеуток П. И. Тыдыковой и А. А. Сыркашевой. Запись и перевод Н. В. Калишева. № 4.
Л. В. Малиновский. Мать-и-мачеха. История и судьба немцев в Сибири. № 4.
Владимир Переводчиков. Дверь открывается в обе стороны. № 3.
Василий Попок. Воспоминание об июле. № 1.
Борис Синявский. Ягодка созрела. № 2.
А. Сыркашева. Прости, мой мальчик, что подарила тебе такую короткую жизнь. № 4.

Софрон Тотыш. Шорские легенды. № 4.
Юрий Тотыш. «Возрожденный народ...» № 4.
Владимир Шабалин. Дворянская дочь. № 4.
Эльмира Шелкова. Робинзонка. № 1.
Владимир Щербак. В книге жизни — послание
из космоса? Вела беседу З. Островская. № 3.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Борис Леонов. Про бойца подводной пехоты.
№ 1.
Неизвестный Короленко
Владимир Короленко. Дневники, письма. № 2.

ПОЛЮСА СМЕХА

Иван Логинов. Аллергия. Юмористический рас-
сказ. № 2.

Владимир Матвеев. Родная стихия. Современ-
ная идиллия. Русская быль. В мире «хру-
щев». Смелая постановка. Диалог с реци-
дивистами. Роковое наваждение. Добрый
совет. Стихи. № 2.
Владимир Переводчиков. Браконьерская кама-
ринская. Стихи. № 1.

СТИХИ ДЕТЯМ

Эдуард Гольцман. Почему у петушка золотой
гребешок? Чистюля. Почему репка выросла
большая-пребольшая. Сон. Две луны. № 2.
К народам России. № 2.

ремен-
«хру-
реци-
Добрый

кама-

олотой
ыросла
№ 2.

Г. Писаревская, натюрморт «Из прошлого Шории», х., м., 1986 г.

40 к.

Индекс 703707

